

Восточный архив

№ 1 (37), 2018

Восточный архив

Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге «Пресса России».

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Вёрстка

Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы.
Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.
При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать 15.03.2018
Объем 12,0 п. л.
Тираж 110 экз.
Отпечатано в издательстве МВА
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы, 2018

© Институт востоковедения РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Сусеева Д.А. В.Н. Татищев как глава Калмыцкой комиссии	4
Зайцев И.В. Османская надпись на портрете С.Л. Лашкарёва кисти В.Л. Боровиковского	8
Болдырев А.В. К истории русско-турецкой черноморской торговли второй четверти XIX века	11
Кадырбаев А.Ш. Подписание Тяньцзинского договора и обретение Россией Приамурья и Уссурийского края	13
Норик Б.В. Рапорт полковника В.А. Косаговского о положении в Персидской казачьей бригаде. 1895 год	20
Лисицына Н.Н. Вывод английских войск из Афганистана, или «Обещать – не значит уйти»	33
Тихонов Ю.Н. Донесение советского полпреда в Кабуле Я.З. Сурица о трудностях ратификации советско- афганского договора о дружбе 1921 года	36
Шмидт Вальдемар. Трагедия Казахстана 1921–1922 годов: голод и его последствия	40
Рыбинский Николай. Под небом Африки. Русские во фран- цузском Иностранном легионе. Окончание	51
Марахонова С.И. Николай Михайлович Попов-Татива (1883–1937). Переводчик, учёный, педагог и организатор московского востоковедения	60
Бухерт В.Г. «Налицо целая банда скрытых врагов». Заявле- ние Г.С. Кара-Мурзы. 1938 год	71
Прожогина С.В. Мулуд Фераун. Дни Кабилии	77
Малевинская М.Е. Издание аннотированных перечней до- кументов по истории Японии и Кореи (XVIII – начало XX века)	90
Наши авторы	96

Oriental Archive

No. 1 (37), 2018

CONTENTS

Editor's notes	3
Suseeva, Danara. Vassiliy Tatischev as the Head of Kalmic Commission	4
Zaytsev, Ilya. Ottoman Inscription on the Portrait of Sergey Lashkaryov by Vassiliy Borovikovskiy	8
Boldyrev, Andrey. Russian-Turkish Trade on the Black Sea at Second Quarter of XIX century	11
Kadyrbaev, Alexander. Conclusion of the Treaty with China in 1856	13
Norik, Boris. Report by Colonel Kosagovsky on the Situation in the Persian Cossack Brigade	20
Lisitsyna, Natalya. Withdrawal of the British Forces from Afghanistan	33
Tihonov, Yuriy. Report by the Soviet Ambassador in Kabul Yakov Surits on Difficulties of Ratification of the Soviet-Afghan Treaty of 1921	36
Schmidt, Waldemar. Tragedy of Kazakhstan in 1921–1922 as a Result of Hunger	40
Rybinskiy, Nicolay. Russians in French Foreign Legion (the last part)	51
Marahonova, Svetlana. Nicolay Popov-Tativa (1883–1937) as Scholar, Teacher and Organizer of Moscow Oriental Studies	60
Buhert, Vladimir. Declaration of Georgy Kara-Murza in 1938	71
Prozhogina, Svetlana. Mouloud Feraoun. Days of Kabylie	77
Malevinskaya, Marina. Publication of Documents on History of Japan and Korea from XVIII to the beginning of XX Century by Russian State Archive of Military Fleet	90
Contributors	96

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Нынешний год – юбилейный для «Восточного архива». Ему исполнилось 20 лет! За это время мы выпустили 37 номеров журнала. В них публиковались авторы не только из таких традиционных востоковедных центров, как Москва, Петербург или Казань, но также из Екатеринбурга и Липецка, Новосибирска и Владивостока, Иваново и Иркутска. Присылали материалы в журнал и иностранные исследователи. Причем как из ближнего зарубежья – Украина, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, так и из дальнего: Болгария, Венгрия, Польша, Германия, Япония, Китай, Израиль, Египет, Тунис, Турция.

«Восточный архив» стал центром архивистов из разных стран, и это, несомненно, помогает исследователям в работе. Раз в три года мы проводим в Институте востоковедения РАН конференцию, в которой участвуют наши авторы. В последний раз она проходила в ноябре прошлого года. В нынешнем номере опубликованы несколько статей участников конференции. Так что поздравляю с юбилеем и приглашаю тех, кто занимается исследованиями архивов, присылать свои материалы в наш журнал.

Ну а теперь о материалах нынешнего номера «Восточного архива». Они достаточно разнообразны. Выделю некоторые из них. Прежде всего статью Д.А. Сусеевой о В.Н. Татищеве как главе Калмыцкой комиссии. Автор приводит целый ряд документов, отложившихся в Национальном архиве Республики Калмыкия и рассказывающих о деятельности В.Н. Татищева в этом регионе в 1740-х годах. Многие документы, хранящиеся в этом архиве, неизвестны науке.

Впервые публикуется в нашем журнале иранист Б.В. Норик. Он приводит рапорт полковника В.А. Косаговского, командира Персидской казачьей бригады (1895 год), столкнувшегося с особенностями формирования бойцов из персов.

Голоду в Казахстане в 1921–1922 годах посвящена статья автора из Германии Вальдемара Шмидта. Первая мировая и Гражданская войны резко сократили производство сельскохозяйственной продукции в Казахстане, и неурожай 1921 года стал настоящей катастрофой для жителей этого региона.

Два материала посвящены северной Африке. В нынешнем номере «Восточного архива» мы завершаем публикацию рассказа Николая Рыбинского о пребывании русских во французском Иностранном легионе в начале 1920-х годов. А С.В. Прожогина предоставила нам отрывки из книги алжирского писателя Мулуда Ферауна «Дни Кабилии». Книга была опубликована уже после смерти автора, в независимом Алжире, в 1960-х годах.

В номере напечатана также статья архивиста М.Е. Малевинской об издании аннотированных перечней документов по истории Японии и Кореи в XVIII – начале XX века. Она поможет исследователям этих стран ориентироваться в собрании Российского государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге.

В журнале публикуются и другие материалы – по русскому Дальнему Востоку (А.Ш. Кадырбаев), Афганистану (Н.Н. Лисицына и Ю.Н. Тихонов), Турции (А.В. Болдырев). Две статьи рассказывают о малоизвестных русских востоковедах Н.М. Попове-Тативе (С.И. Марахонова) и Г.С. Кара-Мурзе (В.Г. Бухерт). Так что нынешний номер «Восточного архива» будет интересен многим нашим читателям.

В.В. Беляков

Д.А. Сусеева

В.Н. ТАТИЩЕВ КАК ГЛАВА КАЛМЫЦКОЙ КОМИССИИ

Василий Никитич Татищев – известный государственный деятель России первой половины XVIII века. Архивные документы, отложившиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия, свидетельствуют о многогранной деятельности В.Н. Татищева в 1741–1745 гг., когда он исполнял обязанности губернатора Астраханской губернии и главы Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел.

В.Н. Татищев сумел предотвратить ожесточённую и кровопролитную борьбу калмыцких владельцев за ханский престол. Чтобы избежать раскола в калмыцком обществе, В.Н. Татищев неоднократно лично встречался с представителями противоборствующих сторон. Он также вёл постоянную переписку с влиятельными калмыцкими владельцами и их знатными людьми, организовывал поездки калмыцких владельцев в Санкт-Петербург на торжественные мероприятия (например, по случаю восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны), приглашал их на русские праздники (Святой пасхи и т.д.). Сам принимал участие в калмыцких мероприятиях с выездом в улусы (по случаю праздника «Цаган сар») и т.д.¹

Зима 1741–1742 гг. в Калмыцкой степи была чрезвычайно суровой, многие калмыки лишились своего скота. Калмыки выходили из этой суровой зимы «скудными» и «бесконными» (терминология тех лет). В.Н. Татищев помог этим бедным калмыкам избежать неминуемого голода, ожидавшего их весной 1742 г. В феврале 1742 г. он оперативно расселил 15 000 «скудных» калмыцких семей («кибиток») для временного проживания в рыбных местах при астраханских, царицынских и гурьевских ватагах русских рыбопромышленников и казённых учугах². В письме от 11 февраля 1742 г. наместнику Калмыцкого ханства Дондук Даше В.Н. Татищев в частности сообщает (документ публикуется по современным правилам орфографии, с сохранением стилистических особенностей оригинала): «При Астрахани по ватагам коликое число убогих калмык, кибиток кем принято будет. Тому при сём реестр:

Тихон Лошкарёв 1500	Федор Кобяков 1000
Иван Дьяконов 200	Федор Вязьмин 50
Илья Чирин 200	Иван Хлебников 400
Фрол Савицкий 50	Григорий Камышев 100
Иван Блинов 200	Роман Крашенинников 100
Данила Ломовцов 100	Спасского монастыря архимандрит Мефодий 500
Дмитрий Кафтанников 100	Гаврила Стариков 100
Леонтий Боков 100	Никифор Бирвков 100
Иван Бухарцев 100	Дмитрий Самарский 400
Николай Бариновский 50	Иван Шумнов 200
Лаврентий Иванов 200	Ефим Бакланов 100
Михаил Хвалабогу 100	

По доношению майора Смолянинова.

Близь Яика, Гурьева городка – 2000. При казённых астраханских 4 учугах с 280. Всего: 8600 кибиток.

Послано (наместнику Калмыцкого ханства) с переводом (на калмыцком языке) 11 числа (февраля 1742 г.)»³.

В.Н. Татищев был первоклассным руководителем и строителем⁴. Об этом свидетельствует и появление на карте Астраханской губернии Енотаевской крепости, строительством которой он занимался от начала до конца: выбор местности, план строительства, формирование отрядов строителей, организация конкурса на закупку строительной древесины, строительство и т.д.⁵.

В.Н. Татищев постоянно уделял внимание укреплению мира и согласия между народами, населявшими Поволжье и Северный Кавказ. Он всячески поддерживал развитие торговых, экономических, культурных отношений между ними, что нашло отражение в ряде документов НАРК. Вот один из тех многочисленных документов (публикуется по современным правилам орфографии, с сохранением стилистических особенностей оригинала):

«Её императорского величества верноподданному киргиз-кайсацкой меньшей орды Абулгаир-хану, салтанам, старшинам и всему киргиз-кайсацкому войску от тайного советника Татищева.

Сей день получил я от Её императорского величества к вашему высокопочтению всемирнолюбивейшую грамоту, которую при этом и посылаю. Во исполнение оной [грамоты] вашему высокопочтению напоминаю, чтоб вы по вашей к Её императорскому величеству всеподданной верности **для утверждения с калмыцким народом мира** посланцев ваших (салтанов и знатных старшин) прислали в Астрахань, куда съедутся и сами калмыцкие владельцы и их знатные люди.

По прибытии оных ваших посланцев и для успокоения обоих народов труд мой приложить не оставлю, пребываю (в таком состоянии)

Вашего высокопочтения верный и доброжелательный.

В той же силе средней орды Абулмамед-хану, салтанам, старшинам и всему киргиз-кайсацкому войску в день 4 февраля 1742 года (написаны). Посланы оные листы с грамотами 5 числа (февраля 1742 года) с посланцем Джанибековым Акаем»⁶.

Решая спорные вопросы, В.Н. Татищев стремился учитывать законы и традиции русского, калмыцкого и татарского судопроизводства. Имеются документные свидетельства того, что В.Н. Татищев, например, принимал определённое участие в создании нового права для того времени, где учитывались бы интересы русских и калмыков, и калмыцкого права на основе известного монголо-калмыцкого устава взысканий (Цааджинь-Бичикъ) 1640 г. Одним из подтверждающих это документов является официально-деловое письмо В.Н. Татищева в адрес коменданта г. Царицына Г. Кнутова:

«Государь мой!

По присланному ко мне минувшего октября 11 числа именному Её императорского величества всеподданнейшему указу от 31 августа между прочими пунктами повелено в 3-м (пункте): о постановлении для лучшего разбирательства между русскими и калмыками происходящих ссор **особливое право сочинить мне из наших российских и из калмыцких прав**, справясь с прежними калмыцкими делами в бытности при оных Артемия Волинского, которые все имеются у вашего высокоблагородия. И оное по сочинении для рассмотрения в Коллегию иностранных дел прислать.

В 4-м (пункте): **о суде и расправе между калмыками, как то при хане Аюке происходило**. Для известия, справясь, пришлите в ту же иностранную Коллегию ведомость. И с оных пунктов наперёд сего в бытность мою с вашим высокоблагородием при переправе на

нагорную сторону багацохуровых улусов. И с того указа выписать того ради, ваше высокоблагородие, благоволите.

После объявленного Её императорского величества именного указа, справясь о калмыцких делах прежних годов в письменных делах, потребное (необходимое) по означенным пунктам выписать. Для отсылки в Коллегию иностранных дел прислать ко мне немедленно.

Вашего высокоблагородия, государя моего, послушный слуга

В. Татищев [Автограф].

Астрахань. 28 ноября 1742 года»⁷.

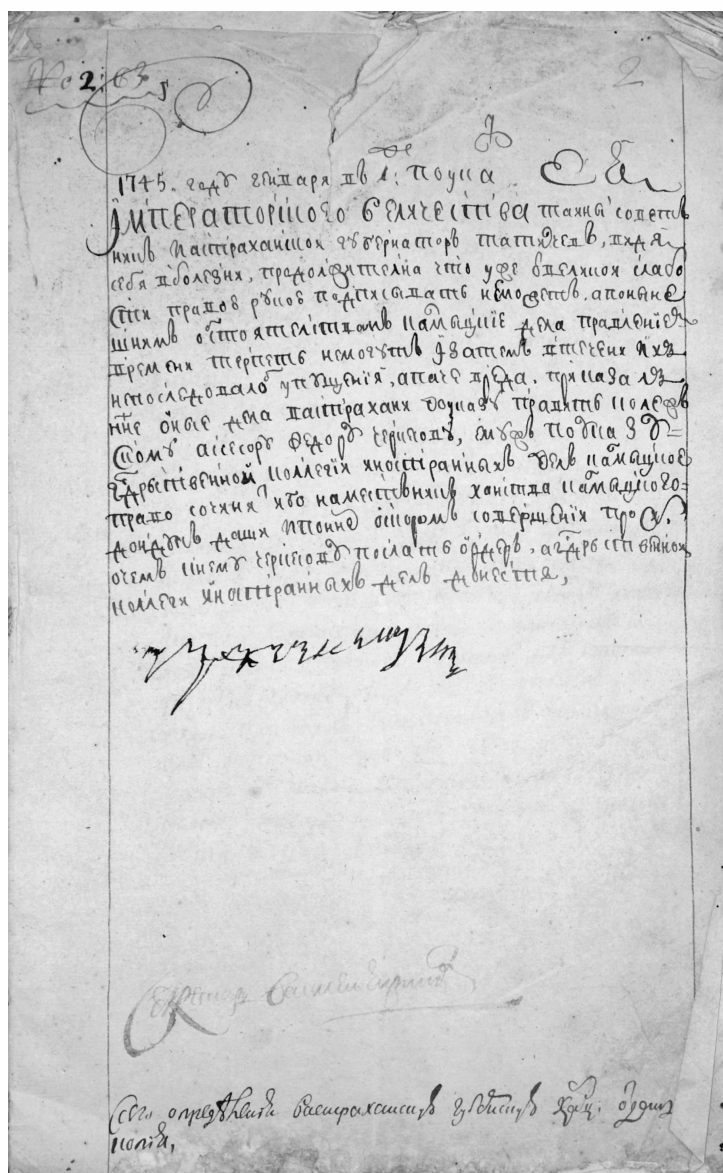
В.Н. Татищев придавал большое значение роли переводчиков. В связи с этим он уделял особое внимание переводчикам калмыцкого языка. Он проявлял заботу об условиях их жизни и быта, о качестве подготовки, росте их профессионального мастерства⁸.

Документы, хранящиеся в НАРК, характеризуют В.Н. Татищева не только как государственного деятеля, но и как человека с чувством повышенной ответственности. Об этом свидетельствует, например, приказ от 10 января 1745 г., который подписан самим В.Н. Татищевым⁹ (см. Приложение). Будучи больным, В.Н. Татищев продолжал работу, но, видимо, из-за паралича не мог подписывать документы, поэтому появился его приказ следующего содержания (документ публикуется по современным правилам орфографии, с сохранением стилистических особенностей оригинала):

«1745 год, в день 10 января. По указу Её императорского величества тайный советник и астраханский губернатор Татищев, видя себя в болезни, продолжительной, что уже от великой слабости правою рукою подписывать не может, а по нынешним обстоятельствам правление Калмыцкими делами времени терпеть не может и за тем в течение его не последовали бы упущения, а паче вреда, приказал ныне оные дела в Астрахани до указа править коллежскому асессору Федору Черкесову, ему же по указу государственной Коллегии иностранных дел калмыцкое право сочинять, ибо наместник ханства Калмыцкого Дондук Даши и по оной о скором совершении просит, о чём к нему Черкесову послать ордер, а государственной Коллегии иностранных дел донести.

В. Татищев [Автограф]».

Многие документы, отложившиеся в НАРК и связанные с именем В.Н. Татищева, не известны науке, хотя они представляют большой интерес для исследователей разных наук и научных направлений. Нашей статьей нам хотелось бы привлечь их внимание к этому богатейшему источнику.

Примечания

- ¹ Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 141–181.
- ² НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 115–119.
- ³ Там же. Л. 119.
- ⁴ Горопицын И.В. Записка В.Н. Татищева о планах застройки крепости Черный Яр // Исторический архив. М. 2001. №2. С. 201–207.
- ⁵ Сусеева Д.А. В.Н. Татищев и Енотаевская крепость в русско-калмыцких отношениях. 1742–1745 гг. // Исторический архив. М. 2016. № 4. С. 185–190.
- ⁶ НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 103–103об.
- ⁷ Там же. Д. 146. Л. 275–275об.
- ⁸ Там же. Д. 141. Л. 111, 202, 286 и др.
- ⁹ Там же. Д. 181. Л. 2.

И.В. Зайцев

ОСМАНСКАЯ НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ С.Л. ЛАШКАРЁВА КИСТИ В.Л. БОРОВИКОВСКОГО

В 1811 г. живописец Василий Лукич Боровиковский создал парадный портрет известного русского дипломата Сергея Лазаревича Лашкарёва (1739–1814). Полотно было, вероятнее всего, написано в Санкт-Петербурге, куда в 1811 г. С.Л. Лашкарёв последний раз приезжал для свидания с дочерью¹. Ныне оригинал портрета выставлен в экспозиции Одесского художественного музея. Копия портрета, хранившаяся в семье Лашкарёвых, в 1885 г. была подарена внуком Сергея Лазаревича генерал-лейтенантом Павлом Сергеевичем Лашкарёвым Московскому Главному архиву министерства иностранных дел².

Как писал биограф дипломата, «Боровиковский изобразил Лашкарёва сидящим за небольшим бюро, на котором лежит лист бумаги с аккуратными строками арабской вязи. В правой руке у него гусиное перо. Умное, сосредоточенное лицо, упрямо сжатые губы и усталые, чуть слезящиеся глаза – ему тогда было уже за семьдесят. О чем вспоминает этот искусный дипломат?»³. «Аккуратные строки арабской вязи» В.Л. Боровиковский передал очень детально, что делает возможным их чтение.

Османская надпись. Фрагмент полотна В.Л. Боровиковского.

Как упоминал Г.Л. Кессельбреннер, «научные сотрудники Эрмитажа перевели арабскую надпись на полотне В.Л. Боровиковского на русский язык. В ней упоминается о присоединении Крыма к России – важном историческом событии, к которому Лашкарёв имел самое непосредственное отношение». Об этом Г.Л. Кессельбреннеру в феврале 1982 г. сообщила заведующая отделом Одесского художественного музея Л.Н. Калмановская⁴. Однако перевод надписи, насколько мне известно, в печати так и не появился. Интересующий нас фрагмент картины в увеличенном виде опубликован в книге Гавриила Леонидовича Кессельбреннера⁵. Попробуем предложить собственный вариант её прочтения.

قریم اطاسی دولت قاهره روسیه ضمّ والتحاقي ایالت مز بودك (?) بالارث والاستحقاق

«Крымский полуостров присоединён к Российскому государству-покорителю и стал провинцией нашей по праву породы и наследства...».

Ко времени написания портрета Сергей Лазаревич Лашкарёв уже несколько лет (с января 1804 г.) был в отставке и проживал безвыездно в своём имении Дымово под Витебском. Отставка прервалась на короткий срок в 1807 г., когда опытный дипломат по императорскому указу получил особые административные полномочия в Молдавии и Валахии для ведения мирных переговоров с турками. Слободзейское перемирие было подписано С.Л. Лашкарёвым и османским представителем Галибом-эфенди 12 августа 1807 г. и длилось до весны 1809 г. После этого вновь начались боевые действия, а затем новые переговоры, завершившиеся в мае 1812 г. подписанием Бухарестского мирного договора. Но С.Г. Лашкарёв в них уже не участвовал: он был отозван из княжеств в декабре 1807 г. и к практической дипломатической деятельности более не возвращался.

Турецкая фраза на полотне В.Л. Боровиковского могла бы быть отрывком из какого-то дипломатического документа (к подписанию которого мог иметь отношение Сергей Лазаревич) или же своего рода экспромтом, написанным дипломатом по собственному желанию или заказу живописца.

В доступных нам в оригинале османских текстах, касающихся Крыма, такой фразы как будто бы нет. Нет её и в русских версиях мирных договоров России с Османской империей (Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. и Ясского трактата 1791 г., который, кстати, с российской стороны подписал как раз Сергей Лазаревич и за который и был пожалован своим имением в Минской губернии). Однако в нескольких текстах мы встречаем обороты, схожие с фразой на портрете.

Так, фраза بالارث والاستحقاق встречается в тексте крымской версии ратификационной грамоты (taadik-name) Карасу-Базарского мирного договора, датированной 29 января 1773 г.⁶ Ныне эта грамота представлена в экспозиции Музея истории и культуры крымских татар Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника: «Будучи избран добровольным соглашением, и по праву породы и наследства, Светлейший и Славнейший Сагиб-Гирей, сын Ахмет-Гирей Солтана, торжественным (и) признан от Нас образом в качестве независимого владетеля над свободною Татарскою областью»⁷.

Любопытно, что в русском тексте Карасу-Базарского трактата выражение «по праву породы и наследства» встречается ещё раз во фразе: «...соизволила отправить в Крым к светлейшему хану крымскому Сагиб-Гирею, избранному в сие достоинство по праву породы и наследства, и к прочим крымским и татарским начальникам...». Однако в османском тексте ей соответствует другая формула.

Таким образом, на портрете С.Л. Лашкарёва В.Л. Боровиковский весьма точно передал фразу о принадлежности Крыма Российскому государству, которую опытный дипломат, на счету которого были не одни переговоры с османскими представителями, написал, скорее всего, по памяти.

Видимо, источником этой фразы был какой-то конкретный текст российско-османского дипломатического обмена, написанный после 1783 г. и касавшийся статуса Крыма.

Примечания

¹ С.Л. Лашкарёв, дипломат Екатерининского времени: Биографический очерк с письмами князя Потёмкина (из современных подлинных бумаг) // Русский Архив. 1884. Кн. 2. С. 16.

² Кессельбреннер Г.Л. Хроника одной дипломатической карьеры: Дипломат-востоковед С.Л. Лашкарёв и его время. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. С. 7.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 6, 256.

⁵ Кессельбреннер Г.Л. Крым. Страницы истории. М.: SvR-Аргус, 1994. С. 7.

⁶ Карасу-Базарский трактат – мирный договор между Российской империей и Крымским ханством, который был подписан 1 (12) ноября 1772 г. послом России в Крымском ханстве Евдокимом Алексеевичем Щербининым и ханом Крыма Сахиб-Гиреем. Ратифицирован российской стороной в Санкт-Петербурге 29 января 1773 г. Предыстория заключения договора и его краткое изложение см.: Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 167–171, 204–206. Списки ратификационной грамоты (на русском языке): Российский государственный архив древних актов. Ф. 1274 (Панины-Блудовы). Оп. 1. Д. 121. Л. 349-370; Карасу-базарский трактат 1772 года: Сборник документов / Составление, археограф. предисловие, вступительная статья, подготовка текстов и примечания А.В. Мальгин и И.В. Зайцев. Симферополь: Антикава, 2015. [Проблемы истории Крыма. Вып. 2]. См. также: Материалы для истории Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VII. Одесса, 1868.

⁷ Шифр БИКАМЗ, КП 5059, К-109.

А.В. Болдырев

К ИСТОРИИ НАЧАЛА ОСМАНО-РОССИЙСКИХ ПАРОХОДНЫХ СООБЩЕНИЙ НА ЧЁРНОМ МОРЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Начало российскому пароходному сообщению на Чёрном море положил грузовой пароход «Одесса», построенный в 1828 г. на верфи в Николаеве. До этого на Чёрном море русские пароходные коммуникации осуществляли маломощные почтово-пассажирские суда – пакетботы Черноморского адмиралтейства. В 1831 г. состоялось несколько пробных рейсов ещё одного парохода, названного «Нева» (петербургской постройки), в Стамбул. В 1832–1833 гг. «Нева» приняла участие в поддержании постоянной связи с русским экспедиционным корпусом М.Н. Муравьёва, находившимся на Босфоре.

Следует также отметить, что поскольку постройка пароходов на Петербургской и Николаевской верфях шла долго, а главное – некачественно, было принято решение заказывать пароходы в Англии. Первый пароход английской постройки «Пётр Великий» прибыл в Одессу в 1835 г., совершив затем 2-3 рейса к южным берегам Крыма и один к устью Дуная «до самого Галаца»¹. В 1834–1839 гг. два парохода Черноморского акционерного пароходства совершили пятьдесят рейсов по маршруту Одесса – Стамбул с почтой и пассажирами на борту².

В 1842 г. были заказаны в Англии и в 1843 г. спущены на воду два пароходо-фрегата (фрегаты, имеющие машинный ход. – *Авт.*). В 1845 г. в Англии было построено ещё два парохода – «Дарго» и «Андия», предназначенные для торговли Одессы с крымскими портами.

Следует отметить, что участие в перевозках грузов в порты России (включая Редут-кале) и Османской империи было столь выгодно, что в 1840–1842 гг. французская, а в 1849 г. и австрийская пароходные компании, заручившись согласием турецкого пра-

вительства, добивались у России разрешения открыть постоянную почтово-пассажирскую линию Стамбул – Одесса, а также линию Стамбул – Одесса – Трабзон – Редут-кале. Эти предложения были отвергнуты, и перевозки по означенным линиям осуществляли (по согласованию) русские и османские суда³.

10 мая 1843 г. первый из закупленных в Англии пароходов, предназначенный для постоянных сообщений между Одессой и Стамбулом – «Одесса» – отправился в Стамбул с грузом и 23 пассажирами⁴. Для обеспечения этого при одесской портовой таможне была создана особая экспедиция, а в Стамбуле – специальное российское почтовое агентство. Вместе с «Одессой» другой пароходо-фрегат «Крым» с мая по декабрь 1843 г. сделали 42 рейса, а пароход «Александра» за это время сделал 10 рейсов⁵.

В 1845 г. открылась новая линия каботажного плавания, призванная связать Одессу с дунайскими портами – Измаилом и Галацем. В том же году наместник Кавказа М.С. Воронцов, желая расширить пароходные сообщения, чтобы ускорить в Новороссийском крае развитие торговли и промышленности, предложил правительству учредить постоянные пароходные сообщения с российскими портами на Дунае – Измаилом и Рени, а затем распространить их на Галац. Одесское купечество проявило интерес к этому предложению, поскольку предпочитало получать промышленные (мануфактурные) товары из Германии не через Стамбул, а напрямую⁶. Пароход «Пётр Великий» обслуживал эту линию в течение восьми лет и прекратил это только после начала Крымской войны в 1854 г.⁷

Что касается внешней торговли на юге, то Россия ограничивалась в основном Чер-

номорско-Дунайским регионом и Проливами, стремясь сохранить здесь свою торговую инициативу.

В то же время затраты на ведение войн не шли ни в какое сравнение с теми средствами, которые правительство было в состоянии выделять на создание портового хозяйства и развитие черноморского торгового коммерческого флота. Так, секретарь Одесского статистического комитета А.А. Скальковский, рассматривая грузовые и пассажирские потоки российских коммуникаций на Черном море за 1847–1853 гг., указывал на их главный недостаток: «Никогда доходы не покрывали расходов пароходства, чего, впрочем, и правительство не ожидало от внутренних линий»⁸.

Последствием этого стало разорение Черноморского пароходного общества – небольшой акционерной компании, созданной в 1833 г. Она быстро прекратила своё существование ввиду малочисленности акционерного капитала, а также из-за того, что принадлежавшие ему пароходы не отвечали необходимым требованиям. Один из пароходов этого общества – «Николай I» сгорел в Одесской практической гавани в 1840 г., и в распоряжении Черноморского пароходного общества остался один пароход – «Императрица Александра», который ходил в Стамбул. Выстроенный в Николаеве новый пакетбот оказался непригодным для пассажирского сообщения⁹. Обращает на себя внимание то, что разорение пароходства произошло, «несмотря на отличный порядок и бережливость в его управлении и точность в движении пароходов, прибытия которых в Константинополе ожидали с большим нетерпением»¹⁰.

Между тем во второй четверти XIX века в связи с быстрым экономическим развитием европейских стран и ростом населения в их городах вырос спрос на хлеб. В этих условиях конкурентом России на хлебном рынке стала Османская империя, точнее, те её регионы, которые раньше не играли какой-либо значительной роли в мировой хлебной торговле (Дунайские княжества, Египет, Алжир, Левант). Поэтому была

предпринята попытка реализовать утвержденное Николаем I положение об «Обществе мореплавания и торговли на Чёрном море с Востоком» от 10 марта 1839 г. Инициаторами создания Общества выступили иностранцы – нидерландские коммерсанты, конкурировавшие с другими торговыми представителями иностранных государств на Чёрном море. Попытка эта не увенчалась успехом ввиду неудачи реализовать акции Общества (половину которых предполагалось распространить в России, половину за границей) и из-за активного противодействия итальянских, французских, английских и греческих купцов, уже утвердившихся в южной торговле России¹¹.

В дальнейшем вплоть до создания в 1856 г. Российского Общества пароходства и торговли (РОПИТ) Россия не предпринимала серьёзных мер для организации собственной черноморской торговли.

Примечания

¹ Скальковский А.А. Русское общество пароходства и торговли. 1857–1869 гг. // Труды Одесского статистического комитета. Выпуск IV. Одесса: Типография П. Францова, 1870. С. 197.

² Там же. С. 197–198.

³ Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время. М.: Наука, 1989. С. 68.

⁴ Скальковский А.А. Русское общество пароходства и торговли. 1857–1869 г. С. 197–198.

⁵ Там же. С. 199.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Там же. С. 201.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 196.

¹¹ Золотов В.А. Внешняя торговля южной России в первой половине XIX века. Ростов-на-Дону, 1964. С. 159–161.

А.Ш. Кадырбаев

ПОДПИСАНИЕ ТЯНЬЦИНЬСКОГО ДОГОВОРА И ОБРЕТЕНИЕ РОССИЕЙ ПРИАМУРЬЯ И УССУРИЙСКОГО КРАЯ

Усилия российского посла Е.В. Путятина, тесно координировавшего свою деятельность в Китае с указаниями первых лиц государства российского в Санкт-Петербурге, в первую очередь великого князя и морского (военно-морского) министра К.Н. Романова и канцлера, министра иностранных дел А.М. Горчакова, под личным контролем императора Александра II, а также при поддержке генерала-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва, 1 июня 1858 г. увенчались подписанием Тяньцзиньского договора между Российской империей и империей Цин. Об этом Путятин немедленно уведомил Санкт-Петербург.

«Его Императорскому Высочеству, государю великому князю, генерал-адмиралу от генерал-адъютанта Путятину. Имею счастье донести Вашему Императорскому Высочеству, что высший промысел помог нам заключить с Китаем, несмотря на препятствия, с которыми мы должны были бороться более года, трактат, предоставляющий России все права, добытые ныне орудием Англии и Франции. Копию с этого трактата, заключенного в г. Тяньцзине 1 (13) июня (1858 г. – *Авт.*), я при сём имею счастье приложить. Через три дня по подписании одного я получил от китайских полномочных секретное официальное сообщение указа Богдоханова (императора Цин. – *Авт.*) об утверждении всех статей нашего трактата, так и новой границы между Китаем и Россией, по соглашению генерал-адмирала Муравьёва с главнокомандующим войсками Хейлундзянского округа И-шаном.

Столь благополучное окончание дел наших с Китаем зависело от стечения событий, которые одно только провидение могло устроить для блага России. С такими важными известиями я решился отправить курьера, который отвезёт в Санкт-Петербург

подлинные тексты трактата на разных языках с копиями как общей моей переписки, так и секретной, о делах собственно до России относящихся. Из этих бумаг... легко будет усмотреть, в какой мере изменяется вековая неподвижность Китая и какие усилия употребляются мною, чтоб напором излишне быстрого стремления европейцев в Среднюю империю (т.е. в Китай. – *Авт.*) не были снесены сильно потрясённое в своих основаниях правительство и сама династия Маньчжурская. Несмотря на силу оружия, всегда во зло употребляющую успех, я должен сказать, что умеренность в действиях и смягчённые требования представителей союзных государств подают надежду, что Китай, несмотря на переход от безрассудной надменности к отчаянию, не будет доведён до крайней степени унижения...»¹.

Как очевидно из вышеизложенного, Путятин употреблял все возможные средства, которыми он располагал, чтобы сохранить политическую стабильность в Китае и дать возможность его правителям «сохранить лицо» под прессом иностранного давления. Для этого он использовал своё влияние на представителей западных держав и выступал в своеобразной роли миротворца, с чем не могли не считаться Великобритания и Франция, вынужденные умерить свои требования к цинскому Китаю, особенно те, что откровенно задевали его национальное достоинство.

Далее Путятин посвящает ряд страниц своего рапорта распространению в Китае христианства протестантского и католического направлений английскими и французскими миссионерами, считая, что они оказывают всё возрастающее влияние на китайское общество. Путятин в связи с этим отдаёт предпочтение пропаганде православного христианства в Китае в борьбе за души его

жителей, «для чего уже более преград не существует, то к этому можно приступить... действуя отдельно и пользуясь опытностью предшествовавших нам на этом поприще иноземных проповедников...»².

Здесь же приводится текст Тяньцзиньского договора, который гласит:

«Его Величество Император Всероссийский и Его Величество Богдохан Дайцинской империи, признавая необходимость определить вновь взаимные отношения между Китаем и Россией и утвердить новые постановления для пользы обоих государств, назначили для сего полномочными: Его Величество Император Всероссийский – императорского комиссара в Китае, начальствующего морскими силами в Восточном океане своего генерал-адъютанта, вице-адмирала графа Евфимия Путятина, а его Величество Богдохан Дайцинский – своего государства Восточного отделения государственного мужа, главноуправляющего делами Уголовной палаты, высокого сановника Гуй-Ляна и своего государства председателя Инспекторской палаты, дивизионного начальника тяжёлого войска голубого знамени с каймою, высокого сановника Хуа-Шана.

Статья 1.

Подтверждение дружбы между монархами обеих стран и их подданными, личной безопасности и неприкосновенности собственности русских в Китае и китайцев в России, состоящих под покровительством обеих империй.

Статья 2.

Право отправлять посланников в Китай, по усмотрению российского правительства. Сношения правительств не через Сенат и Ли-фан-юань, как раньше, а через министра иностранных дел России и главного китайского министра (Цзян Цзи Чу) на основе совершенного равенства между ними. Переписка между ними пересылается через пограничных начальников. Для особо важных дел назначаются особые чиновники. Денежные расчёты по приёму посланников России в Китае – на счета российского государства.

Статья 3.

Отныне торговля России с Китаем не только по суше, но и по морю. Для русских купцов открыты порты – Шанхай, Ниньбо, Фучжоу, Сяомынь, Гуандун (Кантон, Гуанчжоу), Тайваньфу на острове Формоза (Тайвань. – *Авт.*), Цюаньчжоу на острове Хайнань и другие открытые места для иностранной торговли.

Статья 4.

Не должно быть никаких ограничений в сухопутной торговле относительно участвующих лиц, количества привозимых товаров и употребляемого капитала. В морской торговле русские купеческие суда сообразуются с общими постановлениями об иностранной торговле в портах Китая. За контрабанду русские суда подвергаются конфискации ввезённых товаров.

Статья 5.

В означенные порты право России назначать консулов и посылать туда свои военные суда для поддержания порядка. Предоставление им удобных мест для их построек. В случае аварий русские военные суда могут заходить и в не открытые для иностранцев китайские порты. Русские судятся в Китае по русским законам. Суд обща китайскими властями с русскими представителями в портах, открытых для иностранцев. А китайцы за преступления против русских – по китайским законам.

Статья 8.

Не препятствие распространению христианства среди китайцев, а покровительство христианским миссионерам наравне с другими допущенными в Китае верованиями»³.

Но самые важные положения содержались в дополнительных статьях к договору. Это был как раз тот самый случай, когда, образно говоря, интрига «скрывалась в деталях». По словам Путятина: «Пользуясь временем, я передал им (представителям китайского правительства. – *Авт.*) мои требования, заключающиеся в двух статьях, дополняющих прежние трактаты. Первая определяет восточную нашу границу по Амуру, Уссури и Суйфу с некоторым денежным вознаграждением с нашей стороны, которая

даёт России права, равные (правам. – *Авт.*) других наций. В теперешних критических обстоятельствах, когда китайское правительство начинает оказывать нам несколько предпочтения пред другими, я счёл должным не упускать время и требовать скорейшего утверждения императором этих статей, которые, в сущности, и составляют главные наши домогательства»⁴.

Однако до подписания договора цинское правительство медлило с ответом о включении дополнительных статей, на что последовал письменный демарш Путятин:

«24 апреля (6 мая) 1858 года, устье реки Хай-хэ.

Нижеподписавшийся доселе ещё не получил ответа от почтенных сановников на предложения, сделанные неделю тому назад, об утверждении Богдоханом двух статей в дополнение прежде заключённых трактатов между Китаем и Россией. Считая это дело весьма важным, от которого будут зависеть будущие отношения между Россией и Китаем, российский полномочный просит высокого комиссара Тана и его почтенных товарищей испросить без отлагательства решительный ответ из Пекина, утверждены ли Его Богдохановым Величеством две представленные статьи или нет, дабы нижеподписавшийся мог поспешно известить императорский Кабинет в Санкт-Петербурге, принимает ли китайское правительство требования России или их отвергает. Через четыре дня нижеподписавшийся намеревается отправить курьера в Санкт-Петербург, и если бы в течение этого времени последовало Богдоханово утверждение двух статей, то он просил бы допустить отправить, на свой счёт, с этим известием двух курьеров – одного в российскую столицу, а другого на реку Амур. С отъезжающим в Санкт-Петербург чрез Кяхту он стал бы просить скорейшего исполнения условий, им предложенных в пользу Китая, именно: присылки в Китай знающих военное дело офицеров, заготовления усовершенствованных ружей и пушек для китайской армии и уплаты денег, о которых сказано в условии. Другого курьера он отправил бы на Амур с тем, чтобы

известить генерал-губернатора Восточной Сибири, которому от российского правительства поручено осмотреть на местах вновь определяемую на востоке границу, сообщая с посланным для сего из Пекина сановником, и составить пограничные карты, которые служили бы для обоих правительств документами о границах. Если же чрез четыре дня не последует ответа, то из этого российский уполномоченный заключит, что Его Величеству Богдохану не угодно утвердить представленных им двух статей, и в таком случае 20 апреля он отправит курьера морем в Россию, с извещением, что предложение его не принято китайским правительством, и чтобы вследствие сего были сделаны на реке Амур распоряжения, какие императорский Кабинет признает нужным предпринять в теперешних обстоятельствах.

Генерал-адъютант граф Е. Путятин»⁵.

Ответ последовал через четыре дня, но он разочаровал Путятин.

«Губернатора Тань и его товарищей сановников Чунь и У, к чрезвычайному посланнику, полномочному министру Графу Путятину, от 28 апреля 1858 года. Из бумаги вашей, почтенный сановник, в которой вы пишете о стараниях ваших к примирению с нами англичан и французов, равно как и том, что дела вашего государства не терпят отлагательства, мы усматриваем ваши добрые намерения. Обо всех делах, сообщённых нам в ваших бумагах, мы входили с докладом Его Величеству Хуанди (императору Цин) и получили высочайший указ, в котором изображено:

1. Касательно раздела границы в Амурской области. "Сановнику, который высочайшим указом уже назначен, ожидать там имеющего прибыть российского посланника". По вашим словам, почтенный сановник, можно начертить карту и по ней назначить, где должна быть граница, но в этом случае надобно руководиться совершенною справедливостью, отнюдь не отступая от принятых правил справедливого суда. Поэтому просим вас, почтенный сановник, поскорее отправить человека на Амур с этим известием.

2. Касательно приготовления ружей и пушек на Кяхте. "В промежутке [между Кяхтой и Китаем] лежит Монголия, где народ большею частью глупый. Чтобы чего-нибудь не вышло, мы полагаем, что заготовлять там оружие не нужно. Об этом предмете не входить в дальнейшее рассуждение".

3. Касательно торговли также получено высочайшее Его Величества соизволение; но как вы, почтенный сановник, хотели подождать окончания дел наших с Англиею, Франциею и другими государствами, и тогда уже решить ваше дело на одинаковом с ними основании, то просим вас оказать нам вашу благосклонность и снова об этом лично переговорить с ними. О чём и сообщаем вам в ответе на вашу бумагу.

Сянь-фэн [Всеобильного правления] (Девиз годов правления правившего тогда императора династии Цин. – *Авт.*) 8-го года III луны 2-го числа / 1858 года 28 апреля.

Переводил: архимандрит Аввакум⁶.

Приведённый документ интересен отношением цинских властей к своим подданным-монголам, которые явно не пользовались их доверием. Притом налицо опасение даже транспортировать оружие через подвластные Цин земли монголов, очевидно, из-за возможности волнений против цинских властей среди монголов, если к ним в руки попадёт это оружие.

В тот же день императорский двор в Пекине получил уведомление Путятина, больше похожее на ультиматум:

«Сообщение императорским китайским полномочным сановникам Чунь и У от 16 (28) апреля 1858 года, река Хай-хэ [Пейхо].

Российский полномочный прибыл вторично к устью реки Хай-хэ, чтобы быть принятым в Пекине для решения важных государственных дел на основании 9-й статьи Кяхтинского трактата 1728 года, которою постановлено принимать российских послов в столице Китая. Российский полномочный, не намереваясь утруждать своим приёмом Его Богдоханское Величество, при переговорах в Пекине желает только сноситься с членами Верховного государственного сове-

та. Важные государственные дела, которые требуют решения, заключаются:

1. В точном определении границы между Китаем и Россией в тех местах, где она досель не обозначена.

2. В предоставлении России всех прав и преимуществ, как политических, так и торговых, которыми теперь пользуются, или которые впоследствии будут даны какому-либо иностранному государству.

Если означенные статьи будут приняты китайским правительством и утверждены Его Богдохановым Величеством в том самом виде, в каком они изложены в особо приложенной записке, которая в таком случае будет составлять дополнение к прежним трактатам, возникшие в последнее время недовольствия и споры между Россией и Китаем прекратятся; и напротив, Россия, удовлетворённая в главных своих требованиях, готова будет собственно для пользы Китая употребить все старания, чтобы примирить и по возможности содействовать к прекращению как неприязненных действий, возникших с Англиею и Франциею, так и разных недовольствий, объявленных американцами противу Китая.

Относительно двух предложенных мною статей на утверждение Его Богдоханова Величества, я считаю нужным пояснить, что защищать берега – от нападения на оные военных кораблей западных государств. Россия, приступая к устройству заселений на морском берегу, желает, чтобы это сделалось с согласия Китая, и считает справедливым предложить китайскому правительству денежные и другого рода вознаграждения. Так, например, Россия готова отказаться от уплаты Китаем 200.000 лан серебра, следующих за сожжение и разграбление наших факторий и товаров в Тарбагатае, и почтёт справедливым вознаградить небольшое число маньчжур, живущих на левом берегу Амура, если они пожелают переселиться на правый, отпустив им до 100.000 лан на издержки перемещения их жилищ на правый берег реки Амура.

Кроме того, китайское правительство должно видеть из теперешних неприязнен-

ных действий с европейцами, что войско его с употребляемым им ныне оружием не в состоянии противиться военным силам западных государств, и что ему необходимо изменить всё своё военное устройство, если не хочет, чтобы Китай подпал совершенному влиянию иностранцев. Россия готова для этого помочь Китаю приобрести разные нужные ему военные материалы. И если бы пекинский Кабинет понял важность этого предложения, то наше правительство могло бы оказать ему большую услугу, прислав нескольких хорошо знающих военное искусство офицеров, которые бы научили китайцев всем новым усовершенствованиям в военном деле и тем предохранили бы Китай от непрерывных новых на него нападений иностранных народов.

Касательно второй статьи следует заметить, что Россия не требует для себя ничего более того, что Китай уже дал всем народам, но она также не может смотреть равнодушно, чтобы Китай отказывал ей в том, чем пользуются другие. Кроме того, китайское правительство не может остановить наших судов от посещения открытых им портов для иностранцев и производства в оных торговли, что они уже и теперь делают. Россия, настаивая, чтобы китайское правительство утвердило за нею это право, хочет только, чтобы все сношения и торговля производились на признанном обоими правительствами законном порядке, и чтобы по этому поводу более не производилось неприятных для обеих сторон споров.

Российский полномочный пользуется случаем, чтобы пожелать, и проч.

[Место печати]

Генерал-адъютант [подписал]
граф Е. Путятин»⁷.

Не менее резкую петицию отправил Путятин генералу-губернатору Таню.

«Сообщение китайским сановникам генерал-губернатору Тань и товарищам его Чунь и У, от 29 апреля (11 мая) 1858 года. Устье реки Хай-хэ.

Принимая бумагу, присланную мне вчера от генерал-губернатора Тань и его почтенных товарищей, за отказ утвердить Его

Величеством Богдоханом предложенные мною по приказанию нашего правительства две статьи в дополнение прежних трактатов, заключённых между Китаем и Россией, я теперь передам вопрос о наших границах в руки генерал-губернатора Восточной Сибири, генерала Муравьёва. Со своей стороны, я буду здесь продолжать настаивать на принятии меня в Пекине как праве, предоставленном России прежними трактатами, в котором Китай отказывать не может. Допустив пекинский двор действовать в этом случае единственно по своей воле, Россия может ожидать, что китайское правительство таким же образом станет потом уничтожать и все другие постановления наших прежних трактатов. Прошу вас, почтенные сановники, принять всё это к сведению и сообщить вашему пекинскому правительству.

Генерал-адъютант граф Е. Путятин»⁸.

Как очевидно из приведённых выше документов, оформление договора и его подписание происходило непросто и потребовало от Путятина немалых усилий. Но они оказались не напрасными, и китайская сторона приняла главные российские требования.

Ниже приводятся «Дополнительные статьи к прежним трактатам, заключённым между Россией и Китаем.

Статья 1.

Определённая Кяхтинским трактатом 1728 года часть границы между обоими империями, от урочища Шабина Дабага на востоке до впадения реки Аргуни в реку Амур, остаётся по-прежнему неизменною. Затем, дабы отстранить на будущее время всякие споры и недоразумения и положить естественные рубежи между обоими государствами в неопределённых частях границ от устья реки Аргуни на восток до самого моря, принять за правило, везде, где только польза иметь точно определённые границы между Китаем и Россией была очевидна во всякое время; но теперь, когда от разных причин места, остававшиеся пустынями, начинают заселяться, и в особенности морские берега, которые весьма легко могут быть заняты иностранными народами, имеющими свободный доступ в порты Китая, тем необходимее приступить

ныне же к разграничению, дабы никакой другой народ не мог поселиться между Китаем и Россией. Россия, занимая морской берег, предохранит Маньчжурию от всякого вторжения в неё иностранцев с моря, чему Маньчжурия теперь подвержена, не имея морской военной силы, которая могла бы, возможно, определить границу по течению рек, оставляя один берег во владении Китая, а другой России, и только по необходимости и на малых протяжениях принимать горные хребты и другие, ещё менее ясные знаки за пределы между Китаем и Россией. Вследствие сего окончательно постановляется, что граница обеих империй от впадения реки Аргуни в реку Амур на востоке пойдёт вниз по реке Амуру до соединения с нею реки Уссури. Далее граница направится вверх по реке Уссури до её истоков, находящихся вблизи истоков реки Суй-фун, и, наконец, по этой реке до впадения её в море. Дальнейшие подробности будут обозначены на месте особыми доверенными лицами, назначенными для сего от обоих правительств.

Другая часть неопределённой границы между Китаем и Россией, идущая от Шаби-на Дабага на запад, против Илийской области, по причине неизвестности местности должна быть в скорейшем времени исследована и определена по общему соглашению доверенных лиц, назначенных для сего от обоих правительств. И по проведению всей граничной черты составятся в двух экземплярах пограничные карты, которые по надлежащем утверждении будут препровождены к каждому из правительств и должны служить точными о границах документами.

Статья 2.

России предоставляются все политические и торговые права и преимущества, которыми ныне пользуются иностранные государства в Китае. Всякие новые льготы, приобретаемые впоследствии иностранными державами в Китае, будут в то же время распространяться на Россию без дальнейших об этом переговоров.

[Место печати]

Генерал-адъютант [подписал]
граф Е. Путятин»⁹.

Подписание китайской стороной Тяньцзиньского договора было прежде всего обусловлено желанием обрести как политическую и военную, так и финансовую поддержку России против притязаний Великобритании и Франции, о чём свидетельствует переведённый с китайского от «5 луны 13 числа (11 июня 1858 г.) полученный при бумаге от членов Тайного государственного совета (империи Цин. – *Авт.*) высочайший указ 12 числа (10 июня)...

Русские проявляют желание прислать ружей и пушек: это вытекает из чистого сердца. Поэтому объявить им, что упомянутое оружие, по присылке сюда, будет принято непременно, и со временем будет оплачено это надлежащим образом. Что касается до присылки людей (т.е. русских офицеров. – *Авт.*) для обучения наших военному искусству, открытию и разработке рудников, то это ещё больше показывает доброту их намерений. Только по отдалённости пути и трудности переезда надобно это пока отсрочить, снова войти в совещание и тогда уже, по усмотрению, делать надлежащие распоряжения. Принять это с должным уважением»¹⁰.

Путятин пишет в связи с этим великому князю Константину:

«Имею счастье обратиться к Вашему Высочеству насчёт образа исполнения принятого теперь Богдоханом предложения моего о присылке в Китай ружей и пушек. При сём долгом считаю приложить перевод бумаги китайского правительства (приведённый выше. – *Авт.*), в которой говорится о согласии Богдохана на принятие от России оружия... Долг этот (Китая России. – *Авт.*) ничтожен по сравнению со сделанными нам Китаем уступками, на которые он, без сомнения, преимущественно согласился потому, что надеялся на помощь нашу в делах его с англичанами и французами.

Я обращаюсь ныне к господину министру иностранных дел с представлением об изпрошении полумиллиона рублей на закупку означенного оружия и запасов к оному (для Китая. – *Авт.*). По ассигновании этой суммы я надеюсь, что Ваше Импера-

торское Высочество соизволит принять её в своё ведение, дабы она была обращена на приобретение лучшего оружия без излишних расходов. Остаток от неё может быть назначен на содержание офицеров, которых, я ожидаю, китайское правительство примет для устройства своей военной части. Оружие, без сомнения, следует приобрести за границу, где его всегда можно достать в каком угодно количестве и лучших образцов. Я просил бы Ваше Императорское Высочество поручить... закупку орудий, станков и снарядов к ним в Англии, а ружья приказать... приобрести тоже в Англии или в Бельгии. Все ружья было бы предпочтительно иметь одного образца – Энфильда, или другого лучшего. Пушки же должны быть все бомбические восьми- и десятидюймовые, самого тяжёлого веса; так как практика показала, что этого рода орудия суть самые действительные. Первых следует выслать 30, а последних 20. Станки к ним должны быть корабельные, ибо при обороне Севастополя найдено уже, что эти станки лучше всяких других соответствуют своему назначению...»¹¹.

Приведённый текст даёт наглядное представление о Путятине как о высокопрофессиональном военном специалисте, бывшем в курсе последних достижений в области самых современных по тому времени вооружений, уже зарекомендовавших себя в боевых условиях, в частности, в недавней Крымской войне, опыт которой стал предметом его тщательного анализа.

«...Доставка оружия к устью реки Пэйхэ может быть произведена на двух транспортных судах. Этого рода суда очень нужны для Амурского края и для вновь приобретённого побережья. Кроме других целей, они весьма полезны будут для перевоза строевого леса из северных портов в лучшие южные гавани отходящего к нам берега, в особенности на первое время, пока на месте не откроется других строевых материалов...

Я давно уже в мыслях имею просить Ваше Высочество позволить мне выстроить в Англии образцовое небольшое судно, собственноручно приспособленное плавать в водах Ки-

тая и вообще для входа в реки... чтобы оно имело быстрый ход и могло носить сильную артиллерию в военное время. ...Такого рода суда будут самыми полезными для большей части нужд Сибирской флотилии в мирное время, а в военное они чрезвычайно удобны как для прибрежных действий, так и для морских сражений...»¹².

Здесь интересны мысли и намерения Путятина, касающиеся самых различных аспектов его деятельности, когда он предлагает решение как политических, так и финансовых, военных вопросов в российско-китайских отношениях, а также ставит задачи будущего хозяйственно-экономического освоения новых земель, приобретённых в итоге подписания Россией и Китаем Тяньцзиньского договора, и обеспечения их безопасности со стороны моря.

Примечания

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 410. Оп. 2. Д. 1916. Л. 609.

² Там же. Л. 613.

³ Там же. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 1579. Л. 23.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 27.

⁶ Там же. Л. 69. Канцелярия Морского министерства. II отдел. Копия с шифрованной депеши генерал-адъютанта графа Путятина из Печелийского залива при устье р. Пэйхэ, 17 (29) апреля 1858 г. № 179.

⁷ Там же. Л. 90-91.

⁸ Там же. Л. 92-93.

⁹ Там же. Л. 84-87. Сообщение императорским китайским полномочным сановникам Чунь и У от 16 (28) апреля 1858 года, река Хай-хэ /Пейхо/, № 226.

¹⁰ Там же. Л. 93-94.

¹¹ Там же. Л. 88.

¹² Там же. Л. 89.

Б.В. Норик

РАПОРТ ПОЛКОВНИКА В.А. КОСАГОВСКОГО О ПОЛОЖЕНИИ В ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЕ. 1895 ГОД

Публикуемый документ представляет собой, по сути, первую серьёзную аналитическую записку, составленную полковником В.А. Косаговым (1857–1918) после его прибытия в Тегеран и вступления в должность командира Персидской казачьей бригады¹.

В рапорте разбираются основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться полковнику Косаговскому с самых первых дней его пребывания на новой должности. Одной из них был так называемый «*мухаджирский*» вопрос. Согласно контракту, заключённому между Россией и Персией, Казачья бригада должна была организовываться по русскому образцу, что поначалу довольно строго выполнялось. Однако впоследствии, против воли полковника А.И. Домантовича², бригаде были навязаны *мухаджиры*, т.е. переселенцы с Кавказа, перешедшие на службу Персии во времена русско-персидских войн.

Полковник Домантович не хотел принимать *мухаджиров* в бригаду. Зимой 1879 г. во время смотра на Майдан-е Машк³ *сепасалар* Хаджи Мирза-Хусейн-хан⁴ показывал тогда ещё подполковнику Домантовичу гулямов 'Ала ад-Доуле⁵, из которых и решили сформировать казачью бригаду. Однако впоследствии, во время поездки Домантовича в Россию за русскими офицерами и урядниками, в результате происков 'Ала ад-Доуле, не желавшего подчиняться военному министру⁶ (притом, что русский полковник, кроме военного министра, никому другому подчиниться не мог), это решение было изменено. Домантовичу навязали 200 человек *мухаджиров*, которых он, однако, согласился принять лишь с условием, что все *мухаджиры* вступят в бригаду простыми казаками, без каких-либо особых прав и преимуществ. Лишь позднее некоторые из них по представлению самого Домантовича были произведены в офицерский чин.

При полковнике Чарковском⁷ были приняты *мухаджиры* 3-го полка, поступившие уже на своих окладах и со своими чинами. Полковник был вынужден признать все их чины и привилегии. Надо сказать, что понятия о воинской службе в 3-м полку *мухаджиров* совершенно отличались от русских. Это привело к беспорядку и расстройству дисциплины в бригаде: применяемая в персидской армии система формирования армейских частей по принципу племенной однородности была нарушена в Казачьей бригаде, которая оказалась созданной из двух групп – *мухаджиров* и волонтёров.

Мухаджиры приходили в бригаду со своим наследственным жалованием, которое не менялось в зависимости от звания, т.е. понижение в звании не приводило к финансовым потерям. Это обстоятельство резко снижало власть командира бригады над значительной её частью. При этом волонтёры были более беззащитны и подвергались реальным наказаниям за те проступки, за которые *мухаджиры* не несли никакой ответственности.

Одним из самых обидных обстоятельств было то, что наследники умерших *мухаджиров* приходили на то же звание, вследствие чего иногда 10-летний мальчик мог оказаться в чине генерала. Всё это не могло не создавать трений в бригаде и подрывало её сплочённость и боеспособность. Кроме того, наследственное жалование *мухаджиров* было не так уж велико, однако оно в несколько раз увеличивалось во время службы в бригаде за счёт её выплат. В итоге, «бригадная» часть жалования превращалась в наследственную и в случае ухода или смерти *мухаджира* из бюджета бригады исчезала.

Полковник Косаговский предлагал медленно исправить создавшееся положение, однако это могло сделать только само персидское правительство. По мнению пол-

ковника, в случае, если правительство отделит наследственную часть *мухаджирского* жалования от бригадного бюджета и вернёт деньги, унесённые *мухаджирами*, то это сразу возвратит бригаде несколько тысяч *туманов*. Полковник резонно отмечал, что казаки заслуживают пенсии, но давать её должна не бригада, а персидское правительство. Кроме того, Косаговский предложил отделить полк *мухаджиров* от бригады, а вместо него, при необходимости, сформировать и обучить новый полк, состоящий из волонтеров.

Результатом стал демарш *мухаджиров*, покинувших бригаду. Из них была сформирована альтернативная бригада под командованием зятя военного министра Наиба ас-Салтане⁸ – Маджд ад-Доуле. Английский посланник Пико уже тайно представил военному министру Наibu ас-Салтане проект обучения *мухаджиров* английскими инструкторами⁹. Но тут *мухаджиры* опомнились, поняв, что это грозит им полным обнищанием и разграблением, и стали проситься назад в бригаду. Тогда на одной из аудиенций у шаха Косаговский раскрыл все козни Наиба ас-Салтане прямо в присутствии последнего, а также и *садр-азам*¹⁰. Шах понял, что Наиб ас-Салтане водил его за нос и изложил ему рапорт №7 Косаговского в слишком вольной трактовке. В результате прежнее положение было восстановлено, а шах обещал полковнику, что отныне Наиб ас-Салтане будет очень внимательно вникать во все нужды и интересы бригады.

Следует заметить, что общее финансовое положение бригады было довольно плачевным. Из-за задержки денег правительством фураж, керосин, обмундирование и прочее приходилось покупать в самый дорогой сезон. Выплаты жалования задерживались, что порождало необходимость занимать деньги у ростовщиков под огромные проценты, погашаемые из бригадного бюджета. Кроме того, казаки сами лично брали деньги под проценты, с возвратом которых им вынуждена была помогать бригада. Из-за размытости сроков получения денег какое-либо планирование оказывалось невозможным.

Кроме того, существовал целый ряд дополнительных расходов, на которые деньги вовсе не отпускались, и бригада должна была оплачивать их самостоятельно. Это содержание лазарета и персонала, награды, лагерные суточные, допаяк. При этом, когда, наконец, удавалось получить у правительства чеки на получение денег, то бригада должна была сама истребовать эти суммы у многочисленных должников правительства.

Полковник Косаговский предлагал упорядочить сроки и строго регламентировать выплаты денежных средств, предназначенных бригаде. Кроме того, он поднял вопрос о пересмотре условий возвращения бюджету бригады 16854 *туманов*, отобранных при полковнике Н.Я. Шнеуре¹¹ и возвращённых при ротмистре В.К. Бельгарде¹².

Условием возвращения денег было содержание на них 300 казаков, что, по расчётам Косаговского, невозможно: в 1895 г. ежегодно на одного казака тратилось 80 *туманов*, и на указанную выше сумму можно было содержать только 210 казаков. Содержание же 300 казаков привело бы к ежегодному дефициту в 7146 *туманов*. Поэтому, по словам полковника, необходимо либо довольствоваться содержанием только 210 казаков, либо содержать 300 казаков, но при условии выплаты не 16854 *туманов*, а 24000 *туманов*. Либо, удалив из бригады 133 лишних офицера, можно было выгадать деньги на 300 казаков из самого же бригадного бюджета.

В конце концов, полковнику Косаговскому удалось добиться увеличения бюджета бригады на 11270 *туманов*, начиная с марта 1896 г.

Безусловно, эти победы, одержанные в 1895 г., оказались только началом напряжённой борьбы полковника Косаговского за превращение Персидской казачьей бригады в действенный инструмент русского влияния в Персии. Однако именно они заложили прочный фундамент для успешного выполнения им поставленной задачи, так что период командования Косаговского по праву можно считать «золотым веком» в

истории существования Персидской казачьей бригады.

Текст публикуемого документа приведён в соответствие с правилами современной орфографии, специальные термины пишутся со строчной буквы и выделены курсивом. Имена собственные приводятся в авторском варианте.

Заведывающий обучением Персидской кавалерии

31 марта 1895 г.

№ 7

Тегеран (Персия)

Его Превосходительству господину
Чрезвычайному Российскому Императорскому
Посланнику и Полномочному Министру при Е.В. Шахе Персидском¹³.

Рапорт

Во исполнение приказа Вашего Превосходительства, представляю на благоусмотрение Ваше соображения относительно преобразований во внутреннем устройстве бригады, без которых выполнение обязанностей инструкторов русскими офицерами не достигает цели и несовместно с их достоинством.

По контракту, заключённому при полковнике Домантовиче Персидским Правительством с Русским и затем возобновлявшемуся при последующих полковниках, Казачья Е.В. Шаха бригада должна быть устроена, обучается и управляется согласно русским военным порядкам. Первоначальное устройство, данное бригаде, действительно и подходило весьма близко к таковым. Но с течением времени, главным образом вследствие присоединения к бригаде 3го полка *мухаджиров* с их традициями, взглядами и преимуществами, резко противоречащими понятиям о воинской дисциплине и регулярном военном устройстве, а равно и вследствие отсутствия каких бы то ни было определённых законом правил, порядки в бригаде, завися единственно от случайностей и личного произвола, с каждым годом всё более и более уклонялись от первоначально установленных.

В строевом отношении мы в настоящее время не только выполнили всё то, за что

брались, но даже можем гордиться своим блестящим успехом; но неестественность того внутреннего устройства бригады, которую нам пришлось целиком унаследовать, может быть изменена и исправлена только самим Персидским Правительством: мы, русские офицеры, готовы употребить все наши силы, знания и способности для наилучшего выполнения порученного нам дела; но без помощи самого Правительства все наши усилия разбиваются, как волны о скалы.

До сих пор ни один полковник не знал и не знает, чего именно от него ожидают: ему, прежде всего, должно быть совершенно определённо выяснено, как именно склонны смотреть на Казачью бригаду.

1. Как на исключительно ли показную часть, существующую лишь для парадов, смотров и торжественных встреч и проводов.

2. Как на боевую конницу¹⁴.

3. Как на верных телохранителей Е.В. Шаха¹⁵; или

4. Как на надёжные кадры, т.е. как на рассадник, который мог бы, оставаясь всегда в Тегеране, подготавливать учителей офицеров и урядников из персиян для иррегулярных конниц¹⁶. Одновременное достижение всех этих четырёх целей возможно при том лишь условии, чтобы руки командира бригады были безусловно развязаны: он должен знать одного Военного Министра и быть, по первому требованию Е.В. Шаха, в состоянии выступить в полной походной и боевой готовности куда угодно.

Но на деле выходит совсем иное: по контракту, полковник обязан заведовать только кавалерией, а между тем, ему приходится разбирать вопросы о *магалах* (источники доходов), решать стародавние домашние счёты, препираться с губернаторами, полицейскими и гражданскими властями и даже с шариатом (духовный суд)¹⁷. Русские офицеры и урядники призваны в Персию для того, чтобы учить ездить, рубить и стрелять, ходить в атаку, джигитовать... А вместо всего этого мы, едва имея время для строевых занятий – нашего прямого назначения, изне-

могаем от канцелярской отчётности, возясь с пенсионерами и разбирая совершенно чуждые нам распри и тяжбы — дела, за которые мы никогда не брались.

Персидское Правительство, зная, что в частях, однородных по составу и внутренне сплочённых, не бывает ни зависти, ни раздоров, набирает целые полки *сарбазов* и артиллеристов из людей одной и той же местности и одного и того же племени на совершенно равных правах.

Эта мудрая система была нарушена лишь по отношению к одной Казачьей бригаде *сепехсаларом* Хаджи-мирза-Хусейн-ханом, который склеил бригаду из двух совершенно разнородных и по своим правам и преимуществам резко отличающихся друг от друга элементов: 1. Привилегированного — *мухаджиров* и 2. Непривилегированного — волонтёров.

Так как полковник отвечает за всех чинов вверенной ему бригады совершенно одинаково, то и права его по отношению ко всем чинам бригады должны быть также совершенно одинаковы. А между тем, полковнику представлена власть в отношении одних только волонтёров: если ослушивается или совершает какое-нибудь преступление волонтёр, его, смотря по вине, наказывают, исключают из бригады или разжалывают. Но если такое же точно преступление совершает *мухаджир*, полковник лишён права его выгнать и принуждён терпеть все его гадости, потому только, что это — *мухаджир*¹⁸. Разжалование же для *мухаджиров* почти не имеет смысла, так как у них жалованье в большинстве случаев своё, наследственное, *мухаджирское*, и потому, если его разжаловать, даже [из] офицеров в простые казаки, то, в материальном отношении, это ему решительно всё равно, так как от этого оклад его *мухаджирского* жалованья нисколько не изменяется. Таким образом, зависимость его от полковника является крайне слабою и весьма условною.

Насколько *мухаджиры* проникнуты понятием о воинской дисциплине, может служить следующий пример. Когда в 1893 году полковник Шнеур вызвал 35 *мухаджиров*

Фет-Али-хана, находившихся в отпуску в Хое, они не послушались и наотрез отказались явиться. Полковник Шнеур исключил их из бригады. Узнав об этом, *мухаджиры* пришли в Тегеран с жалобами на полковника Шнеура, и его принудили снова зачислить ослушников в Казачью бригаду, после чего они немедленно же ушли опять в Хой и Азербайджан. Насколько эти *мухаджиры* надёжные слуги Е.В. Шаха и насколько в минуту надобности на них рассчитывать, ещё яснее видно из того, что, когда я, приняв год тому назад бригаду, со своей стороны вызвал их из отпуска, послав им строгое предписание явиться в намерении заставить их, наконец, служить в бригаде, они не только не явились, но даже не удостоили меня ответом и преспокойно остались по домам, потому только, что это — *мухаджиры*.

Таким же непониманием воинской дисциплины *мухаджиры* отличаются не только в отпуску, но даже во время состояния их на службе, т.е. на глазах, и с ними вечно приходится возиться, укрощая непокорных и строптивых: лошадь *мухаджир* покупать уклоняется, а казённую чистить не хочет; от работ в казарме и лагере отказывается, в крайности предлагая нанять за себя волонтёра или подёнщика; от караулов вечно уклоняется; если *мухаджир* курит терьяк¹⁹, то тоже безнаказанно — и всё это потому только, что *мухаджиров* исключить из бригады нельзя.

И как ни бились до сих пор все полковники, они всё-таки никак не могли внушить *мухаджирам* тех правильных понятий о воинской дисциплине, которые в то же время вполне охотно и легко усваиваются при тех же требованиях волонтёрами, лишь потому, что *мухаджиры*, сознавая, что Правительство смотрит на них иными глазами, позволяют себе слишком много. Отсутствие права у командира бригады представлять к исключению негодных *мухаджиров*, замещая их достойными по нравственности и вполне способными к кавалерийской службе, подрывает в глазах казаков значение полковника и растлевающим образом действует и на волонтёров, которые, глядя на *мухаджиров*,

во-первых, при случае сами пробуют брать с них пример, а во-вторых, совершенно основательно завидуют неприменимым на регулярной военной службе наследственным правам *мухаджиров*, которые как строевые казаки не только ничем не лучше, но, зачастую, гораздо хуже волонтеров.

Таким образом, Казачья бригада однородна лишь по своему наружному виду. На самом же деле по своему внутреннему устройству она распадается на две если не враждебные, то уж, во всяком случае, и не дружественные части. При подобных условиях не может быть и речи о духе части, о братском единении, круговой поруке – всё том, что существует, однако, у персидских *сарбазов* и артиллеристов.

Накапливаясь из года в год, в бригаде образовалось целое полчище пенсионеров, калек, больных, хромых, слепых, дряхлых, глухих, убогих, вдов, сирот, женщин, младенцев. Остановить этот наплыв нет никакой возможности, ибо полковник лишён [права] исключить и принуждён держать в бригаде совершенно неспособных к военной службе *мухаджиров*, от которых бригада не может отделаться даже и после их смерти, так как *мухаджирское* жалованье наследственно, и потому вместо выбывающего или умирающего *мухаджира* на смену ему всегда являются в бригаду его родственники. Но если бы у умершего *мухаджира* даже и никого не было, выдумывают и подыскивают для него наследника-заместителя, и таким образом все *мухаджиры* бессмертны.

При этом явилась новая несообразность, которая, в конце концов, грозит поглотить весь бригадный бюджет. Многие из *мухаджиров* при вступлении в бригаду принесли своего коренного *мухаджирского* содержания очень немного; умирая же или уходя из бригады, они уносили с собою, обращая в наследственную пенсию, не одно только своё коренное *мухаджирское* жалованье, но и всё то, что бригада доплачивала им [из] своего собственного бригадного бюджета, откуда они состояли на казачьей службе.

Конечно, полковники, ограждая бригадный бюджет от явного расхищения, стали

протестовать. Тогда было введено следующее положение: вместо каждого вновь умершего или выбывшего *мухаджира* зачислять на его место одного казака, вычитая из содержания умершего *мухаджира* содержание одного простого казака, а остальное обращая в пенсию наследникам *мухаджира*. Не знаящим дела близко на первый взгляд может показаться, что бригада, как будто, ничего и не теряет: офицер ушёл, на его место зачислен простой казак – значит, число людей в бригаде по счёту остаётся одно и то же. Но на самом деле для бригады выходит огромный убыток. Например, какой-нибудь *сартин*, вступив в бригаду 12–15 лет тому назад нижним чином, принёс своего *мухаджирского* жалованья 100 *туманов* в год. В бригаде ему постепенно надбавили из бригадного бюджета 400 *туманов*, что с первоначально принесёнными им 100 *туманами мухаджирскими* составило 500 *туманов* в год. Умирая, он уносит из бригады уже не свои только 100 *туманов* коренного *мухаджирского* жалованья, а все 500 *туманов*, из коих бригада имеет право вычитать только 78 *туманов* на содержание одного казака, а остальные 422 *тумана* принуждена ежегодно целиком выплачивать наследникам *сартину*, теряя таким образом все 400 *туманов* из своего собственного бригадного бюджета.

А между тем, на самом деле всё надбавленное вышеупомянутому *сартину*, или вообще всякому *мухаджиру*, жалованье из бригадного бюджета после его смерти должно было бы целиком оставаться в бригаде же, а содержание одного казака вычитаться из одного только коренного *мухаджирского* содержания, первоначально принесённого в бригаду. Таким образом, в данном случае: 78 *туманов* следовало бы вычесть из первоначально принесённых коренных *мухаджирских* 100 *туманов* и только 22 остающихся *тумана* обратить в пенсию наследникам умершего *мухаджира*. Ясно, что в первом случае бригада теряет своих собственных 500 – 100 = 400 *туманов*; во втором случае ничего бы не потеряла.

К этому присоединилось ещё и другое положение для наследников *мухаджиров*,

ещё менее применимое на регулярной военной службе и являющееся ещё более несправедливым и обидным в глазах волонтеров, несущих службу несколько не меньше и не хуже *мухаджиров*: если у *мухаджира* остался сын, годный к службе – мальчик или взрослый, это безразлично – он заступает вместо своего отца, получая по наследству и всё отцовское жалование. Таким образом, выходит, что, если отец был генерал, а его сын, хотя в бригаду и поступает и простым казаком, но этот самый простой казак, нередко ещё и мальчишка, получает сразу генеральское жалование?!

Причина всех вышеизложенных ненормальностей объясняется крайне просто тем, что самое положение о наследственных пенсиях *мухаджиров* на первых же порах не было вполне определённо выработано и установлено законом.

И не один, а много подобных *сартипов*, *серхенгов* и *наибов* (генералов, полковников и об[ер-]офицеров) уходили и уходят из бригады, причём почти каждый уносит с собою большую или меньшую частицу кровного бригадного бюджета. А так как с каждым годом умирающих и выбывающих из бригады стариков накапливается всё более и более, то и бюджет бригады тает всё быстрее и быстрее, и при дальнейшем существовании теперешней системы недалеко то время, когда содержание стариков и пенсионеров будет поглощать весь бюджет бригады, а боевую силу – строевых казаков и молодых способных офицеров – не на что будет и содержать.

Но не одни только *мухаджиры* – многие, и не будучи вовсе *мухаджирами*, попадали в пенсионеры и, уходя из бригады, также уносили с собою не только то жалование, которое им во время их состояния на службе в Казачьей бригаде платила бригада, но некоторые прихватили даже и *джире* (суточные), и фуражные, которые они получали в минуту их ухода из бригады, обратилось в потомственные пенсии их самих и их наследников²⁰. И Правительство само вынуждает выплачивать им ежегодно из собствен-

ного бригадного бюджета всё то, что они получали, состоя в бригаде.

Вот список этих лиц.

1. Адьютант-баши (начальник Главного Штаба – бывший командир 1го полка) – 1240 т.

Мир-пандж (генерал 1го класса Кярим-хан Муназем-эс-Салтанэ («приводящий в порядок государство») – бывший к-р 2го полка – 1040 т.

Серхенг (полковник) Насиб-Ага (из Казахского уезда) – бывший командир эскадрона 2го полка, ныне в составе гулямов Мансур-Магдие – 336 т.

Наследники бывшего письмоводителя 1го полка Мирза-Абдуль-Рахман-хана – 120 т.

Наследники *сартипа* Мамед-Али-хана (бывшего командира дивизиона 2го полка, умершего в командировке в Тавризе), за вычетом 64 *туманов*, составлявших по тогдашнему курсу содержание одного казака (теперь 80 *туманов*) – 332 т.

Наследники *наиба* 2го ранга (хорунжего) 1го полка Асад-Ага-Джафар-Кули-Султана, за вычетом 84 *туманов* – 36 т.

2. Прикомандированные к начальнику военных складов Гаджи-Эмин-эс-Салтанэ: *наиб-серхенг* (подполковник) Мирза-Али-хан, состоявший при штабе бригады – 264 т.

Наследники *наиб-серхенга* (подполковника) Ага-бека (бывшего к[оманди]ра 3го эскадрона 1го полка) – 170 т.

Наследники *наиба* 2го ранга (хорунжего) 2го полка Мамед-хан-Азиз-хана – 120 т.

Наследники *наиба* 2го ранга 1го полка Пир-Мамед-бека – 120 т.

Явер (майор) 2го полка Аббас-бека – 204 т.

Наиб 3го ранга (подхорунжий) 1го полка Аллах-Верды-султан – 96 т.

Гвардейского эскадрона *наиб* 2го ранга Иса-хан – 96 т.

Гвардейского эскадрона *наиб* 2го ранга Муса-хан – 96 т.

3. Находящиеся в командировке в Кермане:

Сартип 2го ранга (генерал-майор) Гамим-хан, бывший *векиль-чап* (младший урядник гвардейского эскадрона) – 69 т.

Наиб 3го ранга (подхорунжий) 2го полка Ягья-бек, ныне по производству в Кермане, *явер* (майор) – 96 т.

На двух казаков 1го полка и на двух казаков 2го полка (всего на четырёх казаков), считая по 56 т. 2 *крана* и 10 *шай* на каждого (всё их содержание, кроме обмундирования), унесено из бюджета бригады и переведено на керманский *магал* – 225 т.

4. 1) *Наиб* 1го ранга (сотник) 1го полка Ага-Шуджа, находящийся в командировке в Мазандаране – 120 т.

2) Находящийся в командировке в Мешхеде *векиль-чап* (младший урядник) гвардейского эскадрона Измаил-бек-Кули-хан – 57 т. 6 кр.

3) Письмоводитель бригады Мирза-Шукрулла-хан – 120 т.

5. Переведённые в Азербайджан на нижепоименованных чинов:

гвардейского эскадрона *наиб*а 2го ранга (хорунжего) Али-Наги-бека – 50 т.

векиль-раста (старшего урядника) 1го полка Аллах-Верды-бека – 20 т.

векиль-баши (вахмистра) гвардейского эскадрона Назар-Али-бека – 20 т.

векиль-чапа (младшего урядника) гвардейского эскадрона Мугб-Али-бека – 20 т.

векиль-чапа (младш[его] урядн[ика]) 1го полка Вали-хана – 20 т.

векиль-чапа (младш[его] урядн[ика]) гвардейского эскадрона Самад-бека – 10 т.

Казака 1го полка Мамед-Наги-хана – 10 т.

Всего

5227 т. 6 кр.

Разобраться в этой сумме и отделить вполне верно собственное жалование, принесённое некоторыми из вышеупомянутых чинов при вступлении их в бригаду, от добавленного им из бригадного бюджета самому полковнику нет никакой возможности: это может сделать само Персидское Правительство. Если бы оно отделило от бригадного бюджета всё наследственное, принесённое в бригаду, а отдало бы бригаде всё то, что было унесено из бригадного бюджета, это сразу возвратило бы бригаде несколько тысяч *туманов*. Бесспорно, что

офицеры, прослужившие несколько лет, заслуживают вознаграждения за службу в виде пенсии, в зависимости от числа прослуженных ими лет и от заслуженного ими чина. Но эту пенсию в состоянии давать никак не сама бригада, в бюджете которой каждый *кран* рассчитан и уже предназначен на свои собственные бригадные надобности, а только само Правительство, которое должно позаботиться о том, чтобы инвалидов и их наследников и наследниц отделять от конных казаков – элемента исключительно боевого и строевого, – а для обеспечения их изыскивать иные источники, помимо бригадного бюджета.

Каждый *кран*, уносимый в пенсию, уменьшает бюджет бригады. Соблюдение же баланса в бригадном бюджете в том только случае и возможно, если всё то, что уносится из бригады, будет немедленно же возмещаться Правительством. Но так как это не соблюдается и Правительство только берёт из бригадного бюджета пенсии, а вместо взятого решительно ничего не возвращает, то чистый бюджет бригады неудержимо уменьшается с каждым годом.

Вследствие существования такой системы выигрывают только старики, уносящие пенсии, и их наследники. Но для повышения в чинах молодых, способных и вполне достойных офицеров и казаков в бригаде уже не остаётся никаких источников для прибавки жалования и, таким образом, в результате выходит, что никуда не годные выигрывают, а достойнейшие остаются без всякого поощрения. Сама же бригада страдает и за тех, и за других.

Штаты

Определяющие в Казачьей бригаде число офицеров и, в зависимости от этого числа, количество ежегодно ассигнуемого на офицеров содержания до сих пор не были установлены законом, вследствие чего офицеров накопилось с лишком вчетверо больше, чем нужно бригаде и чем может выдерживать её бюджет. Бригаде потребно всего 40 офицеров, а между тем в ней накопилось

уже 173 офицера и 108 пенсионеров, т.е. 281 человек, стоящих бригаде совершенно непроизводительно 31560 *туманов* ежегодно, что составляет треть всего годового бюджета бригады!

Необходимо не только остановить, но и уничтожить это чрезмерное переполнение бригады офицерами, немедленно же убрав из бригады 133 излишних офицера, оставив в ней только 40 офицеров, согласно штата, приложенного в конце этого рапорта.

А между тем и до сих пор всё производят да производят, всё прибавляют да прибавляют офицеров. Одних генералов в бригаде накопилось 27, тогда как их нужно всего 4.

Единственная возможность пресечь подобные порядки, это:

1. Установить чин, выше которого ни один из служащих в бригаде достигнуть не может. Производством же в этот чин офицер должен получать от Правительства другое назначение и обязательно уходить из бригады.

2. В штаб-офицеры производить не иначе как по представлению полковника приказом военного министра, и притом только на имеющиеся в бригаде штаб-офицерские вакансии.

3. В обер-офицеры производить только на открывающиеся вакансии, и притом не иначе как из своих же казаков по избранию достойнейших исключительно полковником.

4. Приём на службу в бригаду офицерскими чинами, безусловно, невозможен. Служебное положение приобретает лишь личными заслугами в своей части, а никак не на стороне и тем более не по наследству. До настоящего же времени в бригаду зачислялась масса лиц прямо офицерами: не пройдя регулярной кавалерийской службы в низших чинах, они в большинстве случаев решительно никуда не годятся.

Многие, уйдя несколько лет тому назад урядниками, совершенно неожиданно возвращаются в бригаду офицерами и даже генералами. Независимо от подрыва дисциплины и прямого нарушения власти командира бригады возбуждается совершенно естественное недовольство среди всех остальных

чинов бригады, которые, неся всё время действительную казачью службу, далеко обходятся в чинах своими бывшими подчинёнными, которые приобретают чины обыкновенно по протекции и по личным симпатиям гражданских губернаторов, а не по представлению военному министру своего прямого начальника – полковника.

5. Производство должно быть установлено один раз в год – всего удобнее после осеннего смотра Е.В. Шаха.

6. Как оклад жалованья, так равно и столовые и фуражные, соответственно известного чина и занимаемой должности, а равно и всё прочее довольствие, должны быть строго точно определены и утверждены Правительством, не завися, таким образом, от случайности и личного произвола. А между тем в бригаде есть простые казаки-*мухаджеры*, получающие содержание больше штаб-офицеров, и обратно – генералы, получающие меньше обер-офицеров. И во всём 3^м полку не найдётся двух *мухаджиров*, получающих совершенно одинаковое содержание.

7. При достижении установленного предельного возраста (50 лет для обер-офицеров, 55 лет для штаб-офицеров и 60 лет для генералов) или при неспособности к дальнейшему продолжению строевой службы на коне генералов и штаб-офицеров увольнять по представлению полковника военному министру, а обер-офицеров и нижних чинов – приказами по бригаде.

8. *Мухаджеры* с их особыми правами и преимуществами, не применимыми на регулярной военной службе, могут существовать только как совершенно отдельная часть и притом под управлением своих же родовых начальников-*мухаджиров*. Поэтому *мухаджеры* должны быть совершенно отделены от Казачьей бригады и в зависимости от того решения, какое угодно будет принять самому Правительству:

а) или образовать совершенно отдельный полк;

б) или быть распределёнными в качестве инструкторов между гулягами и другими иррегулярными конницами;

в) или, наконец, быть употребляемы для командировок в различные провинции, где могут принести весьма большую пользу.

А вместо *мухаджиров* мы, если нужно, в три или четыре месяца можем не только сформировать, но и обучить отличный конный полк из волонтеров, численностью в столько казаков, на сколько только будет угодно Е.В. Шаху отпустить нам денег. Содержание же волонтеров значительно дешевле, чем теперешних *мухаджиров*, что ясно видно из штатов, приложенных в конце этого рапорта.

Финансы

Заготовка фуража должна производиться сразу на весь год осенью, вслед за уборкою жатвы. Для этого бригаде потребно сразу несколько тысяч *туманов*, чтобы не пропустить благоприятного времени и своевременно раздать помещикам задатки. Но Правительство по несколько месяцев задерживает деньги, вследствие чего:

1. Фураж приходится заготавливать не сразу на целый год, когда он дешевле, но по мере получения денег, в самое дорогое и неудобное для доставки в казарму время – и бригада терпит огромные убытки.

2. Те же самые убытки ей приходится терпеть и при заготовке каменного угля, кerosина, обмундирования и проч.

3. Бригаде на несколько месяцев задерживают выдачу денег, а между тем людей и лошадей кормить надо: казаки, которые не связаны никакими обязательствами и каждую минуту имеют полное право потребовать расчёта и уйти из бригады – только тогда и служат верно и готовы идти за начальником в огонь и воду, когда им исправно платят всё положенное от казны. Поэтому, чтобы не потерять уважения и преданности среди казаков и не возбуждать в них явного, отнюдь не скрываемого и несогласно[го] с понятиями об истинной и твёрдой дисциплине недовольства казаков, единственным выходом является заём денег у ростовщиков на ужасные проценты, которые принуждена уплачивать сама бригада из своего бригадного же бюджета.

4. Казачьи офицеры – люди и без того крайне бедные – не получая своевременно содержания, тоже принуждены брать деньги на % и тем уже окончательно разоряться; а когда некоторым офицерам положительно нечего есть, опять-таки всё той же бригаде приходится из своего бюджета помогать этим нищим и платить также и за них % ростовщикам.

5. Никакие правильные сметы на предстоящие хозяйственные нужды не могут быть заранее исчислены, так как никогда не известно, когда именно будут получены деньги и сколько именно.

6. А между тем, бригада, кроме жалования, фуража и хозяйственных нужд, имеет массу расходов, на которые никакого отпуска от Правительства не полагается, но которые бригада обязательно должна производить. Не считая всего, достаточно упомянуть:

1. Содержание лазарета, докторов, помощь неимущим и трудно больным (одному *сартипу* Гулам-Гусейн-хану в истекшем году более 100 *туманов*);

2. *Анамы* (наградные, подарки) всей бригаде за Высочайшие смотры, парады, манёвры, встречи, проводы (на *анамы*, на кузнецов, на больных, на поощрения и проч. Правительство положило всего 800 *туманов*. А между тем, одни кузнецы иковка лошадей, как собственных казачьих, так равно казённых и артиллерийских, поглощают более 600 *туманов*) и проч., и проч., и проч.

3. Лагерные суточные офицерам, живущим в лагере (по бюджету всего положено 400 *туманов*, а на самом деле выходит более 1000 *туманов*);

4. Добавочное *джире* (суточное довольствие) людям и добавочный ячмень всем лошадям во время лагеря, а казённым и артиллерийским лошадям – круглый год.

Вследствие вышеизложенных задержек и неправильностей²¹ при получении денег тратится, безусловно, непроизводительно такая куча денег и средств, которые бригада [при] установлении правильной получки денег употребляла бы на доведение своего устройства до образцового во всех отноше-

ниях состояния, вместо того чтобы вечно изворачиваться, не разгибаясь день и ночь над денежными счетами и расчётами. В бригаде только тогда и можно будет установить прочный непоколебимый порядок и быть вполне уверенным, что в каждую данную минуту и офицеры, и казаки пойдут за своим командиром всюду, куда он их поведёт, и тем исполнят свой долг и назначение, когда финансы бригады будут вполне упорядочены и она будет получать деньги из банка новыми *кранами* в точно определённые и никогда не изменяющиеся сроки, за один месяц вперёд, как это и было первоначально установлено и действительно выполнялось при полковнике Домановиче.

В настоящее же время, прежде чем получить деньги, приходится целыми месяцами унижаться перед кредиторами и ростовщиками; а когда и выдаёт, наконец, Правительство *берат* (ассигновку) на деньги, мы самих денег всё-таки не можем получить прямо в руки, а принуждены по целым неделям собирать их по базарам у различных мелких должников Правительства, платя при этом ещё за промен и просчёт и нанимая на бригадный счёт особого делопроизводителя, специалиста по ведению учёта базарных операций и распознаванию фальшивых денег, так как старые *краны* почти наполовину – поддельные.

Возвращение 16854 туманов

Персидское Правительство возвратило бюджету бригады 16854 тумана на условиях в действительности невыполнимых, так как прибавка эта, при точном выполнении поставленных условий, неизбежно должна повлечь за собою образование дефицита в 7146 туманов ежегодно, что ясно показывает следующий простой арифметический расчёт. Правительство обязано на 16854 тумана содержать 300 новых конных казаков. Но каждый конный казак кругом при полковнике Шнеуре (согласно сметы, утверждённой самим Е.В. Шахом) обходился [в] 76 туманов, а в настоящее время (вследствие сильного падения курса) обходится ровно [в] 80

туманов. Следовательно, на 16854 тумана возможно содержать только $16854:80 = 210$ новых конных казаков, то есть на 90 казаков менее, чем обязали бригаду. Содержание 300 конных казаков стоит $300 \times 80 = 24000$. Приводя вычитание, получим: $24000 - 16854 = 7146$ туманов, которых и не хватает ежегодно бригаде для содержания полных 300 человек, и, следовательно, должно повлечь за собою ежегодный дефицит в 7146 туманов.

Так как ошибочность расчёта в данном случае совершенно очевидна, то для устранения этой ошибки Персидскому Правительству остаётся или:

1) продолжая добавлять бригаде 16854 тумана, требовать содержания на эти деньги только 210 новых казаков, или

2) требовать содержания 300 новых конных казаков, но тогда отпускать на них уже не 16854 тумана, а 24000 туманов, т.е. на 7146 туманов больше, чем теперь.

Но денег этих в действительности Персидскому Правительству добавлять не придётся, так как они с избытком могут быть пополнены из содержания 133^х излишних офицеров бригады.

Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.

Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 242–248²². Копия

Примечания

¹ 22 февраля 1894 г. В.А. Косаговский был назначен на должность заведующего (или как тогда писали «заведывающего») обучением Персидской кавалерии Генерального Штаба в Иране, встав во главе «Персидской казачьей Его Величества Шаха бригады». 17 апреля 1894 г. В.А. Косаговский был произведён в чин полковника, а 27 апреля того же года выехал в Тегеран (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 13–13об.). В этой стране Косаговский служил до 1903 г. Именно на период его командования бригадой приходится целый ряд заметных событий в истории Ирана, наиболее значительным из которых было убийство Насер ад-

Дин-шаха (правил 1848–1896) в 1896 г. и воцарение шаха Музаффар ад-Дина (правил 1896–1907). Официально В.А. Косаговский был отозван из Тегерана 30 сентября 1902 г. с последующим прикомандированием к Главному штабу для обработки собранных им материалов по Персии. Фактически же он выехал из Персии 10 апреля 1903 г. (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 2об.).

² На момент назначения главой военной миссии подполковник Генерального штаба Алексей Иванович Домантович служил в казачьей кавалерии уже 12 лет и досконально знал все её особенности (см.: *Красняк О.А.* Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг.: По материалам архивов русской военной миссии. М., 2007. С. 72).

³ Майдан-е машк (букв. «площадь для занятий, учебный плац») находилась на севере тегеранского Арка (Арк-е Салтанати). Впоследствии здесь были возведены здания Министерства иностранных дел, Почтового управления, Главного управления полиции, Генерального Штаба и др. Площадь имела длину 216 м (*Шахиди-Мазандарани Х.* Саргозашт-е Техран. Тегеран, 1383/2004. С. 111, 141).

⁴ Хаджи Мирза Хасан-хан Мушир ад-Доуле (род. 1830). Его отец был приближённым Рукн ад-Доуле, сына Фатх-‘Али-шаха (правил 1797–1834). Некоторое время учился в Европе, где особых знаний не получил, но немного выучил французский язык. Тем не менее, Хасан-хан обладал хорошими способностями и исключительным трудолюбием, что позволило ему занимать высокие государственные посты (в частности, главнокомандующего иранской армией) и выполнять особые поручения во время заграничных командировок. Во время визита Домантовича в Иран Хасан-хан возглавлял Министерство иностранных дел. Был отравлен по приказу шаха в 1881 г. (*Мирзаи М.* Тарихче-йе бригад ва дивизиун-е казак (аз колонель Думантувич то Резахан Мир-пандж). Джелд 1. Техран, 1383/2004. С. 68, прим. 1).

⁵ Мирза Ахмад-хан ‘Ала ад-Доуле с 16-летнего возраста возглавлял несколько отрядов личной конницы шаха, в частности «Махдийе» и «Мансур», а к 1882 г. количество всадников, находившихся под его началом, достигло 3000 (в этом же году он был удостоен чина *амир туман*). В 1907 г. ‘Ала ад-Доуле был схвачен по приказу Мухаммад-‘Али-шаха (правил 1907–1909). В 1911 г. был застрелен у своего дома на

улице Фердауси (бывшая ‘Ала ад-Доуле) в Тегеране – националисты обвиняли его «в близких сношениях с императорской миссией и в посредничестве между последнею и бахтиярами» (*Шитов Г.В.* Персия под властью последних Каджаров. Л., 1933. С. 156).

⁶ И просто опасавшегося серьёзного ослабления собственных позиций после создания казачьей бригады.

⁷ Полковник Пётр Чарковский был вторым командиром Казачьей бригады (1882–1885) (см.: *Красняк О.А.* Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. С. 78–80).

⁸ Камран-мирза Наиб ас-Салтане (1855–1928) был третьим сыном Насер ад-Дин-шаха. Он занимал должности «военного министра и главнокомандующего победоносной армией» (с 1880 по 1896 г.), а также губернатора Тегерана (с 1861 г.). Кроме того, в его ведении находился ряд других губернаторств (подробнее см.: *Бамдад М.* Шарх-е хал-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Джелд 1–4. Тегеран, 1966–1968. Ч. 3. С. 149–161; Всеподданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавления к Сборнику материалов по Азии. № 6. СПб., 1902. С. 21–22; Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 84–86).

⁹ Так, 17 мая 1895 г. Косаговский отметил в своём дневнике: «Пико предложил проект формирования *мухаджирской* конницы. Меджд-эд-Доулэ обещал Н[аибу]-эс-С[алтанэ] выпросить у шаха 40-тысячный бюджет и мало-помалу создать новую и задавить нашу теперешнюю бригаду» (Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 112об).

¹⁰ Мирза ‘Али-Асгар-хан, последовательно обладавший почётными титулами Сахеб-е джам‘, Амин ал-Мульк, Амин ас-Султан и Атабек-е а‘зам, был вторым сыном Ибрахима Амин ас-Султана. Занимал должность премьер-министра (*садр-а‘зам*) при Насер ад-Дин-шахе, Музаффар ад-Дин-шахе и Мухаммад-‘Али-шахе. Родился в 1858 г., убит 30 августа 1907 г. (21 раджаба 1325 г. л.х.) жителем провинции Азербайджан ‘Аббас-аккой (подробнее см.: *Бамдад М.* Шарх-е хал-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Джелд 1–4. Тегеран, 1966–1968. Ч. 2. С. 387–425). А.Н. Куропаткин называет

Садр-А'зама «одним из наиболее симпатичных государственных людей Персии» и считает его самым «способным и искренним из них». Генерал отмечает ум, развитое чувство собственного достоинства и довольно высокие нравственные качества Садр-А'зама (Всепопданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году. С. 22–23). В своём «Дневнике» Куропаткин пишет: «Простились мы с Садр-Азамом очень тепло. Поцеловались трижды. Садр-Азам просил передать Государю, что пока он, Садр-Азам, жив, он будет отстаивать мир со всеми державами, но в особенности будет работать для поддержания дружеских сношений с Россией. Он прибавил, что однажды эти отношения нарушили (наглупил Долгоруков), но даже этот временный разлад принёс пользу, ибо послужил уроком, после которого стала ещё очевиднее необходимость поддерживать дружеские отношения с Россией» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. л. 94об.–95. См. также: Всепопданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году. С. 18). Надо сказать, что как сторонник России Садр-А'зам оказал немалую поддержку В.А. Косаговскому, чем заслужил защиту последнего в дни опалы.

¹¹ Полковник Николай Яковлевич Шнеур (1848–1894) – выпускник Николаевской академии Генерального штаба, бывший военный агент в Китае (1883–1886), командовал Персидской казачьей бригадой в период с января 1890 г. по май 1893 г. При нём, в частности, для персидской артиллерии были закуплены лошади из России (см.: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года: Биобиблиографический словарь. М., 2005. С. 273; *Красняк О.А.* Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг.: По материалам архивов русской военной миссии. С. 81).

¹² Ротмистр 33 Драгунского Изюмского Его Королевского Высочества Принца Генриха Прусского полка, командир 3-го эскадрона, кавалер ордена Св. Станислава 3 ст. (25 дек. 1891 г.), Владимир Карлович Бельгард был предшественником В.А. Косаговского на посту командира Персидской казачьей бригады. Именно его можно считать зачинателем подлинных преобразований, позволивших вывести Бригаду из кризиса. Он родился 1 июля 1863 г. Происходил из дворян Великого Княжества Финляндского, православный. Окончил Пажеский корпус по первому разряду и Николаевскую Академию

Генерального Штаба по второму разряду (1889 г.). Поступил в Пажеский корпус 25 августа 1868 г., 10 января 1883 г. переведён в камерпажи, 12 августа 1883 г. произведён в корнеты, 14 марта 1885 г. переведён в 33 Драгунский Изюмский полк поручиком, 26 февраля 1887 г. произведён в штаб-ротмистры. По окончании Николаевской академии Генерального штаба отправлен в распоряжение Штаба Киевского военного округа. 22 августа 1890 г. назначен ординарцем к Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу старшему на всё время маневров. 18 сентября 1891 г. командирован в переменный состав офицерской кавалерийской школы для прохождения курса эскадронных командиров. 2 февраля 1891 г. произведён в ротмистры. 20 августа 1891 г. успешно окончил школу по отделу эскадронных командиров. 15 сентября 1891 г. назначен командовать 3 эскадроном (утверждён 22 августа 1892 г.). На 26 сентября 1892 г. был холост, недвижимого имущества не имел, под судом не был, наказаниям не подвергался, в делах против неприятеля не участвовал, особых поручений не имел (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 50–55).

¹³ Имеется в виду Евгений Карлович Бюцов (1837–1904), исполнявший обязанности русского посланника в Тегеране с 1889 по 1897 г. Отношения полковника Косаговского и Е.К. Бюцова не сложились, в том числе и потому, что последний был сторонником предыдущего командира Казачьей бригады ротмистра Бельгарда и приложил все усилия для того, чтобы не допустить появления Косаговского в Тегеране. Косаговский же не преминул оставить в своём «Дневнике» несколько колких замечаний о Бюцове: «Посланник, как выкrest, особенно сильно стоит на страже всех религиозных празднеств, ибо, по удивительному выражению персов, “горшок горячее щей”... Посланник всего только два года тому назад, на 55^м году жизни, отрёкся от лютеранства и принял православие, сделавшись самым завзятым русаком – Евгений Карлович Бюцов!!!!!!» (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 35).

¹⁴ «В таком случае нам должно быть отведено место за Юсуф-Абадскими воротами или где-нибудь в другом месте, чтобы учиться совершенно отдельно: даже я, бригадный командир, не могу стеснять свободы эскадронных и полковых командиров и должен лишь от времени до времени проверять ход обучения. Военный же министр за весь год должен видеть

казаков в общем бригадном сборе – два, много три раза. Равным образом немедленно же должно быть отведено место для лагерных занятий, которым мы могли бы пользоваться всегда беспрепятственно, а не выжидать, покуда засеют, а потом сожнут и затем уберут хлеб» (Л. 1об.).

¹⁵ «Для этого я сам должен сделать переборку, выделив одних лишь надёжных» (Л. 1об.).

¹⁶ «Для этого дурацкие дефиле и Майдан-Машк должны быть совершенно забыты и ход обучения должен быть всецело предоставлен мне одному где-нибудь за городом, в совершенно отдельном месте, не на глазах Н[аиб-]эс[Салтанэ] и тем более – толпы европейцев» (Л. 2).

¹⁷ «Напр[имер], оказывают давление на шахсеван, принуждая их выйти в отставку ради того только, что Шааб-уль-Мульк – человек сильный, его боятся задеть, а полковника лишают лучших казаков и, кроме того, дискредитируют его значение в глазах всей бригады и народонаселения, которое уже, не доверяя власти п[олковника], не хочет вступать в бригаду – и идёт в бригаду лишь бездарная голодная сволочь, которой негде поклонить голову. А состав гулямов гораздо лучше именно потому, что раз он сделался гулямом Шаха, его поддерживает само Правительств-во во всех его исках и тяжбах. Прошу опросить всю бригаду, удовлетворены ли офицеры и казаки во всех их, безусловно, законных исках. Ни одной кражи полиция не желала разыскать и, в конце концов, каждый раз сама бригада должна была уплачивать пострадавшим; а переписки масса, отнимая у нас массу времени. Мустафа-Кули-хан, *ильбеги* шахсеван, убил лошадь [неразборчиво] казака 7–8 месяцев тому назад, и до сих пор казак не удовлетворён, несмотря на целый ряд моих заявлений Векиль-эд-Доулэ и самому Н[аибу-]эс-Салт[анэ]» (Л. 2).

¹⁸ «В последнее же время полковника стали стеснять даже и по отношению к волонтёрам, заставляя принимать в бригаду так[их] известных

преступников и негодяев, как, например, Раджаб-Али-бек, исключённый за несвоевременную доставку официальной ноты турецкому послу по просьбе министра иностр[анных] дел и потом по просьбе того же министра иностр[анных] дел и Мушир-уль-Мулька вновь зачисленный в Бригаду. Прежние проступки: дезертирство к Зели-Султану в Исфаган, грубости и оскорбления, нанесённые Азэд-эль-Мульку, дяде Шаха, подложная женитьба на невесте другого, *нешехмета* (пишхедмата. – Б.Н.) телеграфной станции, сводничество во временной командировке при Министерстве иностранных дел. Недостатки: 1) слепой, 2) лошадь совершенно негодна, 3) вечно уклоняется от всякой службы, – словом, собрание всех пороков. Еврей может развестись с женою в том случае, если у неё нет ни одного достоинства. Но если есть хоть одно, он не может развестись. Но если бы у еврея была такая жена, как Раджаб-Али-бек – и еврей мог бы развестись с нею.

Летом 1ый секретарь Министерства иностранных дел прислал мне *дестихат* Садр-Азама на производство двух негодяев казаков, состоящих при Мин[истерстве] ин[остранных] дел, с дерзким требованием произвести их немедленно в силу приказа Садр-Азама. Оказалось, что секретарь наврал, ибо в своём *дестихате* Садр-Азам писал только: «Если это не противоречит военным законам и порядкам (казака Касым-Али-бека реби-эль-аввеля 1312 года)». Три дня тому назад Низам-уль-Мульк потребовал признания *наибск[ого]* диплома денщика своего сына, бывшего *векиль-раста* батареи, Аббас-Кули-хана» (Л. 2об.–3).

¹⁹ Опий-сырец.

²⁰ В тексте именно так.

²¹ В тексте *неправильностей*.

²² Черновой вариант и копия с пометами автора этого рапорта находится также в: АВ ИВР РАН Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1–31. Пометы В.А. Косаговского на полях копии рапорта № 7 приводятся в сносках с указанием только на номера листов.

Н.Н. Лисицына

ВЫВОД АНГЛО-ИНДИЙСКИХ ВОЙСК ИЗ АФГАНИСТАНА, ИЛИ «ОБЕЩАТЬ – НЕ ЗНАЧИТ УЙТИ!»

Окончание второй англо-афганской войны (1878–1880 гг.) ознаменовалось провозглашением Абдурахман-хана эмиром Афганистана и корректировкой Гандамакского договора 1879 года. В числе прочих договорённостей англо-индийское правительство обязалось оставить территории эмира и сохранить границы обоих владений в состоянии на момент начала военных действий. То есть вернуть все захваченные территории и вывести все английские военные соединения. Исходя из практики вывода войск и всех служб во второй половине XIX века, можно предполагать, что для успешного завершения обещанного англичанам понадобился бы год – максимум полтора.

Однако и четыре года спустя армия Её Величества оставалась на территориях афганского владетеля. Как писал в ноябре 1884 года русский военный агент в Лондоне генерал-лейтенант А.П. Горлов¹, английские и англо-индийские военно-политические деятели не спешили окончательно выводить войска с афганских территорий. По сообщению нашего офицера, только в 1883 году был «очищен» Кандагар и вся долина реки Дори. На осень 1884 года опорным пунктом явился форт Чаман «перед входом в Ходжа-Амранские горы», а в долине Пишина таковыми значились «Гулистан и Кушдиль-хан». Конечно, англо-индийская сторона заверяла, что предполагает очистить эти территории «в начале весны» (т.е. весны 1885 г.), и «крайний английский военный пост будет по-прежнему – Кветта».

Между тем, наш военный агент утверждал, что «...нельзя не заметить – очищение Афганистана производится крайне неохотно со стороны военного ведомства, и что со стороны военной, равно как и вообще со стороны консервативной партии делаются огромные усилия, чтобы сохранить за Анг-

лией хотя клочок земли в Афганистане или хотя даже остаток влияния»².

И это не удивительно. За время, прошедшее с начала второй англо-афганской войны и до 1884 года, многое изменилось в международных отношениях, в том числе и в тех, что затрагивали территории, примыкавшие к владениям афганского эмира³.

После окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и завершения Берлинского конгресса военное и политическое ведомство Петербурга осознали невозможность продолжать поддерживать своё влияние на Балканах без постоянных конфликтов с европейскими странами. Именно среднеазиатское направление было выбрано как наиболее перспективное в политическом и экономическом аспектах. Кроме того, этот регион сохранял статус наиболее опасного для приграничных районов Российской империи. Туркменские оазисы являлись сосредоточением банд аламанщиков – т.е. разбойников, занимавшихся кражей и торговлей людьми. Таким образом, продвижение российских войск к Мерву – центральному и самому влиятельному оазису – и активное хозяйственное освоение региона вели к усилению военно-политических позиций Петербурга не только на Среднем Востоке, но и на международной арене в целом.

По понятным причинам Лондон рассматривал действия русских как агрессивные, создающие угрозу Индии, и пытался любыми способами сохранить своё военно-политическое присутствие в Афганистане. Генерал А.П. Горлов в донесении от 8 (20) ноября 1884 года отмечал, что английское военное ведомство совместно с консервативной партией используют любые предлоги и поводы, чтобы задержаться на землях эмира. Совершенно серьёзно в военном министерстве и в парламенте обсуждался во-

прос о невозможности передачи афганскому владельцу некоторых из занимаемых теперь англичанами территорий. «Во-первых, утверждают, что Пишин не есть исконная земля афганов, но заселена чужими Афганистану племенами, присоединёнными к нему лишь мечом; поэтому, как сказал мне начальник Генерального Штаба генерал сэр Арчибальд Аллисон – оставляя Афганистан, мы можем, однако, не возвращать ему Пишин»⁴.

Далее наш военный агент указывал на ещё один удобный предлог, найденный английскими военными для своего присутствия и осуществления контроля над южными территориями эмира. Это создание корпуса местного ополчения, главной функцией которого формально стало бы поддержание мира, а по сути – сохранение английского влияния, а, возможно, и создание новой силы, противостоящей Кабулу. «Чаман не передан прямо афганскому эмиру, но занят какою-то “местною милицией”, и то же будет сделано в Гулистане и других постах». В письме от 8 (20) ноября генерал сделал предположение: «Вероятно, она [местная милиция. – *Авт.*] находится под начальством английских офицеров», которое и подтвердил в следующем донесении.

В рапорте от 13 (25) ноября 1884 года генерал-лейтенант А.П. Горлов указал на состоятельность своих предположений. «Газеты уведомили, что Чаман оставлен, а посты Гулистан-Карыз и Кушдиль будут в непродолжительном времени оставлены англо-индийскими войсками и что место их будет занято войсками местного набора – “Local bo-vies”. Это слово могло значить, что оставленные войска были уже местные, афганские войска, подчиненные местному владельцу, т.е. афганскому эмиру или чинам от него поставленным в Кандагаре.

По сделанном мною розыскании, однако, оказывается совершенно достоверно, что эти “Local bo-vies” суть войска английские, набранные из местных народностей, но на жаловании английского правительства и на полном от него содержании. [Сравните с сипайскими частями в самой Индии. – *Авт.*]

Они командуются английскими офицерами, называемыми комиссарами, т.е. имеющими впридачу к военным ещё и гражданские обязанности. [Сравните с английскими советниками при дворе каждого более или менее крупного владельца в самой Индии ещё за несколько лет до описываемых событий. – *Авт.*] По всей вероятности, унтер-офицеры взяты из англо-индийских регулярных войск, а может быть, такие и самые кадры взяты оттуда же...»⁵.

Поэтому вполне обоснован вывод нашего военного агента, что никто ни в Лондоне, ни в Калькутте не планирует уходить из Афганистана. Вывод английских войск состоится только номинально, регулярные «англо-индийские войска сменены нерегулярными, которыми, как известно из всей истории Индии, англичане умеют превосходно командовать».

Учитывая индийский опыт в этом вопросе, можно предположить, какие функции были возложены на южные территории афганского государства. В первую очередь, по видимому, воспитание лояльности к британским подданным, привычки к товарам из Индии и тенденций к политическому сепаратизму в отношении Кабула. В связи с этим понятны слова, как деликатно формулирует А.П. Горлов, «одного высокопоставленного генерала», что «форт Чаман, может быть, ещё и будет передан Абдурахман-хану, если бы эмир стал об этом просить настоятельно, но Пишин, вероятно, отдан афганцам назад не будет»⁶.

Получив эти сведения, русский посол в Лондоне князь А.Б. Лобанов-Ростовский увидел в них свидетельство некоего раскола в правящих кругах Британской империи. Он предположил, что «теперешнее правительство желает совершенно очистить» оговорённые земли и передать их «афганскому эмиру, но не может сделать это скоро, так как оно должно преодолеть сопротивление как военного ведомства, так и Индийского министерства в Лондоне». Именно они препятствовали полноценному выполнению взятых на себя Великобританией обязательств, поскольку «расположены к агрессивной по-

литике и всячески сопротивляются очищению афганских территорий»⁷.

Примечательна дальнейшая история части южных территорий. После переговоров эмира и М. Дюранда в 1893 г. они окончательно отошли в зону владения англо-индийского правительства.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147 Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1169. Л. 89–92.

² Там же. Л. 89об.–90.

³ Об этом см.: *Лисицына Н.Н.* Сближение зон влияния Российской и Британской империй в Центральной Азии // Дискуссионные проблемы зарубежной и отечественной истории: Межкафедральный сборник научных работ / Сост. Жиряков И.Г., Сучков И.В. М.: РИЦ «Альфа» МГГУ им. М.А. Шолохова, 2007. С. 98–115; *Лисицына Н.Н.* Последний этап присоединения центральноазиатских оазисов к Российской империи в конце XIX века // Некоторые дискуссионные проблемы зарубежной и отечественной государственной истории: Межвузовский сборник научных трудов / Сост. Жиряков И.Г., Михайлова Н.В. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. С. 70–96.

⁴ АВПРИ. Ф. 147 Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1169. Л. 90.

⁵ Там же. Л. 87–87об.

⁶ Там же. Л. 88.

⁷ Там же. Л. 88об.

Ю.Н. Тихонов

**ДОНЕСЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПОЛПРЕДА В КАБУЛЕ Я.З. СУРИЦА¹
О ТРУДНОСТЯХ РАТИФИКАЦИИ СОВЕТСКО-АФГАНСКОГО
ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ 1921 г.**

Подписание 28 февраля 1921 г. в Москве первого советско-афганского договора о дружбе стало важной вехой в истории международных отношений не только в Центральной Азии, но и в мире. Английское правительство вынуждено было признать, что очередной раунд «Большой игры», начавшийся в Азии с 1917 г., Великобритания проиграла. Дипломатические отношения между Москвой и Кабулом с этого момента получили необходимый фундамент для их дальнейшего развития, что реально, судя по рассекреченным документам НКВД и Коминтерна, угрожало британским позициям в Индии.

Разумеется, английская сторона не собиралась сдавать свои позиции на подступах к Британской Индии и попыталась взять реванш в Афганистане. Многовековой опыт контактов с восточными государствами и значительные материальные ресурсы позволяли Лондону надеяться, что с помощью щедрых финансовых «жертв» удастся уговорить афганское правительство не только не ратифицировать договор с большевиками, но и разорвать с таким трудом установленные дипломатические отношения с Советской Россией. В связи с этим весной и летом 1921 г. в афганской столице развернулась ожесточенная дипломатическая дуэль вокруг ратификации первого советско-афганского договора.

В лучших традициях «дипломатии маятника» эмир Аманулла-хан² и его соратники лавировали между Советской Россией и Великобританией, добиваясь от них максимальных уступок для независимого Афганистана³. Сохранение и укрепление независимости было для афганских лидеров главной стратегической целью, которой они руководствовались в своих хитроумных комбинациях. Одним словом, всё английское золото не могло заставить Аманулла отказаться от

ратификации первого равноправного международного договора в новейшей истории его страны.

Советский полпред Суриц не был до конца уверен в стремлении афганцев сохранить свою независимость⁴. Он переоценил шансы на успех англичан в срыве ратификации договора 1921 г., поэтому направлял тревожные донесения в Москву вплоть до 18 июня 1921 г. (см. документ №1). Однако в этот же день тон его телеграмм в НКВД резко меняется (см. документ №2), так как ему стало известно о решении Амануллы ратифицировать договор с Советской Россией. В связи с этим середину июня 1921 г. можно считать переломным пунктом в ходе ратификации в Кабуле советско-афганского договора о дружбе 1921 г.

В донесениях Сурица от 18 июня 1921 г. детально освещается сложная обстановка в Кабуле перед ратификацией первого советско-афганского договора. В них также прослеживается, каким образом через «утечку» информации через третьих лиц (Джемальпашу⁵, бухарского полпреда Юсуф-заде⁶) афганское правительство оказывало давление на Сурица с целью внесения в уже подписанный договор новых поправок.

В тексте публикуемых документов сохранена авторская орфография. Очевидные опечатки исправлены без комментариев. В квадратных скобках раскрыты сокращения и слова, пропущенные из-за радиопомех при приеме шифровок из Кушки⁷.

Документ № 1

Донесение Я.З. Сурица

Ташкент Уполнаркоминдел⁸

Москва Наркоминдел⁹

Наше положение изменилось в отрицательном смысле. Постепенно растет на-

строение за отказ от русско-афганского договора. Состоявшееся примирение с верхами халифата¹⁰, конгрессдвижения¹¹ и неудачи вспышки, вызванной афганцами на границе¹², способствовали решительному выступлению англичан против нашего договора. С одной стороны, в ход пущены военные угрозы, с другой – блестящие посулы. По полученным последним сведениям, англичанами предложено 20 000 винтовок, 200 орудий, пулемёты и 40 миллионов рупий, которые будут выплачиваться ежегодно по 4 миллиона в виде вознаграждения за нейтралитет в великой войне¹³. Гарантируется автономия Афганистана, создание там под руководством англо-инструкторов туземной милиции, содержание за счет Англии 300 афганстудентов за границей и выгодное тарифное соглашение. Все это предлагается под условием прекращения агитации среди племен, роспуска всех ревиндорганизаций в Афганистане, сохранение с Сов[етской] Россией лишь торговых сношений и содействия со стороны Афганистана в антирусской пропаганде в Туркестане и ханствах¹⁴.

Английские предложения встречают благоприятную почву во всеростущем недоверии к действительности и продолжительности нашей помощи, что ещё больше усугубляется донесениями афган[ских] представителей о колебаниях в связи с ратификацией в Москве и выключения из ратификации статей о помощи. Также восстанавливает против нас афганцев положение в Бухаре и Хиве, жалобы на гонения против туркестанских мусульман, непрекращающиеся набеги на афган[скую] территорию с угоном скота при прямом попустительстве со стороны пограничных властей¹⁵ и наличие афган[ской] реорганизации в Бухаре¹⁶. В результате этого число сторонников сближения с нами тает с каждым днём. Тарзи определенно перешёл в лагерь англофилов. В беседе с Джемаль-пашой Тарзи высказался, что в связи с новым курсом Англии на Востоке она является менее опасной, чем Россия, приводил сравнение между положением мусульман в Туркестане и Индии. В такой же беседе с Юсуф Заде Тарзи указал,

что антимусульманской советской политикой и нарушением декретов независимости Хивы и Бухары Сов[етская] Россия заставляет Афганистан отказаться от договора.

18 июня 1921 г.

Суриц

Верно:

секретарь Политчасти ОВС Иванов¹⁷

РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 67. Л. 105. Машинописная копия. Вверху документа приписка от руки: «До Термеза шло почтой». Подпись Иванова – автограф.

Документ № 2

Донесение Я.З. Сурица

Чрезвычайно секретно.

ТАШКЕНТ Уполнаркоминдел

Уважаемые товарищи.

Уже по составлению шифровок за №74/75¹⁸ стали поступать сведения более благоприятного для нас характера. Вчера 17 с/м состоялось под председательством эмира совещание министров, на котором решено поддерживать подписание договора. Это решение сегодня передаётся на обсуждение и утверждение большого совета, составленного из представителей двора, сардаров¹⁹, родственников эмира и министров.

Если сведения о решении малого совещания верны (получены Джемалем от одного из участников), то для меня нет никакого сомнения, что и большой совет не решится выступить против нашего договора. Для чего понадобилось эмиру разыграть комедию квази-парламентаризма, я, признаться, не отдаю себе отчета. Это так не вяжется с его деспотическими замашками и государственными принципами Афганистана. По мнению Джемалия, это объясняется непопулярностью договора среди огромного большинства сардаров и желанием эмира переложить на них и официальную ответственность. Я же лично более склонен допустить, что предполагается именем народа навязать нам какие-либо изменения в договоре, вроде отказа от консульства²⁰, увеличения размеров помощи

– поскольку с англичанами окончательно не договорились, если же вопрос о разрыве предрешён, то меджлис попытается спровоцировать нас на мусульманском вопросе, выдвинув на первый план гарантии действительной независимости Хивы и Бухары, чтобы в глазах масс и мусульманской Индии переложить ответственность за разрыв на Россию.

Так или иначе, но [я] не считал себя в праве задержать отправку шифровок. Даже в случае подписания, я считаю чрезвычайно важным, чтобы Вы были в курсе всей борьбы, разыгравшейся в последние дни около нашего договора. Если же опасения мои подтвердятся, то необходимо, чтобы военное командование²¹ могло своевременно предпринять меры предосторожности и на границах.

Экстренным курьером сообщу о решении меджлиса.

С коммунистическим приветом:

Чрезвычайный и Полномочный представитель РСФСР в странах Средней Азии

Я. Суриц

До сих пор никаких новых сведений не получено. Решение меджлиса пока нам неизвестно.

Кабул, 18 июня 1921 г.

10 ч. вечера.

Верно: секретарь Политчасти ОВС Иванов.

РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 67. Л. 142–142(об). Заверенная машинописная копия. Документ заверен штампом и печатью помощника управляющего делами Турккомиссии, подпись – автограф (неразборчиво).

Примечания

1. Суриц Яков Захарович (1882–1952) – советский дипломат. В 1918–1919 гг. – представитель РСФСР в Дании. В 1919–1921 гг. – полпред РСФСР в Афганистане. До 1922 г. – уполномоченный НКВД по Туркестану и Средней Азии. В 1922–1923 гг. полпред в Норвегии. В

1923–1934 гг. – посол в Турции. В 1934–1937 гг. – посол в Германии. В Стамбуле и Берлине поддерживал тайные контакты с амануллистами. С 1937 г. советский посол во Франции. После фашистской оккупации этой страны был отозван в Москву и работал в аппарате НКВД. В 1946–1947 гг. был послом в Бразилии. В 1948 г. вышел в отставку.

2. Аманулла-хан (1892–1960) – эмир (с 1926 г. король) Афганистана в 1919–1929 гг. Провозгласил независимость своей страны от Англии. В 1921 г. заключил с Советской Россией договор о дружбе. Провел ряд прогрессивных реформ, которые вызвали сопротивление как реакционных сил, так и простого населения, которое страдало от резкого увеличения налогового гнета. В условиях нарастающего в стране внутриполитического кризиса пытался удержаться у власти при помощи СССР. В 1929 г. вынужден был отречься от престола из-за восстания в стране. Эмигрировал в Италию. В течение многих лет стремился с помощью иностранных держав вернуть себе власть в Афганистане. Осознав свое поражение в борьбе с династией Яхья-хель, официально примирился с афганским королем Захир-шахом. Умер 26 апреля 1960 г. в Швейцарии.

3. Все попытки отдельных исследователей обвинить Аманулла в коварстве и «непорядочности» в ходе ведения этих сложных переговоров, на наш взгляд, являются надуманными, так как и для советского наркома иностранных дел Г.В. Чичерина отношения с Афганистаном были предметом торга («товарообмена») в переговорах с Великобританией.

4. Российский исследователь М.А. Конаровский справедливо заметил, изучив донесения первых советских полпредов в Афганистане, что им приходилось работать в тяжёлых условиях, что вызывало некоторую нервозность в их донесениях в НКВД. См. подробнее: *Конаровский М.А. Дорога в семь тысяч дней. М., 2015. С. 356–375.*

5. Ахмед Джемаль-паша (1861/1872–1922) – один из лидеров младотурок. В годы Первой мировой войны военно-морской министр и командующий 4-й турецкой армии в Сирии. Руководитель подавления арабского освободительного движения в Палестине, Ливане, Сирии. В 1918 г. бежал в Германию. В 1919 г. командованием английских оккупационных войск в Турции заочно приговорён к смертной казни. В 1920–1922 гг. тесно сотрудничал с Советской Россией в Афганистане, будучи главным инспектором

вооружённых сил этой страны и доверенным лицом эмира Аманулла-хана. В 1922 г. убит дашнаками в Тифлисе.

6. Юсуф-заде (1890–1938) – бухарский государственный деятель, дипломат. 1920 г. – председатель ВРК Чарджоуского вилайета. 1921 г. – министр земледелия БНСР. 1923 г. – полпред БНСР в Афганистане; председатель Диктаторской комиссии ЦИК БНСР по делам Восточной Бухары. 1924 г. – бухарский полномочный представитель БНСР при СНК СССР.

7. Из-за трудностей, связанных с передачей радиосообщений из Кабула, часть донесений советских дипломатов в Кабуле отправлялась курьерами в крепость Кушку, где была мощная радиостанция. Далее по радио шифровки отправлялись в Ташкент и Москву. Когда технические трудности были преодолены, от этой практики не отказались, чтобы затруднить перехват советских сообщений британской радиоразведкой, с которой сотрудничали шифровальщики многих белогвардейских армий. Обнародование англичанами содержания некоторых перехваченных шифротелеграмм Сурица не раз создавало сложные ситуации в деятельности советских дипломатов в Кабуле в 1920-х гг.

8. Уполнаркоминдел – уполномоченный Народного комиссариата иностранных дел (НКВД). Речь идет о главе Отдела внешних сношений НКВД в Ташкенте Д.Ю. Гопнере. Количество уполномоченных представителей НКВД в Средней Азии после создания советских республик в этом регионе значительно увеличилось, но представительство в Ташкенте в системе НКВД продолжало считаться главным.

9. Наркоминдел – Народный комиссариат иностранных дел (НКВД).

10. Речь идёт о руководстве халифатского движения в Индии. Это массовое антибританское движение в Индии боролось против раздела Османской империи и ущемления прав султана-халифа по Севрскому договору 1920 г. между странами Антанты и турецким правительством. По всей Индии действовали халифатские комитеты во главе с мусульманами. НКВД по просьбе Сурица выделил специальные средства для финансирования тех халифатистов, которые приезжали в Афганистан.

11. Имеется в виду деятельность партии Индийский национальный конгресс (ИНК).

12. Речь идёт о мощном вооружённом восстании приграничных пуштунских (патанских) племён против Великобритании в 1919–1921 гг. Сигналом к антибританскому выступлению патанов стала третья англо-афганская война 1919 г. См. подробнее: *Гордон-Полонская Л.Р.* Война Афганистана за независимость и участие в ней пограничных пуштунских племен (1919–1921) // *Независимый Афганистан*. М., 1958. С. 245–269.

13. Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 гг.

14. В Бухаре и Хиве.

15. Речь идёт о племени джемшидов, проживавшем в северо-западных районах Афганистана. Не желая подчиняться эмирским властям, часть джемшидов переселилась в район крепости Кушки, откуда они неоднократно совершали набеги с целью угона скота на афганскую территорию. «Джемшидский вопрос» в советско-афганских отношениях был полностью урегулирован в 1920-х гг. См. подробнее: *Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М., 1998.

16. В 1920 г. в Бухаре возник «Афганский центральный революционный комитет», который поставил перед собой задачу свержения афганского правительства. Листовку данной подпольной организации см.: *Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925)*. Сб. документов / Ю.Н. Тихонов. М., 2017. С. 204–205.

17. Личность не установлена.

18. Одна из указанных шифровок – это док. №1. Номер этого донесения Сурица автору данной публикации установить не удалось.

19. Сардар – почётное звание в Афганистане.

20. Так в документе. Речь идёт о праве РСФСР, согласно первоначальному тексту советско-афганского договора, открыть консульства в Газни и Кандагаре, т.е. близ границ Британской Индии. 1 августа 1921 г. советская сторона вынуждена была временно отказаться от открытия этих представительств, чтобы ускорить ратификацию договора 1921 г. в Кабуле.

21. Командование Туркестанского фронта.

Вальдемар Шмидт

ТРАГЕДИЯ КАЗАХСТАНА 1921–1922 ГОДОВ: ГОЛОД И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье рассмотрены вопросы, связанные с ситуацией 1921–1922 гг. в Казахстане, когда там царил страшный голод. Этот период в истории Казахстана мало исследован, как и многое другое, что не укладывалось в русло официальной советской истории. Поэтому изучение голода 1921–1922 гг., в период становления и строительства советской власти в Казахстане, имеет весьма весомую научную значимость.

Первое десятилетие строительства социализма на бывшей окраине царской России – в Казахстане ознаменовалось ростом кризисной ситуации, которая привела к развитию голода. Безусловно, причины трагедии проживавших на территории Казахстана народов, вылившиеся в 1930-е гг. в мероприятия сплошной коллективизации, коренятся в 1920-х годах. Последствия голода начала 1920-х гг. были ликвидированы только частично, а крестьянское хозяйство республики, не успевшее оправиться от административного нажима в годы Гражданской войны, было совершенно не готово к нараставшим темпам политики, проводимой большевистской партией в 1930-е гг. в отношении сельского хозяйства.

Автор попытался дать развёрнутый анализ архивных документов и материалов периодической печати, освещающих состояние губерний Казахстана и мероприятий, направленных на борьбу с голодом.

Что касается причин голода 1920-х гг., то исследователи называют различные факторы, повлиявшие на развитие этого бедствия. С одной стороны, выдвигается тезис, что к неурожаю привели именно природные явления. С другой стороны, в последние годы появилось мнение, что в число первостепенных причин следует отнести социально-политические факторы. В исследованиях по этой проблеме их выделяется множество, но если говорить конкретно, то основополагающими факторами, вызвавшими массовый голод 1920-х гг., явились войны – сначала Первая мировая, а затем Гражданская, и, конечно, неправильная политика Советской власти в отношении крестьянства¹.

Без сомнения, голод, ставший неотъемлемым элементом жизни Казахстана после Октябрьского переворота, в значительной мере носил характер политический. Он стал результатом проводимой партией большевиков политики национализации хлебной торговли².

Учредительный съезд, открывшийся в Оренбурге 4 октября 1920 г., приняв Декларацию прав трудящихся, законодательно закрепил создание Казахской АССР. 12 октября на съезде были избраны руководящие органы республики – ЦИК и Совнарком. Большевистское правительство обязало крестьян сдать в августе 1920 – июне 1921 г. чрезвычайный налог в размере 110 миллионов пудов, из которых 35 миллионов приходилось на регион Северного и Западного Казахстана. Однако при этом совершенно не учитывался тот факт, что в 1920 г. был неурожай, запасов от прошлых лет фактически не осталось, так как в то время регион был зоной ожесточённых боёв Гражданской войны. Центр принимал все меры по экстренной доставке хлеба в Россию.

Особенно сильно пострадал от голода Северный Казахстан, исторически являвшийся крупным аграрным регионом, подвергшийся разрушительному воздействию в годы Гражданской войны, а также Западный Казахстан, который пострадал в период установления советской власти. В Западном Казахстане к июню 1922 г. численность голодающих составила 82% от общей численности населения. Декрет ВЦИК летом 1921 г. включил в число голодающих регионов Уральскую, Оренбургскую, Актюбинскую, Букеевскую, Кустанайскую гу-

бернии. В ноябре 1921 г. число голодающих составило 1,508 млн человек, то есть $\frac{1}{3}$ населения Казахстана, а к марту 1922 г. это число превысило 2,3 млн человек. В результате голода 1921–1922 гг. в Казахстане погибло около 1 млн человек³.

В июне-июле 1921 г. засуха распространилась на степные районы Казахстана. Ситуация здесь выглядела следующим образом.

Таблица 1

Губернии Казахстана, пострадавшие от засухи 1921 года⁴

Губерния, край или республика	Территории, пострадавшие от засухи (%)	Средний урожай с 1 десятины в пудах	Урожай на душу населения в пудах
Актюбинская	87	1,3	1,6
Уральская	80	1,9	0,6
Букеевская	80	2,5	0,2
Кустанайская	64	3,8	2,3
Оренбургская	50	5,2	1,9
Акмолинская	18	17,6	5,7

От засухи 1921 г. пострадал 31% от общего количества засеянных пшеницей земель. Как показывают приведённые статистические данные, основные губернии Казахстана, которые являлись исторически производителями зерна, оказались на грани разорения. В целом в Казахстане от засухи пострадало 0,9 млн десятин земли⁵.

Неурожай 1921 г. явился главной причиной развития голода в Уральской губернии, который население стало ощущать с сентября 1921 г.⁶ Как отмечалось в докладе о положении в Уральской губернии, в борьбе за своё существование население дошло даже до людоедства как одной из крайних форм проявления голода. В этом же докладе подчёркивалось, что по четырём уездам Уральской губернии было известно 350 случаев людоедства⁷. В результате всё нарастающего голода 1921 г. в Уральской губернии умерли от голода 47 279 человек, то есть 20% населения губернии.

Естественно, что по мере распространения голода население губернии предпринимало попытки переселиться в другие районы Казахстана, в результате чего из губернии выехало 20 581 человек, то есть около 10% населения. Особенно сильно подверглись влиянию голода следующие уезды Уральской губернии: Илекский, Уральский, Комельковский, Джамбейтинский. Надо отметить, что и к концу 1921 г. в основном голодало сельское население этих четырёх уездов: 57 301 человек, что составило 23,1% всего населения уездов⁸.

Таблица 2

Количество голодающего населения по Уральской губернии с 27 августа по 1 ноября 1921 года⁹

Наименование уезда	Число голодающих	Взрослого населения	Детей
г. Уральск	12 037	—	—
Уральский уезд	38 000	20 000	18 000
Илекский уезд	90 000	46 500	43 500
Джамбейтинский уезд	33 000	19 000	14 000
Комельковский уезд	42 000	24 000	18 000
Гурьевский уезд	24 000	14 000	10 000
Итого:	239 037	123 500	103 500

15 сентября 1922 г. при Уральском губернском исполнительном комитете состоялось заседание Уральской губернской комиссии помощи голодающим, на котором был сделан доклад о состоянии дел в губернии. В докладе вновь указывалось, что основной причиной, вызвавшей голод в губернии, оказался прежде всего неурожай, который сильно повлиял на состояние хозяйственно-экономической жизни Уральской губернии, экономика которой и без того была разрушена Гражданской войной. Именно неурожай 1921 г. привёл к тому, что во многих районах крестьяне просто бросали своё хозяйство и гужевым способом направлялись в более благополучные, по их мнению, губернии. Второй причиной, вызвавшей голод в Уральской губернии, как отмечалось в материалах доклада, следовало указать переселение голодающих беженцев из других губерний, которые в большинстве своём осели в г. Уральске, что очень сильно осложнило экономическое положение в городе. В Уральской губернии от последствий голода особенно страдали дети: «В городе Уральске ужасная картина, опухшие, стонущие дети собирают разные отбросы по дорогам. В городе скопилось 500 человек, которых кормить нечем»¹⁰.

Развитию голода в Казахстане в 1920-х гг. способствовали также объективные трудности, истекающие из-за неравномерного развития экономических отношений в различных регионах Казахстана. Развернувшаяся в центральных районах России Гражданская война вызвала небывалую экономическую разруху, что повлекло за собой появление голода в этих районах и способствовало развитию волны переселенческого движения крестьянства из этих голодающих районов за Урал, в частности, в Казахстан. Постановление «О плановом переселении из губерний, охваченных голодом», принятое 28 июня 1921 г., открыло возможность массового переселения.

Первоначально движение беженцев из голодающих районов Центральной России было направлено в Сибирь, но с переносом военных действий на территорию Сибири и Дальнего Востока направление потока переселения резко меняется. 32,2% всех беженцев направляются в Казахстан¹¹. Поэтому в письме Председателя ЦИК Казахской республики С. Мендешева в Москву от 8 марта 1921 г. отмечалось: «Стихийное переселение из центра России и других голодающих окраин Туркестанского края принимает катастрофические размеры, поэтому следует принять строгие меры выдачи ходатайств переселенцам и отдельным лицам разрешения на проезд по железной дороге и въезда в Казахскую республику»¹².

Начавшаяся Гражданская война на территории Казахстана не остановила всё более нараставший поток беженцев из голодающих районов России, а развернувшиеся землеустроительные работы в крае, наоборот, стимулировали его. Об этом свидетельствует выступление народного комиссара земледелия Казахской АССР на III Всеказахском съезде Советов, в котором отмечалось: «Наплыв переселения был значительным, особенно в Акмолинской и Семипалатинской областях, что за собой повлекло развитие голода»¹³.

Однако не только Гражданская война, но также и другие факторы способствовали притоку беженцев из центральных регионов России в Казахстан. Главным из них, послужившим развитию массового переселения беженцев в Казахстан, явился неурожай 1920 г. во многих районах РСФСР. Им было охвачено семь центральных районов, к числу которых впоследствии было отнесено Поволжье, где в 1921 г. развился голод. Только в 1921 г. в результате всех этих бедствий в Казахстан прибыло 45 848 человек¹⁴. Как отмечалось на II Казахской областной конференции РКП(б), «города Казахстана были перегружены голодающими беженцами»¹⁵.

К началу развития голода Казахстан представлял территорию с малым количеством городского населения, в его социальной структуре преобладало кочевое и полукочевое население. Этот вид хозяйственной деятельности был малопродуктивным. В результате возникла диспропорция в экономической структуре народного хозяйства республики, что незамедлительно проявилось в его неспособности удовлетворять минимальные бытовые и про-

довольственные потребности населения. Наметившаяся в годы Первой мировой войны тенденция к сокращению посевных площадей привела к тому, что посевные площади сократились с 3,6 млн десятин в 1914 г. до 1,6 млн десятин в 1922 г. В связи с сокращением посевных площадей, естественно, упала урожайность: с 38,1 пудов в том же 1914 г. до 18,7 пудов в 1921 г. Валовые сборы зерна уменьшились за этот период более чем в 3 раза¹⁶.

Основной отраслью народного хозяйства Казахстана в этот период являлось животноводство, и именно оно в послереволюционное время оказалось в тяжелейшем положении. Приведённые ниже статистические данные ярко свидетельствуют о кризисной динамике в животноводстве Казахстана после революции 1917 г. С 1914 по 1922 г. численность крупного рогатого скота уменьшилась на 2,1 млн голов, мелкого рогатого скота (овец и коз) – почти на 6,5 млн. В целом поголовье всех видов скота в эти годы уменьшилось более чем на 10,8 млн единиц¹⁷. Нестабильность в развитии экономической инфраструктуры, а также административный подход, вызванный мероприятиями «военного коммунизма», демографические изменения в структуре населения – всё это способствовало развитию в Казахстане голода 1920-х годов.

Тяжелейшая ситуация сложилась в Кустанайской губернии. Впервые голод там обозначился ещё в июле 1921 г., то есть в период засухи, когда стала очевидна гибель посевов. Но и ещё один фактор сыграл значительную роль в дальнейшем развитии голода в губернии – это приток голодных беженцев из центральных регионов России, нарушивший её экономическое состояние. Масса переселенцев из России осела в Кустанайской губернии, тем самым пополнив собой армию голодающих¹⁸.

Причиной, подтолкнувшей развитие голода в губернии, явились также мероприятия советской власти, направленные на изъятие излишков хлеба. В Кустанайской губернии были признаны голодающими 18 волостей и 5 районов. К 1 января 1921 г. на территории губернии проживало 57 717 человек, из этого числа голодало 28 374 человек, то есть половина населения губернии¹⁹. Однако число голодающих всё более возрастало и к 1 марта 1921 г. достигло 35 435 человек, то есть 59% от общего числа населения губернии. В обзоре Кустанайской губернии от 16 января 1922 г. отмечалось, что голод прежде всего развился в среде беднейшего населения губернии, которое вынуждено было распродать своё имущество и употреблять в пищу скот своего хозяйства. Особенно сильно от голода пострадали следующие районы Кустанайской губернии: Приишимский, Средне-Аркинский, Наганалинский Атбасарского уезда. Бóльшую часть населения этих районов составляли казахи.

Кустанайская губерния также не избежала наплыва беженцев от голода. Наиболее сильно голод отразился на переселенцах – беженцах Гражданской войны. Об этом писала кустанайская газета «Степь», отмечая, что «теперешнее голодное переселение из поволжских губерний – это, по общему мнению, безумие. Возможно, что сотни, а может быть тысячи из менее потерявших голову и просившихся куда попало, спасутся, но бóльшая часть из них, несомненно, погибнет к тому времени, когда на место их вывоза уже прибудет необходимая помощь»²⁰.

Масса голодающих переселенцев – первоначально из районов центральных губерний России, а затем из губерний Казахстана – явно свидетельствовала о том, насколько сильно повлиял голод на население. 16 июня 1923 г. газета «Красная степь» сообщала: «1921 год, год неурожая взбудоражил кустанайских хлеборобов. Зажиточные и за ними, а затем и бедные начали собираться в погоню за урожаем на Украину»²¹.

Периодическая печать Кустанайской губернии отмечала тот факт, что в основном от голода страдало казахское население. Особенно сильно развился голод в городе Кустанае, так как здесь скопилось много переселенцев. В январе 1921 г. по городу Кустанаю было зарегистрировано 1200 смертей от голода, в феврале и марте этого же года – по 500. По сообщениям из Фёдоровского и Денисовского районов Кустанайской губернии, у казахского населе-

ния этих районов погибло до 50% скота²². Результатом этого стала откочёвка бедных слоев казахов из аулов, например, с территории Кустанайской губернии, в близлежащие районы РСФСР. Центром откочёвки явился Боровской район, в котором опустели практически все аулы. В результате административного нажима в регулировании отношений в сельском хозяйстве у коренного населения – казахов, оставшихся в аулах, резко изменилось отношение к советской власти. Так, например, в другом районе Кустанайской губернии – Урицком население потеряло всякую веру в помощь со стороны государства, «осуждая Советскую власть за то, что она выкачала весь хлеб в прошедшем 1920 году и теперь не намерена помогать крестьянам»²³.

Таблица 3

**Число голодающего населения по отдельным районам Кустанайской губернии
на март 1921 года²⁴**

Название района	Общее количество населения	Число голодающих	В %
Кустанайский район	59 460	35 437	56
Боровской район	–	54 183	–
Семиозерский район	30 000	22 500	75
Денисовский район	37 000	34 489	95
Федоровский район	–	45 609	–
Урицкий район	60 000	23 419	33
Тургайский район	–	60 000	–
г. Кустанай	24 000	16 499	–

Во многом причиной развития голода в Кустанайской губернии было волонтаристское, административное решение продовольственной проблемы, а именно аннулирование нарядов на получение продовольствия из Акмолинской губернии. Об этом сообщалось в докладе Цекапомгол при КазЦИК(е) от 25 февраля 1922 г. В этом докладе указывалось, что «Цекапомгол при КазЦИК(е) считает необходимым довести до сведения ВЦИК, что имеются также недоработки в целом ряде вопросов, внесших неясность и путаницу в работу по оказанию помощи голодающим Казахской АССР. Что касается Кустанайской губернии, то она признана центром как голодающая губерния и которая находится в самом катастрофическом положении. Причиной такому положению послужило аннулирование нарядов на получение продовольствия из Челябинска и из Акмолинской губернии»²⁵. В результате такого подхода к решению продовольственной проблемы 90% населения Кустанайской губернии было охвачено голодом²⁶.

В других губерниях Казахстана ситуация обострялась также не лучшим образом. Так, например, в Актюбинской губернии по некоторым районам количество голодающих достигло 80%. В результате недоедания в Актюбинской губернии к концу 1921 г. развилась эпидемия тифа²⁷.

Смертность от голода и сопутствующих ему болезней, а также массовая миграция населения из районов бедствия вызвали резкое снижение численности населения. Если в 1914 г. на территории Казахстана проживало 4 811 662 человека, то к началу 1922 г. его население составляло 3 795 963 человека²⁸.

В результате развития голода в Казахстане в 1921 г. местные партийные и государственные учреждения были вынуждены искать пути преодоления создавшейся ситуации. 15 июля

1921 г. Казахский Центральный исполнительный комитет (КазЦИК) обнародовал постановление о создании специального органа – «Комитета помощи голодающему населению». В постановлении КазЦИК указывались основные задачи и цели созданного органа – выяснение причин и размеров бедствия, а также выработка конкретных планов по борьбе с голодом²⁹.

Помимо этого органа, позже была создана специальная Комиссия по борьбе с последствиями голода, которая начала свою деятельность 15 октября 1922 г. В «Положении о Центральной Комиссии по борьбе с последствиями голода при КазЦИКе» было указано: «В целях содействия восстановлению разрушенных сельских скотоводческих хозяйств и для оказания помощи не обеспеченным категориям населения, в первую очередь детям, в пострадавших от голода губерниях КАССР на основании утверждённого положения о местных Комиссиях по борьбе с последствиями голода (Последгол), утверждённым Пленумом Цекапомгол при ВЦИК 27 сентября 1922 года, – учреждается при КазЦИК Центральная Комиссия по борьбе с последствиями голода»³⁰. В положении о вновь созданном органе были оговорены цели и задачи его деятельности.

В частности, в задачи Центральной Комиссии по борьбе с последствиями голода (Цекапоследгол) входили следующие: «а) установить размеры последствий голода в КАССР, выявившихся в сокращении площади посева в бывших урожайных сельскохозяйственных районах, промышленности и скотоводства в скотоводческих районах; б) определить количество нуждающихся в помощи беженцев от голода, безхозяйственников, пострадавших от голода рабочих; в) содействовать восстановлению разрушенных бедствием сельскохозяйственных и скотоводческих хозяйств голодобеженцев и безхозяйственников, отпуска на льготных условиях семенной материал и другие материальные средства»³¹.

Помимо этого, в положении также отмечалось, что в связи с масштабностью голода в губерниях Казахской АССР создавались местные комиссии по борьбе с последствиями голода. Эти комиссии организовывались при губернских, уездных³² и районных исполкомах. Причём их состав и деятельность устанавливалась особым положением. Деятельность местных учреждений была направлена на быстрое решение вопроса об обеспечении продовольствием голодающего населения. В результате проведённой работы было выяснено, что из семи губерний Казахстана голодом было охвачено пять: Оренбургская, Кустанайская, Актюбинская, Уральская и Букеевская. Общая площадь этих территорий составила 1 048 100 кв. вёрст³³, с общим количеством населения 2 653 300 человек³⁴.

Практически голодом были охвачены западные, северные и центральные губернии Казахстана, то есть те районы, в которых скопилось огромное количество беженцев из России. В это же время отмечается наибольшее сокращение объёмов производства во всех отраслях хозяйства Казахской АССР³⁵.

Голод охватил также и некоторые районы Акмолинской губернии. В центральные органы республики поступил целый ряд телеграмм и ходатайств от Акмолинского губернского исполнительного комитета с просьбами разобраться в создавшемся положении. В частности, в этих телеграммах отмечалось, что рост голода в Акмолинской губернии вызван переселением 470 тыс. голодающих из других губерний, главным образом из Челябинской, Кустанайской и Самарской, а также из некоторых районов Поволжья.

Приток переселенцев поставил экономическую инфраструктуру Акмолинской области в сложное положение³⁶. По статистическим данным, поступавшим с мест, количество голодающих по губерниям Казахстана можно отразить в следующей таблице. Сведения о количестве голодающих в таблице даются в тысячах.

Таблица 4³⁷

Губерния/Уезд	Количество голодающих
Оренбургская губерния	473 776
Кустанайская губерния	252 816
Актюбинская губерния	359 326
Уральская губерния	277 855
Букеевская губерния	100 006
Адаевский уезд	75 007
Акмолинская губерния	10 067
Итого	1 639 443

Силовая политика государства вызвала всё более нараставшее недовольство аула и деревни. В ряде случаев неприятие административного террора и произвола, проводимого советской властью, выливалось в акты открытого саботажа и вооружённого сопротивления со стороны крестьян. Так, например, в феврале-марте 1921 г. очаги напряжённости стали возникать в Акмолинском, Петропавловском, Кокчетавском и других районах края.

Ситуация, сложившаяся в Казахстане, подтверждала общую картину экономического и политического кризиса советской власти, охватившего всю страну. В результате сложившейся ситуации, а также с развитием голода во многих губерниях Казахстана шёл стихийный процесс обратной миграции крестьян, ещё до революции прибывших с Украины и из районов Центральной России. Это движение получило широкие размеры в связи не только с экономической разрухой, но и с постоянными неурожаями в Казахстане. Отток населения республики отрицательно сказался на её экономическом состоянии. Стихийный поток переселения из Казахстана удалось остановить в результате вмешательства и разъяснительной работы высших партийных и центральных органов³⁸.

Исходя из создавшегося положения, руководящие государственные и партийные органы Казахской АССР были вынуждены закрыть республиканские границы, тем самым стремясь ограничить приток беженцев из голодающих губерний. Это решение республиканских управленческих органов было принято на основании различных ходатайств и телеграмм, поступавших с мест. Однако эти мероприятия оказались малоэффективными, и с голодом справиться не удавалось³⁹.

В этих условиях партийная организация республики была вынуждена созвать II съезд Советов Казахской АССР, состоявшийся 4 октября 1921 г. Повесткой дня его была выработка решений по борьбе с голодом, изживание бандитизма, возникшего на почве голода, а также проведение новой экономической политики⁴⁰. 22 января 1922 г. Центральная комиссия помощи голодающим обратилась с просьбой ко всем гражданам Казахской автономной республики об оказании помощи голодающим. В частности, в этом обращении говорилось: «Для проведения успешной борьбы с опасностью развернувшегося голода в республике центральные органы республики обращают внимание местных партийных организаций и печати республики уделять достойное внимание и место в агитации трудящихся республики в оказании помощи голодающим»⁴¹.

С 12 по 17 февраля 1922 г. в Оренбурге состоялся 1-й Всекиргизский (Всеказахский) съезд Комиссии Помгол. На съезде были представлены делегаты от губерний, которые сильно пострадали от развернувшегося голода: Оренбургской, Уральской, Актюбинской, Кустанайской и Акмолинской, а также от Тургайского уезда. Съезд рассмотрел организационные вопросы по преодолению последствий голода на местах. Помимо этого, в материалах съезда

указывалось на необходимость скорейшей организации преодоления последствий голода и оказания определённой помощи голодающему населению⁴².

30 апреля 1922 г. в докладе Комиссии помощи голодающим Казахской АССР о причинах голода была охарактеризована ситуация, сложившаяся в республике. В докладе были определены признаки начала бедствия, проанализированы размеры бедствия, указаны статистические данные о населении, охваченном голодом. К признакам начала бедствия были отнесены следующие причины: «Земледельческое население, как первый свидетель будущего урожая, убедившись, что благоприятных результатов от посева ждать не приходится, запасов хлеба или материальных ресурсов нет, стало быстро сниматься с постоянного места жительства, ликвидируя кое-как остатки хозяйств, и обратилось в паническое бегство. Появление такого рода беженцев в городах, скопление на железнодорожных станциях и беспорядочное перемещение караванов переселенцев в разных направлениях по Казахской АССР были показателем, что неизбежное бедствие началось. Усилились эпидемические заболевания, увеличилась детская беспризорность, одновременно с признаками голода начала развиваться холерная эпидемия, вскоре дошедшая до угрожающих размеров. Пришлось напрячь неимоверные усилия для ликвидации эпидемии, чтобы подготовиться к борьбе с голодом»⁴³.

Однако, несмотря на принятые меры, голод в Казахстане оставался основным негативным моментом, мешавшим нормализации хозяйственной, социальной и политической жизни. В результате всё более усиливавшейся кризисной ситуации в обеспечении населения продовольствием советские и партийные организации Казахстана были вынуждены обратиться за помощью к европейским государствам (в рамках помощи, которая оказывалась Советской России).

Еще 15 ноября 1921 г. на территории Казахской АССР развернула свою деятельность Американская администрация помощи (АРА)⁴⁴. Для организации иностранной помощи в преодолении голода в Казахской АССР был создан специальный орган, который подчинялся непосредственно правительству РСФСР. Основной задачей и целью этого органа являлась деятельность по координации доставки и реализации гуманитарной помощи для следующих областей Казахской АССР: Оренбургской, Акмолинской, Кустанайской, Актюбинской. Помимо этого, созданный орган и его уполномоченные должны были: «а) организовать работу всех заграничных организаций помощи России, согласно заключённых советским правительством договоров; б) руководить всеми отношениями с заграничными организациями, с надлежащими учреждениями и властями»⁴⁵.

Представители этой организации от Казахской АССР вели усиленные переговоры с сотрудниками гуманитарных европейских организаций об оказании конкретной гуманитарной помощи Казахстану. Переговоры с гуманитарной американской организацией АРА были успешными, и последняя согласилась оказать помощь продовольствием для 120 тыс. детей в районах бедствия⁴⁶.

Однако помощи от одной только АРА было недостаточно, поэтому были начаты переговоры с католической миссией Папы Римского в России. Представители этой миссии дали своё согласие на оказание помощи 20 тыс., а в случае необходимости и до 30 тыс. детей в районах бедствия. В специальной телеграмме от 5 декабря 1922 г., направленной в Оренбург⁴⁷ из Москвы, говорилось: «Католическая миссия получила согласие Папы Римского взять на своё иждивение 20 000 детей в районе города Оренбурга, а также согласилась на доставку медикаментов и питания»⁴⁸.

Не удалось достичь окончательного соглашения с гуманитарной организацией Джойнт (Американская объединённая еврейская организация), и договор об оказании помощи не был оформлен. Это объяснялось тем, что директор этой организации доктор Розен только приблизительно согласился с условиями советской стороны.

Гуманитарная помощь со стороны европейских государств Казахстану явилась определённым подспорьем в борьбе с голодом. Т. Рыскулов⁴⁹ писал: «Советская власть приняла меры помощи голодающим. Было переселено в Россию, Туркестан и другие соседние окраины до 80 000 взрослых и 35 000 детей, открыты отделения американской помощи АРА и другие меры. По Киргизии и Туркестанской республике было собрано около 40 000 голов скота и роздано голодающему населению Казахстана, а центр РСФСР отпустил до 2 миллионов пудов зерна»⁵⁰.

По мере ликвидации последствий голода увеличилось количество возвращенцев, пожелавших вернуться на старое место жительства. Так, только по данным за июль 1922 г., из Акмолинской области было отправлено 3 798 человек, в том числе в Самарскую губернию 1 934 человека, в Казанскую 1 640 человек⁵¹.

В страшные голодные годы в тяжёлом положении оказались не только крестьяне Казахстана, но и рабочие. Чтобы облегчить их положение, 1 260 казахских семей в организованном порядке были отправлены в Туркестанский край⁵². В 1921 г. трудящиеся Туркестана приютили у себя около 41 000 детей казахов⁵³.

В июле 1922 г. был заслушан доклад о деятельности ЦК Помгол при КазЦИКе. Особое внимание в нём было уделено ситуации, сложившейся в Акмолинской губернии. Отмечалось следующее: «Комиссия по организации помощи голодающим в Акмолинской губернии способствовала созданию в уездных городах Кокчетаве, Атбасаре, Акмолинске специальных комиссий по организации помощи голодающим, которые в свою очередь организовали волостные комитеты помощи голодающим. С 1 мая по 15 июля 1922 года число голодающих в Акмолинской области колеблется от 400 тыс. до 450 тыс. Поступившие сведения с мест отмечают, что положение населения катастрофическое. Так, например, в уездах Петропавловском, Кокчетавском, Моганалинском и Аклинском районах Атбасарского уезда население уже обречено на голодную смерть. Местами люди питаются суррогатами и падалью, есть случаи людоедства»⁵⁴.

Интересны в этом плане статистические сведения о количестве голодающих по губерниям Казахской АССР на июль 1922 г. Эти сведения, приведённые в таблице, охватывают практически все возрастные группы населения республики.

Таблица 5

**Статистические сведения о количестве голодающих
на июль 1922 года по губерниям Казахской АССР⁵⁵**

Наименование	Детей	Взрослых	Всего
Оренбургская губерния	234 512	263 539	498 051
Актюбинская губерния	72 309	227 691	300 000
Кустанайская губерния	95 930	237 116	333 106
Акмолинская губерния	210 000	230 000	440 000
Уральская губерния	165 559	126 539	292 098
Семипалатинская губерния	6 110	8 396	14 505

В завершение статьи следует отметить, что при исследовании архивных документов возникает мнение, что мероприятия, проводившиеся советскими и партийными органами Казахстана в период голода 1921–1922 гг., не способствовали улучшению экономического положения губерний Казахской АССР, где существовал голод. В Казахстане, с его специфическими особенностями – кочевым образом ведения хозяйства и быта, – в 1921–1922 гг. в голод была вовлечена подавляющая масса коренного населения. Но он явился только прелю-

дией к ещё более массовой трагедии в Казахстане, разразившейся в годы коллективизации и упрочнения сталинского режима.

Примечания

- ¹ См.: Ураядова А. Голод 1920-х годов в России и Русское Зарубежье. СПб., 2010. С. 33.
- ² Божье В., Непеин И. Жатва смерти. Челябинск, 1994. С. 33.
- ³ Алексеенко А.Н. Население Казахстана. 1920–1990 гг. Алматы, 1993. С. 52.
- ⁴ Eiduck A. Die russische Hungersnot 1921–1922 und ihre Bekämpfung in Lichte der Tatsache. Berlin, 1922. S. 4.
- ⁵ Ibid. S. 5.
- ⁶ Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф-Р 1215. Оп. 1. Д. 10. Л. 20б.
- ⁷ Там же. Л. 3.
- ⁸ Там же. Л. 40б.
- ⁹ Там же. Л. 53об.
- ¹⁰ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 45. Л. 98–99.
- ¹¹ Базанова Ф.Н. Формирование национального состава населения Казахстана в годы Гражданской войны и восстановление народного хозяйства // Вестник АН Казахской ССР, № 1 (1979). С. 59.
- ¹² ЦГА РК. Ф-Р 40. Оп. 1. Д. 221. Л. 63.
- ¹³ Доклад III Всеказахскому съезду Советов о деятельности киргизского Народного Комиссариата земледелия с начала 1922 года. Оренбург, 1922. С. 47; см. также: Шмидт, Вальдемар. Голод в Казахстане в 1921–1924 годах. Причины и последствия // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. VI Международная научно-практическая конференция. Усть-Каменогорск, 27–28 ноября 2004 г. Сборник научных трудов. Ч. II. Усть-Каменогорск, 2005. С. 196–211.
- ¹⁴ Лубны-Герцык Л. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 29.
- ¹⁵ II Казахстанская областная конференция РКП(б). 19–27 февраля 1922 года. Алма-Ата, 1926. С. 29.
- ¹⁶ См.: Собрание статистических сведений о движении населения, скота и урожаев по Казахской АССР с 1880 по 1922 год. Оренбург, 1925. С. 68–69.
- ¹⁷ Там же. С. 44–45.
- ¹⁸ ЦГА РК. Ф-Р 1215. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.
- ¹⁹ Там же. Л. 230.
- ²⁰ «Степь» № 5 от 4.03.1921.
- ²¹ «Красная степь» № 61 от 16.06.1923.
- ²² ЦГА РК. Ф-Р 1215. Оп. 1. Д. 20. Л. 10.
- ²³ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 45. Л. 97об.
- ²⁴ ЦГА РК. Ф-Р 1215. Оп. 1. Д. 20. Л. 19об.
- ²⁵ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 45. Л. 84.
- ²⁶ Там же. Л. 97.
- ²⁷ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 45. Л. 98.
- ²⁸ См.: История Казахстана. Очерк. Алматы, 1993. С. 229.
- ²⁹ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 45. Л. 105.
- ³⁰ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 41. Л. 127.
- ³¹ Там же. Л. 127об.
- ³² Уезд – административно-территориальная единица, составная часть губернии в дореволюционной России, а также в СССР до 1929 года.
- ³³ 1 верста – 1,067 км.
- ³⁴ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 45. Л. 106.
- ³⁵ См.: Рыскулов Т.Р. Собрание сочинений в трёх томах. Том 2. Алматы, 1997. С. 242.

- ³⁶ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 45. Л. 84–85.
- ³⁷ Там же. Л. 107–108.
- ³⁸ ЦГА РК. Ф-Р 74. Оп. 3. Д. 46. Л. 6.
- ³⁹ ЦГА РК. Ф-Р 846. Оп. 1. Д. 69. Л. 25–29.
- ⁴⁰ Рыскулов Т.Р. Собрание сочинений в трёх томах. Том 2. С. 243.
- ⁴¹ ЦГА РК. Ф-Р 81. Оп. 1. Д. 554. Л. 19.
- ⁴² ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 45. Л. 127.
- ⁴³ ЦГА РК. Ф-Р 196. Оп. 1. Д. 40. Л. 307–310.
- ⁴⁴ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 45. Л. 111.
- ⁴⁵ ЦГА РК. Ф-Р 5. Оп. 6. Д. 75. Л. 43.
- ⁴⁶ Там же. Л. 47а.
- ⁴⁷ Оренбург являлся столицей Казахской АССР до 1925 г., после национально-государственного размежевания столица была перенесена в город Кызыл-Орду.
- ⁴⁸ ЦГА РК. Ф-Р 5. Оп. 6. Д. 75. Л. 48.
- ⁴⁹ Рыскулов Турар (1894–1938) – выдающийся партийный, государственный деятель. В 1916 г. принял участие в национальном восстании, был арестован царскими властями. Т. Рыскулов работал зав. отделом печати Казкрайкома. Он активно участвовал в реорганизации сельского хозяйства, переходе кочевого населения к оседлости, в строительстве городов Караганды и Балхаша. Открыто выступил против политики Сталина. Был обвинён в национализме, репрессирован. Позже реабилитирован.
- ⁵⁰ См.: Рыскулов Т.Р. Собрание сочинений в трёх томах. Том 2. С. 243.
- ⁵¹ ЦГА РК. Ф-Р 83. Оп. 1. Д. 162. Л. 78.
- ⁵² II Казахстанская областная конференция РКП(б). 19–27 февраля 1922 года. С. 84.
- ⁵³ ЦГА РК. Ф-Р 83. Оп. 1. Д. 70. Л. 17.
- ⁵⁴ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 36. Л. 60.
- ⁵⁵ Там же. Л. 62.

Николай Рыбинский

ПОД НЕБОМ АФРИКИ

Русские во французском Иностранном легионе*

V.*

Когда обучение закончено, формируются маршевые роты, примерно человек в 100-150, и отправляются по железной дороге [в] Уджду.

Уджда – большая узловая станция. Отсюда дорога идёт дальше на Тазу и Фес. Как и все новоафриканские города, Уджда, один из старых постов, представляет теперь собою широко раскинувшийся посёлок с арабским населением.

Здесь легионер впервые получает на руки винтовку. Причём выдаётся старая французская винтовка образца 1886 г., восьмизарядная, тяжёлая. Назвать её скорострельной никак нельзя, так как на зарядание уходит уйма времени. Выдается также по 120 патронов к ней.

Здесь, среди враждебно настроенного населения, легионер попадает на вражескую землю. С этого момента он не расстанется с винтовкой. И с этого времени он получает увеличенные суточные, какие полагаются во время военных действий на передовых позициях, т.е. по 75 сантимов в день. <...>

* * *

В Марокко находятся остальные три полка Легиона.

Штабы их расквартированы в Мекнесе, Фесе и Марракеше. Все полки трёхбатальонного состава. Батальоны и роты разбросаны буквально по всему Марокко, разбитые на небольшие группы, они несут службу на сторожевых постах.

* Публикация В.П. Хохловой, бывшего научного сотрудника Института Африки РАН. В настоящее время на пенсии. Подзаголовок публикатора.

О к о н ч а н и е . Начало в № 2 (36), 2017.

Что представляет собою сторожевой пост, скажу ниже, а пока в общих чертах обрисую задачи Легиона в Марокко.

Каждый год с началом весны собирается «Groupe Mobile» – подвижная колонна, получающая задание расширить границы на одном из постов второй линии. Обычно в её состав входит 10-12 батальонов Легиона, 1-2 батальона территориальных войск, на вербованных из марокканцев и алжирцев, 1-2 эскадрона арабской кавалерии, артиллерия и вспомогательные технические части, вплоть до радиотелеграфа.

Кавалерия бывает двух родов: «сипайсы»¹ – регулярная и «гумы» – иррегулярная. Первые получают всё снаряжение, вооружение и обмундирование от казны, вооружены карабинами и шашками и дерутся в организованном строю. Вторые – рваная команда – являются во всём своём, вооружены только карабинами и дерутся, как хотят, а если не хотят, что часто бывает, то преспокойно «драпают» с поля битвы.

Кроме того, к выступлению колонны всегда прибывает какой-нибудь «каит»² с ордой партизан тысячи в две-три. Каит – это местный князёк, предводитель какого-нибудь племени из покорённых ранее и уже окончательно замирённых. Эта тысячная банда вооружена чем попало – пешая и конная толпа попеременно высылаются всегда впереди колонны. Практически их участие в бою мало ощутимо: треск винтовок, шум, гомон и никогда никакого результата ввиду полного отсутствия у них какой-нибудь стойкости. Годятся они, пожалуй, только для преследования противника, но никак не для наступления. Ограбить они тоже очень охочи. Но, тем не менее, за каждый боевой день участник этой банды получает по пять франков. В общем, ими руководит, конечно, только желание подкормиться и подработать. Питается этот местный партизан более

чем неприхотливо. В течение целого дня он свободно обходится одной хлебной лепёшкой, которая по-местному называется «кисра», и водой.

Не проходит и получаса с момента выступления, лишь только раздадутся первые выстрелы противника, как вся эта толпа разбегается, и в авангарде оказывается 1-2 батальона легионеров.

Для иллюстрации движения колонны я расскажу о хорошо памятном мне бое 5 мая 1923 года, а пока необходимо сказать несколько слов о географии Марокко. В противоположность общепризнанному уже Алжиру Марокко представляет собою совершенно дикий край. Местность крайне пересечённая, пейзаж скалист и угрюм. И, несмотря на это, местность изобилует водой, очень много речонков и источников. Имеются и леса, но очень много прогалин, выжженных солнцем. Несомненно, французов в Марокко привлекают недра...

О каких-либо дорогах даже отдалённого представления не имеется. Население – дикие полукочевники арабы, только что переходящие к оседлому образу жизни. Обработка земли такая, какой она, вероятно, была и во времена Адама.

И вот в эти места на острие Иностранного легиона неуклонно, несмотря на отчаянное сопротивление местного населения, внедряется европейская культура.

Моё первое выступление в поход ознаменовалось инцидентом, показывающим, насколько тревожна жизнь в походе. Малейший повод – и люди готовы поддаться безудержной панике.

В мае 1921 года наша маршевая рота из Бель-Аббеса была направлена на Фес. В Уджде, как я упомянул уже ранее, впервые получили винтовки и патроны, и по железной дороге отправились на Тазу. От Тазы до Феса железнодорожного сообщения тогда ещё не было, и это расстояние в 128 километров нам предстояло пройти походным порядком по шоссе, которое связывает два этих города. Покрыли мы его в семь дней, совершая переходы в среднем по 20-30 километров в день. Шли от поста к посту, построенным

вдоль шоссе, и на ночёвку останавливались только на постах или, если они были небольшие, разбивали палатки в непосредственной близости от постов.

На последнем переходе мы заночевали у одного из очень небольших постов; внутри поста могли поместиться только офицеры, *sous-officiers* и некоторые из капралов. Снаружи поста были разбиты палатки, в которых мы и разместились. Винтовки были составлены в козлы, расставлены были часовые, и усталые люди после дневного перехода заснули крепким сном. Но ночью мы все проснулись от тревоги: крики, шум, стрельба. Вскоре открыл огонь и пост, и долгое время мы не могли понять, в чём дело; несомненно, что было нападение... Люди в панике, как спали, раздетые и босые, бросились к посту прямо через проволочные заграждения.

Через очень продолжительное время, когда шум утомился, выяснилось, что никакого нападения не было, а просто во сне бредил один из легионеров. Он же во сне и подал команду: «В ружьё»... Все обошлось сравнительно благополучно, если не считать свыше десятка легионеров, изуродовавших свои ноги о колючую проволоку так, что они не могли продолжать дальнейшего походного движения...

* * *

5 мая 1923 года выступила в поход «Groupe Mobile», [именуемая] «Jaza». Каждая колонна получает название той местности, в которой ей приходится работать.

Во главе этой колонны, между прочим, стоял полковник Фрейденберг, так позорно связавший своё имя с эвакуацией Одессы при наступлении большевиков в 1919 году. Это типичный карьерист – офицер генерального штаба, в меру храбрый и быстро делающий карьеру. За операции в Марокко он произведён в генералы.

Когда сборы были закончены и вся группа собралась в определённом пункте, на одном из постов второй линии, был отдан приказ о выступлении. Для того, чтобы выступление сделать неожиданным, с вечера было

приказано не разводить утром огня для варки кофе. В авангард было назначено два батальона, 3 полка; каждый легионер взял с собой только винтовку, патроны и двухлитровую флягу с водой. Все остальные вещи были оставлены в обозе.

Местность, в которой нам приходилось вести операцию, называлась «Бени-Бузерт» и представляла собою открытое поле, которое обрывалось отвесными скалами. Сколько мог видеть глаз, местность рисовалась в виде ложбин, буераков и балок; кое-где лежали огромные камни-валуны. Общий фон – серый, унылый, однообразный... Вероятно, такой должна быть декорация для проклятой Богом земли в какой-нибудь пьесе вроде «Анатэмы» Андреева³...

Место это пользовалось дурной славой: две предыдущих колонны потерпели здесь поражение и, понеся большие потери, вынуждены были отступить. Наша же операция удалась и послужила к вящей славе полковника Фрейденберга. По какой-то странной иронии судьбы нам, русским, суждено было вплетать новые лавры в его венок...

Справедливо ли это? Долго думать над этим не приходилось, так как мы немедленно же были встречены сильным огнём, но такая мысль – хорошо помню – мелькнула тогда...

Выступили мы в 6 часов утра; шли цепями по одному, т.е. гуськом, в затылок друг другу. О перебежках, окапывании и накоплении [сил] нечего было и думать: куда ни ступишь – камень, да и шанцевого инструмента не было, да и не нужен он в этой местности. Можно было лишь залегать за камнями, но это мало спасало; пули сыпались с разных сторон. Невидимый противник был близко, хорошо знающий местность, незаметный в своём национальном костюме – абсолютная мимикрия на фоне пейзажа – он сливался с ним и был неуязвим. Подпускал к себе на близкое расстояние и бил без промаха, на выбор, и убегал, вновь прячась где-то за выступом камня...

В нашу задачу входило пройти расстояние около семи километров и закрепиться. Сделали мы это довольно быстро: к двум

часам дня мы были уже у цели назначения. Правда, за это время наш путь был усеян убитыми и ранеными. Одна только пятая рота потеряла 45 человек. В ней, между прочим, погибли двое русских: капрал Овчаренко и легионер Туманов. Туманов был убит на месте, а Овчаренко ранен в ногу и остался на поле битвы. На другой день их обоих нашли с отрезанными головами.

Да, таков аромат этой войны, и нужно сознаться, что и мы не очень старались взять кого-нибудь в плен...

Насколько близко мы сходились с невидимым противником, может сказать случай в этом же бою с сержантом Гусевым. Только что он перебежал к одному из одиноко стоящих камней, и только что успел положить винтовку на камень, чтобы оглянуться, – как вдруг из-за камня протянулась жилистая рука и цепко ухватила за штык винтовки. Мгновенное состязание в силе было прервано подоспевшим офицером, который застрелил марокканца из револьвера...

VI.

...Авангард у цели назначения. Нужно укреплять и ждать подхода главных сил. Чтобы разобраться в обстановке, начальник авангарда отдаёт приказание сержантам французу и русскому Кравченко подняться на высокий, торчащий острым шпилем камень и осмотреть окрестности. Едва француз успел подняться, как свалился, сражённый насмерть меткой пулей, раздробившей ему череп; вслед за ним свалился и Кравченко с раздробленной ногой...

И снова со всех сторон засвистели пули, проносясь у самого уха. Мы залегли, и нечего было и думать высунуть свой нос.

Так мы просидели до глубоких сумерек, и только тогда, под покровом темноты, уложив на палатки убитого француза и тяжело раненого Кравченко, спустились в долину и снова поднялись на гору к основному ядру авангарда...

Отряд, который был послан обходным движением во фланг противнику, соединился с нами только на другой день. Связаться с главными силами не представлялось воз-

можным, и мы два дня удерживали занятую позицию. Вода была вся выпита, и мы два дня под африканским солнцем томились от жажды. Пищи не было, и мы ели молодых баранов, брошенных отступившими арабами в ближайшей деревне. Деревня эта была ими очищена задолго до нашего наступления: вывезены были женщины, дети и угнан весь крупный скот. Однако защищали они её всеми силами: такова традиция араб-воина – оказывать сопротивление и не уклоняться от боя даже с противником неизмеримо сильнейшим... Нужно было удержаться во что бы то ни стало.

Мы удержались, и через два дня арабы явились с повинной: сложили оружие и в распоряжение победителя пригнали стада...

За эту операцию мы – участники – получили именные листы с благодарностью и описанием подвигов во славу родной и дорогой нам Франции...

* * *

Памятен мне и такой боевой эпизод, имевший место по времени на месяц раньше, но тесно связанный с операциями этой же колонны.

Начала она своё походное движение 25 марта при очень неблагоприятных условиях: дожди сменялись ветрами. Пришлось задержаться на линии последних постов на очень продолжительное время. Погода всё время стояла такая, что не было никакой возможности развести огонь в кухнях: они опрокидывались ветром. Всё довольствие колонны сводилось к тому, что нам выдавали на руки небольшое количество муки, и мы сами должны были умудряться печь из неё лепёшки. Так как никакой другой пищи не было, пришлось покориться судьбе и питаться полусырым тестом, смешанным с землёй и грязью. Но и его было мало...

Первый бой колонна выдержала 12 апреля. И этот день едва не решил всё дело в пользу марокканцев.

Нам предстояло перевалить через высокую гору, занять раскинувшийся за ней марокканский «вильяж»⁴ и закрепиться... Двигаться к этой горе приходилось по долине уз-

кой горной речонки. Долина местами так суживалась, что приходилось идти по руслу реки. Река не глубокая, вода едва доходила по пояс, но необычайно быстрая. В своём течении она уносила оброненные винтовки и даже двуколки, запряжённые мулами. И так как одному человеку невозможно было противостоять силе течения, мы шли тесными рядами, держа друг друга под руку. Отсюда не трудно сделать вывод, как трудно было двигаться и как медленно мы двигались...

По склонам гор с обеих сторон реки, приблизительно в километре расстояния от русла, пробиралась кавалерия. А позади за нами тянулась артиллерия...

Река, отнявшая у нас все силы, наконец, окончилась, и мы вышли на совершенно открытое плато. Впереди виднелась цель нашего задания: гора.

Всё плато было сплошь покрыто мелким кустарником. Мы двинулись вперёд, и сразу же были встречены сильнейшим огнём марокканцев, прятавшихся в кустарнике. Кустарник прекрасно скрывал человека, и враг был снова совершенно невидим: казалось, против нас восстало всё поле...

О продвижении вперёд с людьми, только что преодолевшими такой переход, нечего было и думать... Это прекрасно учили марокканцы и сами перешли в решительное наступление. Легионеры дрогнули и бросились обратно к реке... Момент был исключительно острый: мы все могли быть сброшены в теснину долины, и раньше, чем марокканцы нас вырежут, в панике мы передавали бы друг друга...

Но положение спасла наша артиллерия: все 50 орудий разных калибров успели подтянуться и открыть поистине ураганный огонь, какой приходилось наблюдать разве только в Великой войне⁵. Взяли на картечь и в упор расстреливали марокканцев, шедших в атаку прямо на пушки...

Наступление было отбито, и мы победоносно шли к брошенному «вильяжу». На поле мы не увидели ни одного убитого или раненого марокканца – их всех унесли свои же. Но очень много кустов было залито кровью.

5–7 километров – вот обычное задание для каждой колонны. Как только колонна останавливается, она вся обносится изгородью из камней. Колонна вместе с тыловыми учреждениями – интендантством и марки-тантами – представляет собою довольно-таки внушительное собрание людей, и на месте остановки сразу же вырастает целый город, насквозь простреливаемый неприятельскими пулями.

Ставятся усиленные наряды часовых; никто из легионеров не имеет права раздеваться и во время сна даже снимать патрон-таши. Часовые поверяются и сменяются возможно чаще. Особенность часовых в Марокко та, что часовой, выходя на пост, привязывает винтовку к руке ремнём. Делается это потому, что арабы охотятся не только за черепами, но главным образом за оружием, в котором испытывают острый недостаток. Подкрасться и убить часового не так уж трудно, но при привязанной винтовке отнять оружие и унести его с собою гораздо сложнее.

Немедленно же начинаются и работы по постройке новых постов и по прокладыванию дорог в тыл. Все эти работы выполняются исключительно легионерами, только что завоевавшими местность. Работать нужно быстро, сплошь и рядом под нападениями арабов, жестоко расправляющихся с незванными пришельцами, и потому эксплуатация труда легионера не поддаётся даже относительному описанию. Надсмотрщики, французские капралы, не спускают глаз с работающих. Только слышишь: «Живее. Брось этот камень и бери другой, покрупнее... Да тащи живее...».

Носят камни из каменоломен, где рвут породу динамитом, подбирают годные и подходящие на поверхности земли... Работа тянется с раннего утра до позднего вечера, к осени необходимо во что бы то ни стало укрепиться...

Работа идёт так напряжённо, что от усталости и дни и ночи сливаются воедино, от переноски камней ноет спина, сбиты руки и ноги, и сегодня ни чем не отличается от вчера. И только когда работы законче-

ны, о том, что было, вспоминаешь с тяжёлым вздохом.

В это время действующая колонна почти оторвана от тыла. Почта доставляется на аэропланах, причём аэроплан никогда не снижается, а только, сделав два-три круга, сбрасывает пакеты и улетает обратно... Свои отправления в тыл колонна делает не каждый день; для этого нужно ждать okazji и при- том надёжной, прикрытой солидным конво- ем...

* * *

Каждый пост – забитый гвоздь, которым прикрепляется завоёванная местность. Немудрено, что марокканцы напрягают все свои силы, чтобы вырвать эти гвозди. А за- воеватели забивают их очень часто: посты строятся один от другого на расстоянии 1–2 километров и располагаются так, чтобы с любого из них можно было видеть все остальные посты своей группы.

Постовая группа обычно включает в себя 6–10 постов. Один из постов – главный, где находится управление группой, небольшой интендантский склад, околоток. Почти все посты связаны телефоном и имеют, кроме того, световые сигналы. В случае нападения или опасности на каком-нибудь посту на нём зажигаются снопы соломы, и тогда соседние посты поддерживают его, открывая огонь из пулеметов, а где имеются – из орудий.

Как только постройка постов закончена, в них размещают большие гарнизоны, человек по 25–30 на каждом. На постах второй очереди и других линий ближе к тылу остаются гарнизоны территориальных войск.

Каждый пост представляет собою небольшую крепость: четырехугольник, обнесённый высокими и толстыми стенами, имеющими одни ворота. На стенах строятся 3–4 башни, в которых устроены пулемётные гнезда, а иногда и площадки для орудий. Каждый пост, кроме того, обносится в несколько рядов колючей проволокой.

Внутри поста находится казарма – большой деревянный барак, крытый толем, для гарнизона поста и помещение для офицера.

* * *

Жизнь на посту протекает уныло; через ночь дежурства на стенах и никаких других интересов. Редкая ночь проходит без перестрелки. Арабы подкрадываются к постам вплотную и то и дело снимают часовых. На маленьких постах скот держится не внутри поста, а снаружи, на небольшом пространстве между стенами поста и колючей проволокой; и очень часто арабы умудряются ночью красть отсюда овец...

Нередки случаи нападения на посты и днём, бывает это обыкновенно в тех случаях, когда легионеры спускаются к реке за водой – все посты строятся вдоль рек. Со всем как наш Кавказ во времена Лермонтова: «чеченец ходит за рекой...»⁶. С той лишь разницей, что марокканский чеченец неизмеримо коварен и свирепее...

Был и такой случай на посту. В безоблачный, погожий день, тихий и спокойный с утра, легионеры Шаламов и Старосельский погнали пасти скот. И не успели они отойти от поста и 200 метров, вдруг, словно из-под земли, выросла ватага марокканцев. Шаламов и Старосельский были убиты на месте; на постах поднялась тревога, открыли огонь и даже сделали вылазку, и, тем не менее, марокканцы успели угнать скот, унести две винтовки убитых и скрыться...

Такими дерзкими и смелыми налётами полна вся жизнь в Марокко; всё время приходится быть лицом к смерти, всё время быть начеку и не знать и не ведать ни дня, ни часа, когда придёт твой черёд...

Это – обычные условия боевого стажа, который по контракту должен быть не менее двух лет; фактически он всегда больше. Я провёл в Марокко два с половиной года.

Следует сказать ещё два слова о дезертирах.

Желание убежать из Легиона, конечно, очень велико, но процент дезертиров сравнительно невелик. Причина: зоркий надзор и жестокое наказание за побег. И, тем не менее, случаи побегов бывают.

Сохранился рассказ о лихом сержанте, который увёл за собой целый взвод. Было это ещё в 1920 году. Взвод занимал какой-то

пост на самой границей с испанским Марокко, перешёл границу и отдался в руки испанских властей. Никто из перешедших не был выдан. Много времени спустя от лихого сержанта было получено в Легионе письмо из Америки.

Был переход целого взвода к испанцам и в 1923 году; никто из перешедших тоже не был выдан, но дальнейшая судьба беглецов осталась неизвестной.

Бывали случаи перехода и к марокканцам; это делают чаще всего, конечно, арабы. Труднее всего организовать побег легионеру одиночным порядком, но и такие случаи имели место.

При мне был интересный случай с одним легионером-немцем, перебежавшем к марокканцам и через некоторое время добровольно возвратившимся в Легион. Он, конечно, был предан суду. Но до суда был подвергнут следующему наказанию: раздетого догола его привязали к пушке, и в таком виде, буквально обугливаясь на солнце, он провёл два дня...

VII.

Жутко на посту в тёмную южную ночь. Не менее жутко и в туманный день. Туманы в Марокко такие, что на расстоянии одного шага уже ничего не видишь.

В это время посты живут нервной напряжённой жизнью. Спать приходится, не раздеваясь, так как бывают частые вызовы в ружьё. Напряжённость обстановки изматывает нервы; то и дело, по ночам и в туманные дни, слышишь стрельбу и своих часовых, и выстрелы на других постах.

Трудно быть хладнокровным: невидимый враг чудится всюду. Не без гордости скажу, что меньше других нервничают русские, может быть оттого, что мы обстреляны самой жизнью и не такие виды уже видали.

На [одном посту] был такой случай осенью. Началась полоса туманов, которые сменялись тёмными ночами. Задул сильный сирокко⁷...

Это были самые тревожные ночи. К шуму ветра примешивался вой колючей прово-

локи; звенели стёкла в нашем бараке и на крышах хлопал разорванный ветром толь... Шумом и грохотом была полна окружавшая нас пустыня... Особенно нервничал начальник поста, старый лейтенант Deruis, большой трус, больше всего ожидавший того времени, когда он выслужит пенсию и выйдет в отставку. Его настроение передалось и команде. Не проходило ночи, чтобы не было ружейной трескотни и тревоги. И только в те часы, когда трое нас русских – Антонов, Шпаков и я – сменяли часовых, наступала тишина. Наше спокойствие и выдержка поражали всех; нам доверяли, и когда мы были в карауле, вся казарма спала спокойно. Мы же подтрунивали над нервностью легионеров и решили проучить их; пусть и они не спят в наше дежурство. В одну такую ночь и мы без всякого повода открыли стрельбу; стреляли в воздух и забавлялись, когда шум ветра пронизывал раскат выстрела. А, сменившись, и смеясь в душе, мы доложили, что стрелять пришлось потому, что всю ночь под самыми стенами мы видели какие то силуэты...

Наш доклад – раз русские говорят, значит, это так – всполошил всех, и больше всех лейтенанта Deruis. Он почему-то уверовал, что это была разведка, а на следующую ночь будет нападение. Разработал план обороны, по которому мы должны были устроить «засаду» в одной из башен, где вероятнее всего было ожидать нападения.

Пост был очень большой, и башня находилась далеко от казармы, выходя выступом в поле. Мы засели в ней с вечера, и в два часа ночи, когда оканчивался срок нашей засады, должны были выпустить ракету. Это было сигналом того, что мы возвращаемся, чтобы нервно настроенная команда не приняла нас за марокканцев и не встретила огнём.

Старшим в засаде был француз сержант. Он тоже очень трусил, но – пьяному море по колено – напился в лоск. Едва держась на ногах, он пытался даже напевать «Марсельезу», часто икал, и, видимо, совсем ничего не соображал. Как только мы вошли в башню, он немедленно же улёгся, сразу же заснул и храпел так, что за версту было слышно. Спал он непробудно, и если бы марок-

канцы напали на нас, то он в состоянии сна так и перешёл бы в лучший мир, где нет марокканцев и никакой печали.

Около двух часов ночи мы с трудом разбудили его: надо было выпустить ракету. Он дрожал от холода, снова попробовал было напевать «Марсельезу», но так сильно икнул, что досадливо махнул рукой... Как в полусне, все ещё ничего не соображая, он надел на винтовку специальное приспособление, но спьяну вложил в него ракету другим концом, приложил винтовку к плечу и выстрелил... и тут же упал без чувств: от сильной отдачи у него оказалось разбитым плечо; дуло винтовки изогнутым – как только его не разорвало совсем, – а ракету на другой день нашли шагах в тридцати неразорвавшейся...

Жизнь – копейка, судьба – индейка... Случай этот, однако, никак не отразился на служебной карьере сержанта, даже выговора не было. Все, не исключая и начальства, ощущали счастье оттого, что нападения не было. Если бы оно было, то и при оказанном героическом сопротивлении результаты его были бы иные: ряды гарнизона значительно поредели бы, а может быть, что вероятнее всего, он был бы вырезан весь поголовно...

Всю зиму проводит легионер на каком-нибудь посту, ожидая весны. А весной очередная «Groupe Mobile». Снова бои и снова каторга по постройке постов и дорог... И всё-таки есть такие, что не прочь возобновить контракт. Это, главным образом, те же немцы. Они дослуживаются иногда до пенсии, выходят в отставку, открывают кантины, бары, дома терпимости, или делаются маркитантами. Все другие национальности стремятся вырваться из Легиона. Немцу сделать это труднее.

Уже, когда я окончил службу, получил штатский костюм без пальто, был доставлен в Марсель, где мне выдали 10 франков и билет на биржу труда – на этом обязательства французского правительства к легионеру, окончившему срок службы, прерываются, – я расстался с сослуживцем по Легиону – немцем, стремившимся в свой фатерленд. Это был хороший, честный немец, редкое

исключение из большинства служащих в Легионе, тосковавший по родине тоской блудного сына...

Месяца через два я случайно его встретил в Париже: он возвращался обратно в Легион. Найти службу на родине оказалось не так-то легко. Всюду, куда он ни обращался, его расспрашивали о том, что он делал эти годы, где был. И всегда и всюду он получал неизменный ответ:

– Если вы всё время служили у французов, так и возвращайтесь к ним. А на родине вам нечего больше делать...

Это был уже окончательно отрезанный ломоть от своей нации. Таких в Легионе – большинство.

Мы, русские – случайные гости в Легионе, и при окончании контракта той же массой, как стремились в него, так хлынули обратно... Много русских полегло на поле брани, а уцелевшие стремятся вырваться и перелётными вольными птицами, ничем не связанными, лететь в другие края искать нового счастья...

Я думаю, что вместо нескольких тысяч, теперь в Легионе едва ли наберётся несколько сот русских...

Кстати, упомяну ещё об одной мелочи, характеризующей отношение французского правительства к своим легионерам, в достаточном количестве проливающим свою кровь за Францию... Окончивший срок службы и убывший из Легиона – была без радости любовь, разлука будет без печали – не получает даже нашего русского «спасибо» за службу. Только беспорочно служащим и ни разу не оштрафованным выдаётся удостоверение о службе.

Больше того, по приезде в Марсель легионер немедленно же приравнивается в правах к иностранцам и обязан исхлопотать «Карт д'идантите»⁸, внося полностью налог, который платят все иностранцы. Проводится это со всей строгостью законов, охраняющих страну от наплыва иностранцев...

* * *

Легион – служба, где по контракту покупается кровь и жизнь. К смерти в Легионе

привыкают. Но и смерть бывает двух видов. Одна в бою, к которой всегда готов; другая – неожиданная из-за угла, от мстительной руки марокканца, или от болезни. Жестоко мстит и чужая природа, и почти все легионеры болеют страшной малярией.

Первая смерть проходит как-то незаметно – привычно, только теснее смыкаются ряды. Зато вторая оставляет неизгладимо тяжёлое впечатление.

Умер легионер на посту. Ни врача, ни священника, никого из близких. Тут же, вблизи поста, вырывается в каменной почве яма; до могилы тело умершего провожает взвод легионеров. Уныло трубит одинокий горнист, и звук горна вползает в душу и щемящими тисками хватает за сердце... Вот и вся церемония погребения воина.

Тело опущено в землю, и над новой могилой насыпан холм из камней. Иногда ставится и крест, но редко...

И вокруг каждого поста – всегда кладбище. Много безвестных могил хранит русских безвестных воинов, уцелевших в Великой войне, в междоусобной брани, и, по превратности судьбы, живот свой положивших за благоденственное и мирное житие... французского рантье...

Имена их, Ты, Господи, веши...

* * *

Я заканчиваю на этом запись рассказов поручика Д. То, что мною записано, конечно, только общая сжатая схема; в рамках газеты совершенно невозможно изложить весь интересный и богатый материал вынесенных им впечатлений. Для этого нужны книги. Они будут в своё время написаны историками. Но и то немногое, что записано, даёт некоторое представление об одной из тяжёлых страниц в истории русской эмиграции, стремившейся укрыться от захватившей её политической и житейской невзгоды...

P.S. Спешу исправить досадную опisku. В третьем очерке «Под небом Африки» (Н[овое] Вр[емя], №1459), говоря о русских офицерах, занимающих в Иностранном легионе офицерские должности, я упомянул о

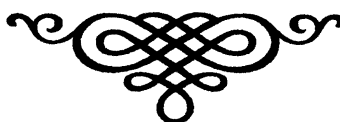

капитане Добронравове, тогда как следовало – Тихонравове. Описка эта особенно досадна потому, что имя капитана Тихонравова тесно связано с улучшением быта и условий жизни легионеров.

Вместе с тем считаю нужным оповестить моих читателей, что записанные мною рассказы поручика Д. вызвали большое количество писем. Ко мне обращаются по целому ряду вопросов и, главным образом, со справками о судьбе служащих там. Совершенно не имея возможности отвечать на все эти письма, я с любезного разрешения поручика Д. прошу пишущих адресовать письма в редакцию «Н[ового] Времени» не на моё имя, а непосредственно поручику Д., который и обещает, по мере возможности, помочь соотечественникам в наведении справок. Но при этом необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в Иностранном легионе очень многие служат под вымышленными фамилиями.

Н.Р.

Новое время, Белград, 1926. № 1460, 1468, 1469.

Примечания

¹ Правильнее – спаги (spahi, франц. с испанским).

² Правильнее – каид, командир (арабск.).

³ «Анатэма» – пьеса Леонида Андреева (1871–1919) о споре дьявола с Богом (написана в 1909 г.).

⁴ Деревня (франц.).

⁵ Имеется в виду Первая мировая война.

⁶ Строка из поэмы А.С. Пушкина (1799–1837) «Кавказский пленник» (написана в 1821 г.).

⁷ Сирокко – сухой южный или юго-восточный ветер.

⁸ Удостоверение личности (франц.).

С.И. Марахонова

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОПОВ-ТАТИВА (1883–1937)

Переводчик, ученый, педагог и организатор московского востоковедения*

В личном фонде С.Г. Елисеева в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН. Ф. 16) среди «материалов других лиц» сохранились два интересных документа, связанных с деятельностью Н.М. Попова-Тативы, востоковеда, по преимуществу японоведа, в своё время пользовавшегося достаточной известностью и оказавшего серьёзное влияние на формирование молодого советского востоковедения в Москве. Однако репрессии 1930-х гг. поставили его в ряд востоковедов, чьи имена оказались надолго забыты.

Н.М. Попов-Татива прожил всего 54 года. Он родился 22 октября 1883 г. в Санкт-Петербурге. Согласно записи, произведённой во Владимирской церкви, мальчик родился у «Санкт-Петербургской мещанки девицы Варвары Евдокимовой» и был незаконнорождённым¹. Его отцом был дворянин М.А. Попов, бывший военный инженер, отставной штабс-капитан. Лишь в 1890 г. Высочайшим указом от 11 февраля ребенку «было дозволено принять фамилию отца его Михаила Александровича Попова и вступить во все права и преимущества, по роду и наследию законным детям принадлежащие»². М.А. Попов был назван второбрачным, а его законной женой – первобрачная Варвара Андреевна³. Затем почти десять лет Николай провел за границей. В 1891 г. он учился в одном из пансионатов в Париже, а в 1896 и 1897 гг. – в Англии (Портсмут, Виндзор)⁴.

4 июня 1903 г. Н.М. Попову был выдан аттестат зрелости об окончании Императорской Царскосельской гимназии, где он учился лишь в двух последних классах, причем в

VII классе – в течение двух лет. Согласно аттестату, «...на основании наблюдений за всё время обучения его в Императорской Николаевской Царскосельской гимназии поведение его было вообще отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ хорошая, интересовался всеми предметами курса одинаково...»⁵. Учащийся отлично успевал в физике, логике и изучении иностранных языков (латинского, немецкого и французского).

В конце 1906 г. Н.М. Попов стал выпускником специальных классов Лазаревского института Восточных языков в Москве⁶. Однако он получил лишь временное свидетельство от 12 декабря 1906 г. за № 2876: «Свидетельство (временное). Дано сие из Правл<ения> Лазарев<ского> Инстит<ута> Вост<очных> Яз<ыков> сыну Инж<енер>-Кап<итана> Николаю Мих<айловичу> Попову, род<ившемуся> 22 окт<ября> 1883 г., правосл<авного> вероиспов<едания>, в том, что он окончил в сём году курс наук специальных классов Лазаревского Инстит<ута> Вост<очных> Яз<ыков> с правом на чин 10-го класса, но правом сим может пользоваться не ранее как по представлении в Совет означенных классов сочинения на заданную тему и по получении им от Института надлежащего аттестата»⁷. В Лазаревском институте Н.М. Попов изучал языки Ближнего Востока (арабский, персидский и турецкий)⁸.

Н.М. Попов так и не получил «надлежащего аттестата», тем не менее Совет специальных классов Лазаревского училища предоставил ему рекомендацию, благодаря которой уже 23 января 1907 г. он был зачислен в число студентов исторического отделения/разряда историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Он прослушал ряд курсов у прославленных педагогов и учёных.

* Автор очень признателен майору юстиции в отставке И.Е. Галькевичу за высказанные интересные соображения.

Историю античности, эллинизма и Византии студентам читали Э.Д. Гримм, С.А. Жебелёв, М.И. Ростовцев и В.Н. Бенешевич, историю Древнего Востока – Б.А. Тураев, России – С.Ф. Платонов, М.А. Полиевктов, историю стран Запада вели Н.И. Кареев, Н.В. Ястребов и др., всеобщую историю – Е.В. Тарле. Курс методологии истории читал А.С. Лаппо-Данилевский, введение в философию – Н.О. Лосский, произведения Гомера были прерогативой Ф.Ф. Зелинского, а основы искусствovedения – Д.В. Айналова¹⁰. Н.М. Попов проживал в Царском Селе по Стессельской ул., д. 2.

В 1910 г. Попов, продолжая обучение в университете, окончил курсы императорского Общества востоковедения (ОВ) по японскому отделению. В 1910 г. они были преобразованы в Практическую восточную академию¹¹. Очевидно, он поступил на курсы в 1907 г., одновременно с поступлением в университет. Летом 1911 г. Попов совершенствовался в Японии в японском языке и собирал материалы, касавшиеся современного политического положения страны¹². Вероятно, благодаря этой поездке он написал книгу «Японские письма», которая была опубликована в 1913 г. Автор скрылся под псевдонимом «М».

Осенью 1911 г., когда до выпуска из университета оставалось совсем немного, истекла отсрочка от призыва в армию, предоставленная Попову ещё во время его учебы в Лазаревском институте¹³. 29 сентября 1911 г. студент Н.М. Попов подал прошение на имя ректора: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство уволить меня из числа студентов вверенного Вам университета на предмет отбывания воинской повинности»¹⁴. С октября месяца он считался выбывшим из университета, а его документы, в частности, временное свидетельство Лазаревского института, были отправлены в Главное Инженерное управление, которое относилось к Военному министерству и размещалось в Инженерном замке¹⁵.

В течение года с 1 октября 1911 г. до 1 октября 1912 г. «вольноопределяющийся 1-го разряда» Н.М. Попов был прикоманди-

рован в должности «Инженерного кондуктора»¹⁶ 2-го класса унтер-офицерского звания ко 2-й Санкт-Петербургской инженерной дистанции»¹⁷. В августе 1912 г. его начальник свидетельствовал, что «он, состоя на службе в сей дистанции, поведения был отличного и ни в чём предосудительном замечен не был»¹⁸.

Из увольнительного билета Н.М. Попова явствует, что он был уволен в запас 1 октября 1912 г., поскольку «срок службы был сокращён на 1 год вследствие образования 1 разряда»¹⁹. По истечении ряда лет он подлежал переводу из 1-го разряда в ратники ополчения (более низкий разряд запаса. – *Авт.*), а в 1926 г., по достижении 43-летнего возраста – исключению из этой категории²⁰. Состоя на службе, он обучался в 18 сапёрном батальоне, а также проявил «мастерство чертёжника»²¹.

9 октября 1912 г. Н.М. Попов вновь был принят в число студентов историко-филологического факультета. В его студенческой зачётной книжке и в билете на право входа в университет теперь красовалась другая фотография – Н.М. Попов в военной форме²². Летом 1913 г. студент совершенствовался в языке в Турции, а с сентября того же года служил цензором восточной прессы в Цензуре иностранных газет и журналов при Главном почтамте²³. Летом 1914 г., когда в преддверии мировой войны в Российской империи была объявлена мобилизация, студент VIII семестра Н.М. Попов был призван на военную службу, и 18 июля он подал прошение об увольнении из университета²⁴.

Достоверно не известно, где служил Н.М. Попов в этот раз и чем он занимался до осени 1915 г. Вероятнее всего, он был направлен в какую-либо ополченскую бригаду или запасной батальон, как большинство ратников ополчения, призванных на действительную службу. Его увольнение со службы в самый разгар войны могло быть связано, скорее всего, с состоянием здоровья. Но, так или иначе, Н.М. Попов никогда не был морским офицером, как некорректно пишут о нём в ряде статей советских авторов и позднее в российских справочниках.

Следующий пласт документов относится к деятельности Н.М. Попова в Практической восточной академии (ПВА). Первый из этих документов датируется 5 ноября 1915 г. И.о. секретаря ПВА А.П. Градевский сообщает Н.М. Попову, что «...в среду, 25-го сего ноября, в 8 час^{ов} 15 мин^{ут} вечера в помещении Академии (Свечной, 6, кв. 5) состоится заседание совета Практической восточной академии, на котором назначено слушание Вашей пробной лекции по истории Ближнего Востока, на избранную Вами тему. После лекции будет разрешён вопрос об избрании Вас преподавателем академии»²⁵. Вопрос был решён положительно.

2 марта 1916 г. министр торговли и промышленности, в ведении которого находилась ПВА, утвердил Н.М. Попова в должности преподавателя ПВА по истории Ближнего Востока с 26 ноября 1915 г.²⁶ В списке личного состава должностных лиц и служащих Императорского Общества востоковедения и Практической восточной академии на 1917 г. значится, что Н.М. Попов преподаёт в ПВА с 25 ноября 1915 г. и не имеет наград²⁷. Следовательно, он работал там как минимум до 1917 г.²⁸ Документы подтверждают, что ПВА продолжала существовать вплоть до марта 1919 г. Однако неизвестно, продолжал ли Н.М. Попов там преподавать.

В 1914–1917 гг. он также состоял учёным секретарем Японского отделения Общества востоковедения. В 1907–1917 гг. был штатным переводчиком при Морском ведомстве. Работа с большим количеством документов и составление военных обзоров превратили молодого востоковеда в крупного знатока дальневосточных стран. Под псевдонимом «М» были опубликованы, в частности, в «Морском сборнике» его статьи о современном положении ряда стран Востока²⁹.

К последним предреволюционным годам относится «Критика тезисов доклада А.Н. Вознесенского»³⁰ (АВ ИВР РАН. Ф. 16), который характеризует Н.М. Попова как серьёзного специалиста в области международных отношений – между Китаем и Японией, Китаем и Россией, Японией и Россией, а также противоборствующих интере-

сов европейских держав на Дальнем Востоке. Исходя из контекста, документ датируется началом 1916 г., когда между Россией и Японией шёл долгий и трудный переговорный процесс, увенчавшийся подписанием союзного договора между странами 20 июня (3 июля) того же года. Существенно важно, что Н.М. Попов разделял позицию С.Г. Елисеева, который в своем докладе в японском отделе Императорского Общества востоковедения 5 декабря 1916 г. высказался о несвоевременности заключения этого соглашения до окончания мировой войны и победы стран Согласия над Германией. Н.М. Попов подверг аргументированной критике целый ряд тезисов А.Н. Вознесенского, который хорошо знал ситуацию в Китае благодаря своей дипломатической работе. Попов разъяснил различие интересов России и Японии в отношении Китая и связанные с этим противоречия между Россией и странами Европы.

Высказывания Н.М. Попова об отношении русского общества к Китаю свидетельствуют о том, что он был патриотом своей родины, человеком высоких моральных качеств, с одной стороны, и профессиональным востоковедом, который прекрасно разбирался в китайских реалиях, с другой. «Не ройте яму другому, не стройте собственного благополучия на слабости других. Это дважды безнравственно. Вы будете проливать чужую кровь, разливать чужое горе, и в то же время надежда на слабость ваших соседей нравственно развратит вас... Не вмешивайтесь в чужие дела... Приложите все ваши мысли к тому, чтобы строить прочно и честно свое бытие и не проводите политики угнетения по отношению к народу, который граничит с вами на много тысяч вёрст... Не забудьте, что чувство оскорблённой народности не уснуло в китайце. Не забудьте, что вы на каждом шагу оскорбляете китайца, уверенные в вашей безнаказанности, и что это вам может припомниться в будущем... Стройте ваше будущее на том, что вам принадлежит сегодня... В этом ваш долг, ваша смертельная ответственность за будущее России. Но мы этого не понимаем. Мы гото-

вы содействовать всем ужасам и преступлениям, которые должны ослабить нашего соседа, а сами мы не замечаем, что совершенно забыли свой собственный дом, свою дальневосточную окраину, которую мирно и бескровно завоёвывают попираемые нами в Китае китайцы»³¹.

Деятельность Н.М. Попова в 1918–1920 гг. не документирована. Вероятнее всего, тогда он был занят переводом на работу в Москву и жил на два города. Это подтверждается сведениями в записных книжках С.Г. Елисеева, датируемых 1919–1920 гг. С.Г. Елисеев приводит два адреса «Ник. Мих. Попова» в Петрограде и Москве. Также им зафиксирована какая-то встреча с Н.М. Поповым 2 марта 1919 г. в Петрограде³².

Н.М. Попов принадлежал к той части старой научной интеллигенции, которая стремилась активно сотрудничать с советской властью. С 1920 г. его работа полностью связана с Москвой, и прежде всего с Академией генерального штаба РККА³³. В феврале 1920 г. приказом Реввоенсовета республики при Академии было создано Восточное отделение «с целью подготовки военнослужащих для службы Генерального штаба и Красной армии на Восточных окраинах и сопредельных странах Среднего, Ближнего и Дальнего Востока, а также для службы по военно-дипломатической части»³⁴.

В 1920–1921 гг. положение Москвы как столицы потребовало организации здесь собственного востоковедного центра и подготовки новых кадров. Н.М. Попов стоял у самых истоков этой деятельности и блестяще проявил себя как организатор востоковедения, прежде всего практического. Военная академия была первым учреждением, где открыли Восточное отделение, вероятно, ещё и потому, что в условиях Гражданской войны осталась одним из самых организованных и активных научно-учебных заведений³⁵.

По некоторым данным, первым руководителем Восточного отделения был назначен военный топограф А.Д. Тарановский³⁶. Однако, согласно curriculum vitae Н.М. Попова, с 1920 г. он не только преподавал, но и

возглавлял отделение. Именно «преподаватель японского языка» Н.М. Попов подготовил памятную записку от 14 марта 1920 г. «по вопросу о выработке общего плана курсов восточных языков для ускоренной группы слушателей Восточного отделения Академии Генштаба». Записка была составлена в 20 экземплярах и нуждалась в срочном распространении, о чем свидетельствует надпись карандашом в левом верхнем углу.

О целях и задачах составления этого документа востоковед пишет следующее: «Поскольку слушателям ускоренной группы Восточного отделения Академии Генштаба надлежит в шестимесячный срок настолько усвоить основы разговорной речи того или иного языка или наречия, чтобы иметь возможность без помощи переводчика разговаривать на темы повседневного обихода культурного туземца, постольку желательно выработать общий план курса, который бы по возможности определил объём подлежащего прохождению курса и его основные элементы». Н.М. Попов считал целесообразным «не только дать курсантам возможность усвоить определённый запас слов и выражений, но также создать... руководство практического, справочного характера, которое... может служить подспорьем для ведения разговора с туземцем на ту или иную тему»³⁷.

Очевидно, что отложившийся в фонде 16 АВ ИВР РАН один из экземпляров записки принадлежал японоведу С.Г. Елисееву, который с февраля 1920 г. как военнобязанный был вынужден регулярно ездить в Москву для чтения лекций в Академии.

Первыми преподавателями японского языка и связанных с ним дисциплин на Отделении востоковедения были С.Г. Елисеев (очень недолгое время) и Н.М. Попов. Николай Михайлович Попов работал в Академии до 1922 г., а с осени 1921 г. ещё одним преподавателем японского языка и экономики Японии был назначен вызванный с Дальнего Востока его однофамилец Михаил Георгиевич Попов, тоже японовед и китаевед. После ухода Н.М. Попова из Академии тот стал основным преподавателем японского языка и предметов японского цикла.

Н.М. Попов сделал к своей фамилии дополнение «Татива», очевидно, чтобы его не смешивали с М.Г. Поповым, с которым они вместе служили также и в Московском институте востоковедения (МИВ). Так в советском востоковедении появился Н.М. Попов-Татива. Двойная фамилия фигурирует в обнаруженных документах с 1925 г., но изменение фамилии могло произойти раньше.

Постоянного преподавателя китайского языка в Военной академии РККА долгое время не было. А.И. Иванов³⁸, периодически наезжавший из Петрограда, лишь временно замещал эту должность. Поиски преподавателя китайского привели к служившему в РККА председателю полковой культкомиссии В.С. Колоколову³⁹, который указал в анкете, что владеет китайским языком, как родным. В.С. Колоколов, ставший ассистентом А.И. Иванова, а затем самостоятельным преподавателем, оставил о Н.М. Попове ценные воспоминания.

Когда Колоколов был вызван в распоряжение Академии Генштаба РККА, в Восточном отделении Академии его принял «высокий, худощавый, в сером штатском костюме мужчина англазированной типа. Говорил он изящно, даже увлекательно»⁴⁰. Колоколов упоминает Н.М. Попова как «начальника»⁴¹.

В число курсантов Восточного отделения попадали, естественно, бойцы РККА. Целый ряд толковых молодых людей из рядов Красной армии оказался на курсах благодаря усилиям Н.М. Попова, спасавшего их таким образом от воинской повинности. Так, у него начинали учиться его знакомые по литературно-художественному объединению «Сороконожка»⁴² Л.А. Никитин⁴³, П.А. Аренский⁴⁴ и С.М. Эйзенштейн, не связавшие, однако, свою жизнь с японоведением. Согласно воспоминаниям В.Р. Никитиной (супруги Л.А. Никитина), именно Н.М. Попов(-Татива) сообщил им о том, что «при Академии Генштаба РККА создано Восточное отделение, на котором есть японский факультет, и если сдать экзамены по языку, то можно получить откомандирование на учёбу в Москву»⁴⁵.

Для превращения Москвы в центр советского востоковедения, причём ориентированного не на классические исследования, оставшиеся в Петрограде/Ленинграде, а на изучение стран Востока Нового и Новейшего времени, требовалось создание ряда гражданских востоковедных учреждений. Поэтому вскоре после учреждения Восточного отделения в Академии Генштаба РККА в сентябре 1920 г., согласно постановлению СНК, возник Центральный институт живых восточных языков (ЦИЖВЯ). Он был создан путём преобразования бывшего Лазаревского института.

27 октября 1921 г. было принято решение Президиума ВЦИК о слиянии всех востоковедных учебных заведений столицы в Московский институт востоковедения им. Н. Нариманова⁴⁶. ЦИЖВЯ был не просто переименован, но преобразован в МИВ. В 1920–1922 гг. Н.М. Попов, согласно его *curriculum vitae*, был преподавателем и профессором по кафедре японского языка этого учебного заведения, а в 1920–1921 гг. – заведующим учебной частью, помощником директора, членом учёного совета института⁴⁷. В конце 1922 г. благодаря его хлопотам в институте было введено преподавание китайского языка.

Ученик Н.М. Попова в МИВ С.А. Ермолинский⁴⁸ дал яркую характеристику методики его преподавания. «Японский язык нам преподавал Н.М. Попов-Татива. У него была особая система, она называлась фразеологией. Были заготовлены постепенно усложняющиеся разговорные предложения. Мы их зубрили. Попутно мы разбирали грамматическую и синтаксическую структуру каждой фразы и получали дополнительную порцию слов... К удовольствию Попова, я очень скоро стал разговаривать с ним по-японски. Педагогическая жилка Попова-Тативы сказала не только в целесообразном подборе фраз и оборотов, но и в том, что он умел заинтересовать самым процессом их изучения. Он не был учёным, исследователем языка... Николай Михайлович Попов-Татива по складу своему был скорее журнали-

стом, литератором, влюблённым в страну, которую он изучал. Его очерки и статьи опубликованы в дореволюционных «Морских сборниках». Со студентами он сразу наладил хорошие, дружеские отношения. Жил он в одной из пристроек нашего института и любил, когда мы к нему заходили. Его рассказы о Японии были наполнены живыми чёрточками быта...»⁴⁹.

Училась у Н.М. Попова в ЦИЖВЯ и В.Р. Никитина, которая назвала занятия у него «всегда чрезвычайно интересными»⁵⁰.

Почти не вызывает сомнений, что Н.М. Попов-Татива, как и многие другие востоковеды, был связан с разведуправлением РККА, нуждавшимся в специалистах по Дальнему Востоку. В 1925 г. в Москве Разведывательным управлением штаба РККА была издана его книга «Китай. Экономическое описание», удовлетворявшая нуждам военно-политической сферы молодого советского государства. Автор книги был представлен как «действительный член научно-исследовательского Института языковедения». В редакционном вступлении необходимость написания работы и её назначение недвусмысленно объяснялись военными задачами.

«Проявляемый широкими кругами наших военных и политических работников интерес к Китаю вызвал за последнее время появление довольно большого количества книг, брошюр и статей, посвящённых этой стране. Однако среди этой литературы нет ни одного более или менее капитального труда, всесторонне освещающего экономику Китая – эту базу создавшейся в нём военно-политической обстановки и дающего от правные данные для более глубокого и точного анализа этой обстановки.

Выпускаемый Разведывательным Управлением Штаба Р.-К.К.А. труд специалиста по Востоку проф. Н.М. Попова-Тативы стремится удовлетворить в известной мере эту потребность в капитальном исследовании экономики Китая, основанном не только на общепринятых данных европейских источников, но и на малодоступных японских и китайских материалах...

Редакция считает, что данный труд поможет более углублённому изучению Китая не только узким кругом специалистов, но и более широкими кругами читателей... Военным работникам эта книга будет весьма полезна при учёте ресурсов Китая с военно-экономической точки зрения и при изучении его военно-политического положения»⁵¹.

Для подготовки этого издания Н.М. Попов-Татива собрал и обработал большой статистический материал, иногда датированный 1923–1924 гг., но в основном всё же гораздо более ранний⁵². В письмах к В.М. Алексееву весной 1925 г. он писал, что тираж «Китая» планировался в 1500 экземпляров и должен был разойтись в течение 1-2 месяцев. Поскольку отзывы были в основном благоприятными, автор предполагал подготовить второе издание с превалированием в нём восточных источников над русскими и западноевропейскими, в чем он видел смысл востоковедной работы⁵³.

Сам Н.М. Попов-Татива оценивал свою работу критически и не признавал её научного значения. «Моя книга по экономике Китая чисто справочного характера... Думаю, что она ни в коей мере не может удовлетворить научным требованиям. Прежде всего, она построена на случайно попавшем мне в руки японском материале. К нему добавлены в большом количестве европейские материалы, поскольку одних японских не хватало. Китайских материалов почти не было. Да мне и очень трудны сейчас китайские тексты. Последние в свои работы я буду вводить постепенно, по мере расширения моих скудных познаний в области китайского языка. Первоисточников я использовать никаких не мог. Данных для критического отношения к имеющимся у меня материалам не было почти никаких. Наконец, приходилось гнать книгу со страшной спешкой, что отразилось на поверхностной обработке материалов. Это почти макулатура, которая требует ещё многократной переработки. Значение её в том, что собрано довольно большое количество сырого материала, совершенно нового для русской и даже для европейской литературы»⁵⁴. Тем не менее,

В.М. Алексеев положительно отнесся к данному труду.

Японские материалы, использованные в «Китае», были малодоступны в Советской России, о чём упоминают и издатели книги. Возможно, они были собраны автором во время его поездок в Японию, сведения о которых, однако, отсутствуют. Тут следует обратить внимание на замечание В.Р. Никитиной: «Некоторое время он (Н.М. Попов-Татива. – *Авт.*) жил в Японии, привез оттуда много книг, а дома у него был настоящий музей японского искусства. Я заходила к ним, потому что училась вместе с его дочерью, Зиной»⁵⁵. Не может ли это служить косвенным свидетельством пребывания востоковеда в этой стране в 1918–1920 годах – в тот период его жизни, который не подтверждён документами? И, вероятно, был связан с разведывательной деятельностью.

Далее Н.М. Попов-Татива планировал написание двух других книг – «Китайская революция и борьба за республику» и «Китай и Япония» (по китайским и японским материалам), которые, по его мнению, не могли претендовать на научность ввиду невозможности использовать первоисточники, а также из-за нереальных сроков их создания в течение полугода. Намечая обращение в дальнейшем к дальневосточному искусству или театру, он очертил тематику своей будущей работы: экономика, история, искусство. «Эти работы по характеру своему практические, научно-популярные. Задача их – популяризация, это только подготовительная ступень для перехода к науке»⁵⁶. Однако названные работы никогда опубликованы не были⁵⁷.

В 1924 г. под эгидой восточной секции Научно-исследовательского института языковедения и истории литературы Н.М. Попов-Татива издал первый выпуск «Восточного сборника», основное значение которого он видел в возможности предоставить работу молодым авторам, «выброшенным на улицу и произвол судьбы и пухнувшим с голоду»⁵⁸. Из японоведов в работе над сборником приняли участие Р.Н. Ким⁵⁹, Олег В. Плетнер⁶⁰, некоторое время учившийся у Попова-Тативы

Л.Н. Никитин. Статья самого Попова-Тативы была посвящена методу изучения каллиграфии и живописи Дальнего Востока. Важнейшей же его работой стал труд «Пособие по китайской транскрипции» (1928 г.), созданный в соавторстве с Е.Д. Поливановым⁶¹.

Востоковедение в столице советского государства создавалось в тяжёлых условиях. Н.М. Попов-Татива сетовал, что ему приходилось начинать работу на пустом месте, так как «старая московская основа отсутствовала, если не считать старых лекторов Лазаревского института... 99% московских востоковедов если не молоды летами, то новички в востоковедении»⁶².

В письмах В.М. Алексееву за 1925 г. он подверг жёсткой критике современных московских деятелей от науки: «Относительно московского изготовления трудов по Востоку могу сказать, что здешняя макулатура изрядно набила всем оскомину, но ещё пройдет много времени ранее, чем она сойдет с нашего рынка. А пока что Восток является своеобразным предметом спекуляций и самой нечистоплотной наживы со стороны московских товарищей...»⁶³. Он также упоминает готовившиеся к изданию в Москве несколько справочников по Китаю, акцентируя внимание на их невысоком научном уровне⁶⁴.

Исходя из объективной ситуации, Н.М. Попов-Татива, и сам не получивший классического петербургского востоковедного образования в университете, сделал ставку на развитие в Москве практического направления востоковедения, а не фундаментальной науки. «Я не учёный-востоковед в принятом у нас смысле. Я представляю собой практическое востоковедение, и на мою долю выпали первые годы организации московского востоковедения. И я сознательно стремился придать последнему сильный уклон к практицизму, так как считаю, что только при условии последнего может быть создана достаточно многочисленная группа востоковедов... Вот это массовое производство я и имел в виду, понимая массу в смысле многих десятков востоковедов-практиков, при наличии узкой специальности у каждого из них. Энциклопедизм не по плечу

научным силам Москвы, возможны отдельные исключения. Но и только»⁶⁵.

М.Н. Попов-Татива служил в целом ряде научных и педагогических учреждений Москвы, занимая в них руководящие посты. Это, очевидно, было связано как с недостатком кадров, так и с активной жизненной позицией самого востоковеда. В 1921–1929 гг. Н.М. Попов-Татива состоял действительным членом РАНИОН⁶⁶ сначала по Институту языка и литературы (Восточная секция), затем по Институту народов Востока. В Институте языка и литературы в 1923–1926 гг. он был председателем Восточной секции. Видимо, в этих учебных заведениях он также преподавал, поскольку сам он в curriculum vitae относит эту свою деятельность к преподавательской.

В 1925–1929 гг. Н.М. Попов-Татива – член совета Общества Сибири, Урала и Дальнего Востока. В Институте народов Востока в 1926–1928 гг. он был членом коллегии, председателем Дальневосточной секции и одновременно заведующим Кабинетом восточного театра. Постепенно он отошёл от исследования экономических и политических вопросов Китая в пользу культурологии. В 1929 г. Н.М. Попов-Татива писал, что работает теперь в области истории китайской драмы, а также подготовил очерк истории японской литературы и статьи по литературе Японии и Китая в Большой и Малой советской и Литературной энциклопедиях⁶⁷.

Он состоял членом Государственной академии художественных наук (ГАНХ), которая существовала в Москве в 1921–1930 гг. и имела своей целью всестороннее научное исследование вопросов искусства и художественной культуры.

3 декабря 1930 г. Н.М. Попов-Татива был осуждён коллегией ОГПУ по ст. 58-4, 10⁶⁸ УК РСФСР на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Подробности ареста и следствия автору этой статьи недоступны. По сведениям д.и.н. А.В. Ганина, фамилия Н.М. Попова-Тативы не значится среди репрессированных по делу «Весна» офицеров и гражданских лиц⁶⁹. Он отбывал наказание

в Беломоро-Балтийском лагере на строительстве Беломоро-Балтийского канала и в 1932–1933 гг. находился в лагере на Медвежьей горе (Карелия)⁷⁰. Согласно воспоминаниям историка Н.П. Анциферова, находившегося в том же лагере, «режим был очень либеральный. У нас были кружки, нам читали научные лекции. Мы устраивали экскурсии... Вспоминаю лучезарный солнечный день в конце зимы... В тот день я слушал лекцию Лосева⁷¹, а вечером нужно было решать, куда пойти: поэт Смиренский⁷² читал свою поэму о Полежаеве. Судьбе поэта николаевских времён он придал автобиографические черты. В тот же вечер, одновременно со Смиренским, Попов-Гигило⁷³ – китаист – делал доклад “Сунь Ятсен и тайные общества в Китае его времени”...»⁷⁴.

В августе 1933 г. по завершении строительства Беломоро-Балтийского канала часть заключённых была освобождена. Очевидно, среди них оказался и Н.М. Попов-Татива. Точно не известно, в каком году он вышел на свободу. Проживание в центральных областях СССР ему было запрещено. Несколько лет он находился в Ташкенте по адресу: 2-я Железнодорожная улица, д. 92⁷⁵. Там он мог заниматься преподаванием или переводами, если это было востребовано.

В дальнейшем учёный разделил трагическую участь большинства советских японоведов, уничтоженных как «японские шпионы» во время большого террора 1930-х. 1 сентября 1937 г. он был арестован в Ташкенте и этапирован в Москву, где 10 декабря был приговорён к высшей мере наказания за «шпионскую деятельность и участие в террористической группе». В тот же день, 10 декабря 1937 г., приговор был приведён в исполнение на спецобъекте НКВД «Коммунарка».

Главная военная прокуратура РФ реабилитировала Н.М. Попова-Тативу 27 марта 1992 г.⁷⁶

Примечания

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 19. Оп. 126. Д. 213. Л. 199а.

² Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61513. Л. 6. 31 мая 1896 г. причт Владимирской церкви исправил запись в метрической книге на основании следующего указания: «Указ Его Императорского Величества самодержца всероссийского из II Экспедиции Санкт-Петербургской Духовной консистории № 7372. Причту Санкт-Петербургской Владимирской церкви. По указу Его Императорского Величества II Санкт-Петербургской духовной консистории сим предпринять оному причту в метрической книге за 1883 год против ст. № 412 о крещении Николая сделать отметку о том, что означенный в этой статье Николай в силу именного Высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату 11 февраля 1890 г., сопричтен к законным детям отставного штабс-капитана Михаила Александровича Попова и жены его Варвары Андреевны» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 213. Л. 199а).

³ Метрическое свидетельство за № 4590, упоминаемое в деле, однако, отсутствует в нём.

⁴ Curriculum vitae Н.М. Попова. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 496. Л. 1. Личное дело Н.М. Попова-Тативы.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 61513, л. 5-5об.

⁶ Был основан в Москве в 1815 г. как частное образовательное заведение для армян. Позднее оно было преобразовано в «Лазаревский институт восточных языков», в специальных классах которого преподавали восточные языки (арабский, персидский, турецкий, армянский и грузинский). В 1919 г. преобразован в Армянский, затем Переднеазиатский институт.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61513. Л. 19.

⁸ Там же. Ф. 309. Оп. 1. Д. 309. Л. 33; *Маранонова С.И.* Орден Священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал отцом американского японоведения. СПб.: СИНЭЛ, 2016. С. 320.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61513. Л. 51, 71. «Совет специальных классов Лазаревского института Восточных языков честь имеет рекомендовать Вашему Превосходительству окончившего по I-му разряду в декабре 1906 г. курс сих классов Николая Попова и ходатайствовать о зачислении его на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета со второго полугодия текущего 1906–1907 академического года». Рекомендация за подписью директора Лазаревского института Вс. Миллера

ректору Санкт-Петербургского университета датируется 11 декабря 1906 г. (Там же. Л. 52).

¹⁰ Там же. Л. 34об.–42, 72, 72 об., 75–78.

¹¹ Там же. Ф. 309. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

¹² Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61513. Л. 33.

¹³ «...Означенному в настоящем свидетельстве сыну Штабс-капитана Николаю Михайловичу ПОПОВУ... Царскосельским уездным по воинской повинности Присутствием, на основании 61 и 145 статей устава о воинской повинности назначена отсрочка на окончание образования в вышеозначенном учебном заведении (Лазаревском институте. – *Авт.*) до достижения им 27-летнего возраста (но не далее призыва 1911 г.) с тем, что по выходе из Института хотя бы и ранее назначенного срока и не окончив курса, он обязан тотчас же поступить на службу вольноопределяющимся, в противном же случае он, Попов, будет подлежать законной ответственности... 14 октября 1905 г.» (Там же. Л. 7об.).

¹⁴ Там же. Л. 64.

¹⁵ Там же. Л. 62.

¹⁶ Инженерный кондуктор – это унтер-офицер инженерного корпуса; чертёжник, состоявший при военных инженерах.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61513. Л. 4, 11. Инженерные дистанции □ это местные военные инженерные управления, которые заведовали находящимися в каждом районе воинскими зданиями, сооружениями, инженерными заведениями и пр. (Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. 1890–1907). 2-я Санкт-Петербургская Инженерная дистанция находилась на углу Звенигородской и Николаевской (совр. Марата) улиц, д. 16/79.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61513. Л. 4.

¹⁹ Там же. Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 14 об.

²² Там же. Л. 29, 33, 44, 46.

²³ Там же. Ф. 309. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

²⁴ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61513. Л. 20.

²⁵ Там же. Ф. 309. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

²⁶ Там же. Л. 38.

²⁷ Там же. Ф. 308. Оп. 1. Д. 10. Л. 18.

²⁸ Сам Н.М. Попов в своём curriculum vitae, составленном 14 апреля 1929 г., пишет, что преподавал в ПВА в 1914/1915 и 1915/1916 учебных годах. Очевидно, это его собственная ошибка. Либо он по какой-то причине хотел скрыть свою службу в армии в 1914–1915 гг.

²⁹ Летопись Востока (Очерк современной жизни). 1. Страны Востока в декабре 1913 г. // Морской сборник. 1914. № 1. С. 157–175; Летопись Востока. СПб., 1915.

³⁰ Вознесенский (Вознесенский-Владимиров) Арсений Николаевич (1881–1937) – китаист, японовед, дипломат. Окончил факультет восточных языков и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Служил в МИД, в 1913–1915 гг. был вице-консулом в Шанхае. Затем заведовал Восточным отделом НКВД, но в 1920 г. был снят с должности. Корреспондент ТАСС в Японии. В 1930-е гг. – заместитель директора МИВ. 3 мая 1937 г. арестован по обвинению в шпионаже в пользу японской разведки, подготовке свержения советской власти и измене родине. 25 декабря 1937 г. приговорён к высшей мере наказания, расстрелян. Реабилитирован в 1962 г. См.: Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период / Сост. Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. 1917–1991. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 102.

³¹ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ). Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 328. Л. 4–5. Оценивая население Китая тех лет в 400 млн человек, Попов полагал, что через 65 лет (т.е. около 1981 г. – *Авт.*) население России составит тоже 400 млн человек (Там же. Л. 4). Неизвестно, где и когда Вознесенским был прочитан этот доклад.

³² АВ. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 307. Форзац.

³³ В 1921 г. носила название Военной академии РККА, с 1925 г. – имени М.В. Фрунзе.

³⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 24696. Оп. 1. Д. 78; Ф. 4. Оп. 12. Д. 9. Цит. по: Густерин П.В. Восточный факультет Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://history.milportal.ru/2015/03/vostochnyj-fakultet-voennoj-akademii-rkka-imeni-m-v-frunze/>, свободный. Последнее обновление 07.03.2017.

³⁵ Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М: Наука, 1970. С. 80.

³⁶ Густерин П.В. Восточный факультет Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе.

³⁷ АВ. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 1.

³⁸ Иванов Алексей Иванович (1877–1937) – китаевед, тангутовед, японовед. В 1915 г. – профессор и заведующий кафедрой китайской и маньчжурской словесности Петроградского университета. Преподавал также японский язык.

Преподаватель ПВА, затем ЛИЖВЯ. Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован в 1958 г.

³⁹ Колоколов Всеволод Сергеевич (1896–1979) – китаевед. Будучи сыном драгомана русского консульства в Кашгаре С.А. Колоколова, владел китайским языком с детства. Преподавал китайский язык в Военной академии РККА, МИВ, Институте Красной профессуры. Затем – в Военно-дипломатической академии и МГУ.

⁴⁰ Цит. по: Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. С. 80.

⁴¹ Там же.

⁴² «Сороконожка» – литературно-художественное объединение, созданное в Москве актёрами МХАТа перед революцией 1917 г. Н.М. Попов-Татива участвовал в издании журнала «Сороконожка» (Никитина В.Р. Дом окнами на закат: Воспоминания / Лит. запись, вступ. ст., коммент. и указ. А.Л. Никитина. М.: Интерграф Сервис, 1996. С. 88).

⁴³ Никитин Леонид Александрович (1896–1942) – искусствовед, художник.

⁴⁴ Аренский Павел Антонович (1887–1941) – индолог, специалист в области новоиндийской филологии, поэт, переводчик, популяризатор науки; театральный деятель. Сын композитора А.С. Аренского.

⁴⁵ Никитина В.Р. Дом окнами на закат. С. 88.

⁴⁶ Дацышен В.Г. Китаеведческое образование в России и проблемы реформирования китайской письменности в первой половине XX в. // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2012. Т. 11. Вып. 10: Востоковедение. С. 195.

⁴⁷ Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. С. 81.

⁴⁸ Ермолинский Сергей Александрович (1900–1984) – советский кинорежиссер.

⁴⁹ Цит. по: электронный ресурс. Режим доступа: <http://alter-vij.livejournal.com/158541.html>, свободный. Последнее обновление 6.01.2017.

⁵⁰ Никитина В.Р. Дом окнами на закат. С. 106.

⁵¹ Н.М. Попов-Татива. Китай. Экономическое описание. Москва: Издание Разведуправления штаба РККА, 1925.

⁵² Издание представляет собой библиографическую редкость. Один из известных экземпляров имеет посвящение «Многоуважаемому Николаю Васильевичу Кюннеру», другой – «Многоуважаемому Сергею Федоровичу Ольденбургу».

⁵³ Письмо Н.М. Попова-Тативы В.М. Алексееву от 4 марта 1925 г. // Санкт-Петербургский

филиал архива Российской академии наук (СПб. ФАРАН). Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 646. Л. 5, 6.

⁵⁴ Письмо Н.М. Попова-Тативы В.М. Алексееву от 22 марта 1925 г. // Там же. Л. 2об.–3.

⁵⁵ Никитина В.Р. Дом окнами на закат. С. 106.

⁵⁶ Письмо Н.М. Попова-Тативы В.М. Алексееву от 22 марта 1925 г. // СПб ФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 646. Л. 3об.

⁵⁷ Заслуживают внимания две публикации: «К вопросу о количестве крестьянских дворов в Китае» // НВ. 1927. №18. С. 91-100 и «Несколько замечаний по поводу толкований шести законов китайской живописи: Предварительное сообщение» // Учёные записки НИИЭНКНВ. 1930. С. 53–71.

⁵⁸ Письмо Н.М. Попова-Тативы В.М. Алексееву от 22 марта 1925 г. // СПб ФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 646. Л. 2.

⁵⁹ Ким Роман Николаевич (1899–1967) – японовед и китаевед, писатель. Окончил восточный факультет Дальневосточного госуниверситета. Преподавал китайскую и японскую литературу в МИВ. В середине 1930-х гг. занимался в основном литературной и журналистской деятельностью. Сотрудник НКВД (разведка). В 1940 г. осуждён на 20 лет лишения свободы. Освобождён в 1945 г., реабилитирован в 1959 г. См.: Люди и судьбы. С. 200-201.

⁶⁰ Плетнер Олег Викторович (1893–1929) – японовед, историк, экономист. Окончил факультет восточных языков и ПВА в 1915 г. В 1918–1922 гг. находился в Японии как переводчик при Регистрационном управлении штаба РККА. В 1922–1929 гг. преподавал в МИВ.

⁶¹ Поливанов Евгений Дмитриевич (1891–1938) – выдающийся теоретик языкознания, лингвист-полиглот. Окончил историко-филологический и восточный факультеты Санкт-Петербургского университета. Приват-доцент, профессор Петроградского университета. В 1917 г. работал в НКВД. В середине 1920-х и в 1930-е гг. преподавал в вузах Ташкента, Самарканда и Фрунзе. Занимался научной деятельностью и переводами. В 1937 г. арестован, в 1938 г. погиб. Реабилитирован 3 апреля 1963 г. См.: Люди и судьбы. С. 307.

⁶² СПб. ФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 646. Л. 2об.

⁶³ Письмо Н.М. Попова-Тативы В.М. Алексееву от 17 апреля 1925 г. // Там же. Л. 8.

⁶⁴ Там же. Л. 7. Автор говорит о следующих справочниках: «Первый принадлежит двум ли-

цам – Плетнеру О(<легу>. – Авт.). и Виленскому-Сибириякову В., которые использовали молодёжь, давшую им по дешёвой цене переводы из Чайна Йир Бук, а может быть, и из других английских изданий. Эта работа была... произведена халатно. Книга должна выйти в Госиздате. Второй справочник по Китаю предполагается... Коминтерном, где имеются обширные материалы, преимущественно, кажется, английские. Третий справочник готовится в Коммунистическом университете народов Востока и выйдет под редакцией тов. Бройдо. Используются преимущественно английские материалы. Кроме них, нечто вроде ежегодника по Востоку, в том числе по Китаю, готовится тов. Ходоровым...».

⁶⁵ Письмо Н.М. Попова-Тативы В.М. Алексееву от 22 марта 1925 г. // СПб. ФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 646. Л. 2об.

⁶⁶ РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, созданная решением Ученого совета Наркомпроса в 1924 г.

⁶⁷ Curriculum vitae Н.М. Попова-Тативы.

⁶⁸ Ст. 58-4 УК РСФСР в редакции 1926 г. и более поздних редакциях звучала так: оказание помощи «международной буржуазии»; Ст. 58-10: пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти.

⁶⁹ Дело «Весна» – резонансное и полностью сфальсифицированное ОГПУ дело 1930–1931 гг., связанное с репрессиями против более чем 3000 крупных военных чинов.

⁷⁰ Люди и судьбы. С. 313.

⁷¹ Лосев Алексей Федорович (1893–1988) – философ, филолог и переводчик. Занимался проблемами античной мифологии и диалектики художественного творчества. Репрессирован в 1930 г. и приговорён к 10 годам лагерей за непризнание марксистско-ленинской философии.

⁷² Смиренский Владимир Викторович (1902–1977) – поэт и литературовед. Псевдоним «Андрей Скорбный». В 1931 г. был осуждён на 10 лет лагерей.

⁷³ Публикатор полагает, что речь идет о Н.М. Попове-Тативе.

⁷⁴ Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Подг. текста, коммент. А.И. Добкина. М., 1992. С. 386.

⁷⁵ Люди и судьбы, с. 313.

⁷⁶ Там же.

В.Г. Бухерт

«НАЛИЦО ЦЕЛАЯ БАНДА СКРЫТЫХ ВРАГОВ»

Заявление Г.С. Кара-Мурзы. 1938 г.

Свой путь в науку известный историк-китаевед Георгий Сергеевич Кара-Мурза (1906–1945) начал с учёбы в Московском институте востоковедения (1923–1927 гг.), преподавал китайский язык в Высшей пограничной школе ОГПУ (1925–1927 гг.), работал переводчиком, научным сотрудником Коммунистического университета трудящихся Китая (КУТК) (1927–1931 гг.), был аспирантом Института востоковедения Академии наук СССР (1930–1932 гг.).

В 1928–1931 гг. Г.С. Кара-Мурза выступал в качестве «боевого сторонника принципа партийности в науке»¹. Вместе с тем он заложил основы синологической школы Московского государственного университета (МГУ)². Его заслуги как педагога и популяризатора, «мастера блестящих обобщений» в лекциях, представляются «бесспорными»³. Как автору Г.С. Кара-Мурзе были свойственны «широта кругозора, ясность изложения, художественный дар»⁴.

Общий вклад Г.С. Кара-Мурзы в дело изучения истории Китая остаётся, для его времени, «значительным»⁵. О работах Г.С. Кара-Мурзы писали, что «их исследовательский уровень, методологическая основа, научно-политическая актуальность обеспечили им долгую жизнь»⁶.

Вместе с тем в критических выступлениях 1930–1931 гг. Г.С. Кара-Мурза «порою допускал также неоправданные резкости в отношении товарищей по работе»⁷, проявлял склонность «делать порой поспешные выводы на основе неполных и ненадёжных данных»⁸. Свойственная ему, по наблюдению знавших его людей, «запальчивость, потеряв былые крайности, сохранилась в нём в течение всей его, увы, недолгой жизни»⁹.

Одной лишь запальчивостью, как видно, дело не ограничилось. То, что Г.С. Кара-Мурза уцелел во время репрессий, его сын¹⁰

объяснял следующим образом: «Ему повезло – его исключили из партии и уволили с работы в 1934 году, до начала смертельных репрессий, и он просто исчез из поля зрения»¹¹. Однако дело обстояло совсем иначе: исчезать из поля зрения власти, и, в частности, органов НКВД СССР, Г.С. Кара-Мурза не стремился, да и из ВКП (б) его исключили позже – 17 января 1936 г. на заседании КПК при ЦК ВКП (б)¹², а вслед за тем, 1 февраля 1936 г., он был уволен из Института мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии¹³.

Считая себя незаслуженно обиженным и преследуемым, несмотря на то, что он оказал важную помощь в поиске «врагов народа» среди востоковедов, он обратился к Прокурору СССР А.Я. Вышинскому. В заявлении он, в частности, указывал на свою роль в разоблачении директора НИИ по изучению национальных и колониальных проблем П.А. Мифа¹⁴ и других «врагов народа».

А.Я. Вышинский направил 23 апреля 1938 г. заявление Г.С. Кара-Мурзы вице-президенту Академии наук СССР академику Г.М. Кржижановскому¹⁵. 1 июня 1938 г. Г.М. Кржижановский писал А.Я. Вышинскому, что, ввиду категорического отказа директора Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР Е.С. Варги восстанавливать Г.С. Кара-Мурзу, ему будет обеспечена работа в Институте востоковедения АН СССР на договорных началах, а, в случае восстановления его в партии, будет предоставлена штатная работа в возглавляемом Е.С. Варгой институте¹⁶.

Впрочем, попал Г.С. Кара-Мурза не к Е.С. Варге, а к академику Б.Д. Грекову¹⁷, поступив 7 декабря 1938 г. старшим научным сотрудником в сектор истории колониальных и зависимых стран Института истории Академии наук СССР¹⁸. Пережитое не

прошло бесследно для него: когда в 1939 г. профессор Г.С. Кара-Мурза появился на кафедре колониальных и зависимых стран исторического факультета МГУ, «он выглядел значительно старше своих 33 лет»¹⁹. Впрочем, на лекторском мастерстве внутренние переживания Г.С. Кара-Мурзы не отразились: знавшие его в то время десятилетия спустя вспоминали лекции и организованные им научные конференции как «выдающийся образец преподавательского мастерства»²⁰.

В самом начале Великой Отечественной войны Г.С. Кара-Мурза ушёл добровольцем, но стрелять ему, как он сам писал, не пришлось²¹, он был инструктором политотдела 8-й Краснопресненской стрелковой дивизии народного ополчения, затем служил в Чите майором интендантской службы в политуправлении Забайкальского фронта, вёл пропагандистскую работу среди японских и марионеточных китайских войск, среди местного населения. Г.С. Кара-Мурза «нередко “уходил” от непосредственной ратной службы в исследовательскую область по излюбленной теме о положении в Китае»²².

С 1944 г. он готовил докторскую диссертацию «Маньчжоу-Го – колония “нового порядка”»²³, представление о её содержании даёт книга Г.С. Кара-Мурзы «“Новый порядок” в Маньчжурии» (Чита, 1944. Ч. I-IV), изданная под грифом «для служебного пользования». Хотя в её основу легли стенограммы лекций, прочитанных Г.С. Кара-Мурзой в Чите в июле-декабре 1944 г.²⁴, написана она с использованием широкого круга источников: официальных документов, прессы Маньчжоу-Го, сообщений эмигрантов из Маньчжоу-Го, иностранных наблюдателей и др. В своём исследовании, писал Г.С. Кара-Мурза, он рассмотрел «лишь то новое, что внесено в Маньчжурию фактом её оккупации и установлением “нового порядка”»²⁵. Одновременно он мечтал о создании учебника «Всеобщей истории», думал о том, что это будет первая книга, которую он напишет, как только закончится война: «Хочется, чтоб школьник в Ставрополе, Чембарах и на селе знал историю так, как она шла,

знал Китай, любил его героев, ненавидел его врагов»²⁶.

22 августа 1945 г. самолёт, на котором летел Г.С. Кара-Мурза, разбился недалеко от Ваньмяо (Улан-Хото) во Внутренней Монголии²⁷. По версии сына Г.С. Кара-Мурзы, самолёт «сбила какая-то разрозненная группа японцев»²⁸. В опубликованном официальном некрологе сообщалось, что он погиб «при исполнении служебных обязанностей»²⁹.

Заявление Г.С. Кара-Мурзы прокурору СССР А.Я. Вышинскому³⁰

Государственному прокурору СССР
тов. Вышинскому

Я обращаюсь к Вам со своим делом, считая, что всё, что происходит со мной в течение последних 3 лет, является вопиющим нарушением моих прав советского гражданина и учёного.

Я – научный работник, окончил Институт востоковедения и аспирантуру Академии наук, имею учёное звание профессора. С 1927 г. работаю научным сотрудником Научно-иссл[едовательского] ин[ститу]та по Китаю – позже Колониального сектора Ин[ститу]та мир[ового] хоз[яйст]ва и мир[овой] политики Комакадемии, – и профессором Ин[ститу]та востоковедения и Ком[мунистического] ун[иверсите]та труд[ящихся] Востока. За всё время своей работы не имел ни теоретических ни политических ошибок, ни каких-либо взысканий, наоборот, неоднократно премировался за отличную работу.

И вот в начале 1935 г. на основе научного исследования в области истории китайской революции я пришёл к выводу, что руководитель и признанный авторитет в области теории и практики революционного движения на Востоке П. Миф (зав. Восточным секретариатом ИККИ, зав. Колониальным сектором Ин[ститу]та мир[ового] хоз[яйст]ва и мировой политики, отв[етственный] редактор всех востоковедных изданий и пр.) является скрытым

троцкистом, опаснейшим и гнуснейшим врагом, проводящим тонко завуалированную вредительскую линию как в ИККИ, так и в области научной работы по изучению Востока.

Свои выводы по этому вопросу с развёрнутым разоблачением вредительской деятельности П. Мифа в ИККИ я направил в ЦК ВКП(б) в виде письма на имя товарища Сталина³¹.

Одновременно подал заявление в партком Ин[ститу]та мир[ового] хоз[яйст]ва и мир[овой] политики с разоблачением вредительской деятельности П. Мифа как заведующего Колониальным сектором этого Ин[ститу]та.

Продолжая работать в том же направлении, используя, в частности, все доступные мне материалы, секретные документы, личное знание людей, разговоры с отдельными товарищами и пр., я пришёл к ещё более страшному выводу: что налицо целая банда скрытых врагов (несколько десятков весьма ответственных работников), захвативших в свои руки весь Восточный секретариат ИККИ, Восточный отдел IV управления Штаба³², научные востоковедные учреждения и др. советские и партийные организации, связанные с Востоком. Я пришёл к выводу, что эта банда совершила величайшие преступления.

Естественно, что все свои выводы и материалы, на основе которых я пришёл к этим выводам, я передал в НКВД. Я работал над этим вопросом несколько месяцев, днями и ночами, и в результате представил в НКВД несколько сот страниц документально обоснованного обвинительного материала и несколько подлинных документов, не оставляющих сомнений в преступной деятельности некоторых обвинённых мною работников.

Это было два с половиной года назад — летом—осенью 1935 г. В НКВД мне дали понять, что я прав, что дело серьёзно, что надо спокойно ждать, замолчав весь вопрос и никого не ставя в известность о всём, что мне известно, в частности, о том, что этим делом занимается НКВД. Конечно, я не мог пред-

видеть, что мой материал попал в руки врагов, что в НКВД орудовали участники той же банды, которую я разоблачал. После устранения из НКВД Ягоды³³, Гая³⁴ и других врагов, непосредственно получивших мой материал, я поставил тот же вопрос перед новым руководством НКВД.

Сейчас П. Миф и вся разоблачённая мной банда арестована³⁵. Следовательно, я оказался в своих обвинениях прав, а возможно, что именно мои материалы сыграли ту или иную роль в разоблачении, если они не были тогда же уничтожены Гаем и др.

Такова одна сторона моей истории. Другая же сторона, о которой я Вам пишу, заключается в следующем.

Вскоре же после того, как стало известно о моём обвинении П. Мифа, меня сняли с педагогической работы в КУТВ, вслед за тем в Ин[ститу]те востоковедения (ректор — враг народа Гамбаров³⁶) и, наконец, отстранили от всякой работы в Ин[ститу]те мир[ового] хозяйства и мир[овой] политики (директор т. Варга³⁷); формально меня ещё не уволили тогда из Ин[ститу]та, но в течение 9 месяцев (до формального увольнения) не давали никакой работы, выкинули из научных планов все закреплённые за мной темы, приостановили печатание уже законченных работ, сняли с работы редактора журнала («Проблемы Китая»), запретили доступ в архив и пр. и пр. Партком Ин[ститу]та (секретарь т. Войтинский³⁸, зам. секретаря — враг народа Мильграм³⁹) даже не рассмотрел моё заявление о Мифе, априори расценив его как клеветническое. Он же организовал ряд заявлений в КПК при ЦК ВКП(б) от членов нашей парторганизации, с которыми я имел глупость говорить о мучивших меня вопросах. Эти заявления, обвинявшие меня в распространении клеветнических слухов и дискредитации Коминтерна, равно как и заявление в КПК самого Мифа, а также письмо в ЦК ВКП(б) Политсекретариата ИККИ, бравшего под защиту Мифа и обвинявшего меня в клевете, явились основанием для исключения меня из партии. Я был исключён непосредственно Комиссией парт[ийного] контроля при ЦК ВКП(б) на

закрытом заседании Партколлегии 17/І 1936 г. за распространение клеветнических слухов, дискредитирующих руководство ИККИ и компартии Китая.

Ясно, что сейчас, когда П. Миф и другие разоблачённые мной враги арестованы и, следовательно, отвергается определение моего поступка как клеветы, я поставил перед ЦК ВКП(б) вопрос о пересмотре решения об исключении меня из партии. Дело передано новому следователю и будет пересматриваться. Я не знаю, конечно, каково будет решение КПК, не знаю и того, как скоро решится этот вопрос: прошло уже три месяца с момента подачи моей апелляции. Но мне думается, что вне зависимости от этого решения я, как гражданин Советского Союза, имею право на труд и на реабилитацию своего научного имени. С этим я обращаюсь к Вам.

1) Сразу же после исключения меня из партии, 1/І 1936 г. я был снят с работы в Ин[ститу]те мир[ового] хоз[яйст]ва и мир[овой] политики, т.е. с последней работы, на которой я хотя бы формально числился после подачи заявления о Мифе. Я потерял последний источник существования.

2) Сняли с работы мою жену – тоже научный работник – по Востоку, член партии, работала в Ком[мунистическом] ун[иверсите]те труд[ящихся] Востока, – сняли вопреки всем советским законам, больную, беременную, лишив её даже декретного отпуска. Мы остались без всяких средств к существованию.

3) Перестали печатать мои научные работы, тем самым лишив меня возможности заработка.

4) Одну из моих работ, подготовленных к печати раньше, издали (в переводе на китайский язык) без указания моего авторства и без уплаты гонорара (я подавал в суд, но суд, конечно, не удовлетворил моего иска).

5) Стали изымать всякое упоминание на мои прошлые работы, например, в библиографиях, в перечнях статей, опубликованных в предыдущих номерах журналов, и пр., что практикуется только в отношении врагов народа.

6) Запретили к использованию в вузах и изъяли из библиотек мои старые работы, стенограммы лекций и пр.

7) В тех случаях, когда мои старые работы всё же необходимо было использовать, они использовались и цитировались без упоминания моего имени, что являлось бессовестным, но безнаказанным плагиатом. Так, напр[имер], созданный мной курс Новой истории Китая⁴⁰, который я вёл в течение ряда лет в Ин[ститу]те востоковедения, читается сейчас новым преподавателем (не имеющим достаточной квалификации в этой области) по моей программе, по стенограммам моих лекций, являющихся единственным систематическим курсом Новой истории Китая.

8) В стенгазетах, на собраниях и т.п. ин[ститу]тов, где я работал, я упоминался чуть ли не как враг, в числе «разоблачённых» вредителей, как исключённый из партии «за антикоминтерновскую борьбу».

9) В течение двух лет с момента снятия меня с работы я не могу получить никакой работы. Все мои попытки получить хоть какую-нибудь работу, не только самостоятельно, но и через райком, МК, КПК при ЦК ВКП(б), Комиссию Советского Контроля и пр. не привели ни к каким результатам: мне прямо говорили, что в Москве я не получу никакой работы, даже чернорабочего, что мне лучше всего уехать из Москвы. Но что меня ожидало вне Москвы? То же самое, конечно. За все два года мне удалось получить лишь две небольших переводческих работы сдельного порядка, и то благодаря личному одолжению одного товарища.

Я бы не стал обо всём этом писать, если бы моё положение хоть сколько-нибудь изменилось сейчас, после ареста разоблачённых мною врагов, после январского пленума ЦК ВКП(б), осудившего практику, которую я испытал на себе в полной мере. Но всё остаётся по-прежнему, поэтому я и обращаюсь к Вам.

В течение последних месяцев я снова неоднократно ставил вопрос о работе в Ин[ститу]те мир[ового] хоз[яйст]ва и мир[овой] политики (директор т. Варга, сек-

ретарь парткома т. Подколзин⁴¹) и в Ин[ститу]те востоковедения (директор т. Москалёв, зам. директора т. Малетин⁴², зав. Дальневосточной кафедрой т. Фесенко и др.). Но и там, и там (как и в ряде других учреждений) меня по-прежнему не берут на работу как исключённого из партии. Я знаю, что в обоих названных учреждениях я нужен: в Ин[ститу]те мир[ового] хоз[яйст]ва, кроме меня, арестованы почти все работники по Востоку (более 30 человек), и необходимость в работниках моей квалификации исключительно велика. Больше того, основные из этих работников разоблачены мной, об этом знает дирекция и партком, и всё же мне не хотят дать никакой работы. Ясно, что я нужен и в специальном востоковедном вузе, поскольку я единственный в Москве профессор истории Китая. И всё же меня не берут. По-прежнему отказывают и в печатании моих работ, и в заключении каких-либо договоров на научные труды. В Ин[ститу]те востоковедения после долгих переговоров мне обещали поручить составление учебника, но при условии, если я не буду претендовать на указание моего авторства, однако практически до сих пор не выполнено и это обещание. В Ин[ститу]те мир[ового] хоз[яйст]ва после долгих и столь же унижительных переговоров мне согласились поручить несколько рецензий для журнала. Но и это оказалось не более как издевательством, ибо дирекция запрещает мне пользоваться библиотекой института, тем самым фактически лишая меня написать обещанные рецензии.

Я снова обращался и в райком, и в МК, и в КПК, но снова нигде не получил помощи. Следователь КПК, который вёл моё дело (т. Виноградов), ограничился общими фразами, что это безобразие, что моё положение совершенно ненормально, что я, конечно, должен работать и т.п., но практически ничем не помог: он поручил устроить меня на работу т. Войтинскому – быв[шему] секретарю моей парторганизации, ныне руководящему работнику Президиума Академии наук. Но т. Войтинский, проявивший большую энергию при защите Мифа и исключении

меня из партии, снятия меня с работы, сейчас не проявляет никакой инициативы в том, чтобы выполнить указание КПК и как-нибудь мне помочь. Я теряю последние силы. У меня семья. Я болен, изголодался, я раздет, разут, мне не в чем выйти на улицу, стыдно показаться на люди. Ведь это же безобразие, всё, что со мной делают. И я прошу, я требую прекратить это издевательство над ни в чём не повинным человеком.

Проф[ессор] Г. Кара-Мурза

25/III 1938 г.

Дом[ашний] адрес: Москва, 40, Ленинградское шоссе, д. 40, кв. 51.

Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 411 (Управление кадров Российской академии наук).

Оп. 21. Д. 476. Л. 25–26об. Машинопись, подпись – автограф.

Примечания

¹ Никифоров В.Н. К оценке работ Г.С. Кара-Мурзы по истории Китая // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Материалы межвузовской научной конференции 25–27 января 1963 г.* Л., 1965. Вып. 1. С. 73.

² Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф. Штрихи к портрету профессора Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) // *Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов.* М., 1988. С. 92.

³ Никифоров В.Н. Указ. соч. С. 72.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф. Указ. соч. С. 97.

⁷ Никифоров В.Н. Указ. соч. С. 73.

⁸ Там же. С. 77.

⁹ Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф. Указ. соч. С. 84.

¹⁰ Кара-Мурза Сергей Георгиевич (род. в 1939 г.) – химик, теоретик науки, социолог, политолог и публицист, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (с 2012 г.), профессор МГУ.

¹¹ Кара-Мурза С.Г. «Совок» вспоминает... М., 2002. С. 23.

¹² Г.С. Кара-Мурза состоял членом ВКП(б) с 1932 г.

¹³ АРАН. Ф. 354 (Институт мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической академии ЦИК СССР). Оп. 3. Д. 35. Л. 17. В этом институте Г.С. Кара-Мурза работал с 1931 г.

¹⁴ Миф (наст. фам. Фортус) Павел (Михаил) Александрович (1901–1938) – китаевед-политолог, ректор Коммунистического университета трудящихся Китая (КУТК) (1927–1929), директор Научно-исследовательского института по изучению национальных и колониальных проблем (НИИНКП) (с 1937 г.) (См. о нём: *Григорьев А.А.* Павел Александрович Миф // Народы Азии и Африки. 1969, № 2. С. 237–241).

¹⁵ АРАН. Ф. 411. Оп. 21. Д. 476. Л. 24. Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959) – советский партийный и государственный деятель, академик (с 1929 г.), вице-президент (1929–1939) АН СССР, руководил Энергетическим институтом АН СССР (с 1930 г.).

¹⁶ АРАН. Ф. 411. Оп. 21. Д. 476. Л. 27.

¹⁷ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк, академик АН СССР (с 1935 г.), директор Института истории АН СССР (с 1937 г.).

¹⁸ АРАН. Ф. 411. Оп. 21. Д. 476. Л. 16.

¹⁹ *Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф.* Указ. соч. С. 88.

²⁰ Там же. С. 89–90.

²¹ [Кара-Мурза Г.С.] Из писем учёного // Новый мир. 1950, № 4. С. 197. Из письма, датированного 9 мая 1945 г. В этой публикации представлены отрывки из писем Г.С. Кара-Мурзы к друзьям за 1943–1945 гг., но каким именно друзьям – не указано. Повторная публикация тех же писем Г.С. Кара-Мурзы (с сокращениями) см.: Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов 1941–1945. М., 1985. С. 227–242.

²² *Сапожников Б.Г.* Слово о Г.С. Кара-Мурзе // Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов 1941–1945. С. 225.

²³ [Кара-Мурза Г.С.] Из писем учёного // Новый мир. 1950, № 4. С. 192.

²⁴ Кара-Мурза Г.С. «Новый порядок» в Маньчжурии. Чита, 1944. Т. I. С. 2.

²⁵ Там же. С. 1.

²⁶ [Кара-Мурза Г.С.] Из писем учёного. С. 188.

²⁷ *Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф.* Указ. соч. С. 82.

²⁸ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С. 40.

²⁹ Вопросы истории. 1945, № 1. С. 158.

³⁰ Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – юрист, дипломат, прокурор СССР (1935–1939 гг.), министр иностранных дел СССР (1946–1949 гг.), академик АН СССР (с 1939 г.).

³¹ Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – генеральный секретарь ЦК ВКП (б) (с 1922 г.) председатель СНК СССР и ГКО (с 1941 г.), почётный член АН СССР (с 1939 г.).

³² Имеется в виду Разведывательное управление Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

³³ Ягода Генрих Григорьевич (Енох Гершеневич) (1891–1938) – советский государственный деятель, генеральный комиссар ГБ, нарком внутренних дел (1934–1936 гг.), нарком связи (1936–1937 гг.).

³⁴ Гай (наст. фам. Штоклянд) Марк Исаевич (Исаакович) (1898–1937) – комиссар ГБ 2-го ранга, начальник Особого отдела ОГПУ СССР (1933–1936 гг.), начальник Управления НКВД СССР по Восточно-Сибирскому краю (с 1936 г.).

³⁵ П.А. Миф был арестован 11 декабря 1937 г., приговорён к высшей мере наказания 28 июля 1938 г. Он был реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 29 февраля 1956 г.

³⁶ Гамбаров Александр Григорьевич (1890–1937) – историк, ректор Московского института востоковедения (с 1931 г.)

³⁷ Варга Евгений Самуилович (1879–1964) – экономист, директор Института мирового хозяйства и мировой политики Комкадемии (с 1936 г. в системе АН СССР) (1927–1947 гг.), академик АН СССР (с 1939 г.).

³⁸ Войтинский (наст. фам. Зархин) Григорий Наумович (1893–1953) – советский политический деятель, учёный-китаевед, секретарь Тихоокеанского секретариата Профинтерна (1932–1934 гг.).

³⁹ Мильграм Исидор Вольфович (1898–1938) – учёный секретарь (1934–1935 гг.), старший научный сотрудник (1935–1936 гг.) Института мирового хозяйства и мировой политики Комкадемии.

⁴⁰ Кара-Мурза Г.С. Очерки по Новой истории Китая. М., 1939. Вып. 1–5.

⁴¹ Подколзин Константин Семёнович (1899–?) – младший научный сотрудник Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР (с 1936 г.).

⁴² Малетин Павел Андреевич (1905–1969) – зам. министра финансов СССР (1939–1945).

С.В. Прожогина

МУЛУД ФЕРАУН. ДНИ КАБИЛИИ

Мулуд Фераун (1920–1962) – первый алжирский франкоязычный писатель, ставший классиком отечественной литературы. Убит ОАСовцами (вооружённой секретной организацией колонизаторов накануне освобождения Алжира). Автор романов, переведённых на многие языки мира, в том числе и на русский: «Сын бедняка» (1953), «Дороги, ведущие в горы» (1954), «Земля и кровь» (1963). Происходил из бедной семьи из Кабилии, горного края страны, где говорят на берберском языке. Там он и учился. Как лучший ученик поступил в Алжирский университет. Потом работал школьным учителем в родном селе. Известен как основоположник алжирской реалистической прозы XX века¹.

Дни Кабилии² Моя деревня

Я не из тех, кто не любит свою деревню. Хотя у меня немало оснований, чтобы особенно ею гордиться. В деревне уже привыкли к тому, что я много путешествую и живу в других местах, но люди знают, что я всегда возвращаюсь. Поэтому не обращают внимания на мои отлучки. Словом, деревня мне доверяет. Она всякий раз, хотя и скромно, приветствует меня, оказывая мне приём точно такой же, как и тем, кто покидает её утром, а возвращается вечером с полей. Это особый знак доверия, и он очень трогателен и ценен для меня.

Те же, кто, возвращаясь, плохо говорят о своей деревне, делают это с досады. Они говорят, что она некрасива, просто даже безобразна, но не понимают, что кажется им она такой после сравнения с теми местами, где они подолгу жили, и потому имеют представления о том, что хорошо, а что плохо. На самом же деле, в глубине души они тоже любят свою деревню, несмотря на то, что о ней говорят. В конечном счете и они к

ней привыкают, видя её такой, какая она есть, даже находят в ней какое-то очарование, да и вообще идентифицируют себя с ней, не могут жить без неё. Другие, если и продолжают считать свою деревню плохой, не замедля скажут, что все они похожи одна на другую.

...Если деревенские жители и встречают новичков довольно неприветливо, то только потому, что видят в них дурные приметы города. Я не расспрашивал особо о том, что имеют в виду, однако все в деревне убеждены, что «городские приметы» надо презирать... И своим блудным детям каждый деревенский житель обязательно прочитает нотацию: «Не воображай, пожалуйста, что ты стал горожанином. Не хвались своей одеждой и своим большим чемоданом. Этот твой костюм скоро потеряет весь свой лоск, запачкается, запылится, будет проеден молью... И в один прекрасный день ты его наденешь на работу в поле, будешь в нём пахать землю! Ну, а чемодан будет заброшен на чердак. Тебе он понадобится, если задумаешь ещё раз куда-нибудь уехать. И над тобой будут смеяться в поезде или на пароходе»...

...Когда кто-нибудь возвращается в деревню прямиком из Парижа и проезжает на такси, которое нанял, чтобы потрясти воображение женщин, все двери домов на улицах открываются, и люди смотрят на него сотней глаз, примечая, не изменился ли он и будто спрашивают его, хитро прищуриваясь: «Ну, что, улочки мои старые, вы по-прежнему такие же узенькие и грязные? А площадь-то наша главная, джемаа, где проходят все собрания, всё такая же напыщенная и смешная? Разве можно сравнить её с Площадью Звезды в Париже? Эту вашу деревенскую площадку старая кошка перебежит в два счета! Ну, а ваши хижины... Они вам дороги только потому, что полны вос-

поминаний о прожитых здесь годах, о надеждах, которые вы питали, о ваших страданиях... Но надо быть поскромнее, – в конечном счете думает приезжий. – Всем здесь хорошо, и мне будет тоже...»

И хотя я сам никогда не испытывал таких взглядов и таких рассуждений, никогда не считал себя отличным от других, даже когда подолгу не бывал в родной деревне, но и мне порой приходилось терпеть от кого-нибудь из жителей, кому вдруг заподозрилось презрение в моих глазах к бедности и убогости своей деревни, резкие слова, будто брошенные в мой адрес: «А, это ты! Снова приехал! Не кичись, пожалуйста! Не думай, что я тебе завидую. Езжай к себе, да поскорее! Туда, в свой квартал, Аит-Фран, куда поднимается эта длинная улочка, самая узкая в деревне, где дома похожи на деревянные клетки, в которых каждый хотел уединиться, закрывшись на крючок... Я знаю, что ты не гордишься этими сооружениями, ведь в их щели можно видеть соседние помойки и наблюдать за грудой всё растущего мусора... А ещё ты увидишь рухнувшую стену домишки вашей старой соседки. Это случилось зимой, и её кое-как залатали ветками дерева... Не волнуйся, на улицах всё так же полно грязи, и можно испачкать ботинки и даже края брюк. Да и не только грязи... И на площади тоже опасайся садиться на плитки...»

Казалось, что старый друг мне нашептывает в ухо эти злые слова, должны смутить мою душу. Но он будто остановился посреди фразы и оставил меня в покое. Я не показал своего волнения и даже возразил ему: «Ты всё преувеличиваешь, старик! Я заметил, как деревня изменилась. Вот, например, дорога к кладбищу. Её починили. Это неплохо. А вот и гараж поставили, его раньше не было. А здесь новая маслобойня, а там – новая мельница... Люди, наверное, гордятся этим. А ещё мне говорили, что в деревне появилась механическая хлебопекарня... Да и сам ты обзавёлся мотоциклом! Скорости прибавил! Ну, а грязь и мусор, – так они повсюду. В городе их не меньше. Ещё больше, чем в деревне. Только там не видно. Всё

скрыто, но вони не меньше. Да и воздух там нездоровый. И это правда. Так что утешься, старик!»

Наши усилия никогда не смогут абсолютно изменить твой облик, моя деревня. Наоборот, мы, возможно, только ухудшаем его своими попытками и инициативами. А у тебя свой цвет – цвет земли, ибо ты сама из земли и создана. И земля эта – здоровая, скромная и чистая, как бедная крестьянка, но хорошо родившаяся. И чтобы придать тебе другое обличье, надо срезать тебя с лица земли, уничтожить, перенести твой пепел куда-то в другое место и попробовать построить что-то новое на твоём прахе. Но ты тогда перестанешь существовать, а мы не будем тебя любить.

Тогда зачем ты сердишься на нас и принимаешь нас неприветливо? Разве не существует лучшего доказательства сыновней любви и привязанности, чем наши упрямые к тебе возвращения? Ты всё ещё сомневаешься в нашей привязанности к тебе? Вообрази, что мы связаны с тобой, а ты – с нами. Связаны крепко. И мы не можем отречься от самих себя.

А те, кто забывает тебя – и ты это знаешь, – ничего другого и не могут, ведь им кажется, что они живут лучшей жизнью и у них счастливые дни. И это, конечно, простиительно. Им случается даже попросту забыть, что ты была в их жизни, вычеркнуть из неё своё существование. Им так легче. Но если бы ты увидела их благополучное существование в недрах города, цивилизации, ты бы сама исчезла потихоньку, спряталась под землю. Ведь это ты помогла им, и их бытие – твоя заслуга! Но когда приходят дни несчастий, трудности, долги, болезни, старость (ведь нельзя же всё предвидеть!), то они говорят себе, эти молодцы, что час возвращения, возможно, пробил. И к ним возвращается светлая о тебе память. Сердце их смягчается. И в эти мгновения они нуждаются в тебе и снова начинают любить тебя. И вот в один прекрасный вечер они приезжают в родимый край, чтобы вернуться на то место, где они выросли, когда жили у тебя. Часто это место – всего лишь жалкая ды-

ра, убогое жилище, что ждёт в конце жизненного пути... Или даже просто могильная яма, куда тебя заруют на исходе твоих дней. Маленькая яма среди других, таких же безымянных, как и твоя. И холмик земли над ней покроется по весне нежной травой и белыми цветами...

Джемаа в Аит-Фране

Это площадь для мужчин. Для всех мужчин. Это её особое достоинство. И она его соблюдает. Как только место в деревне называли «джемаа», ему уже всё равно, где оно находится. При въезде ли в деревню, посреди неё или в каком-то углу, где сходятся улочки без тротуаров. Это не имеет значения. Здесь своя история, своя особенность, свои посетители. Те, кто живёт повыше в горах, или, наоборот, ближе к долине, у них свои такие же площади, как, к примеру, в Таджемэ-у-фелла или в Таджемэ-буада. Срединный квартал деревни тоже имеет свою джемаа. Поэтому жители деревни и говорят: наша джемаа, ваша или их. Так было всегда.

Конечно же, наша – самая лучшая. И я снисходительно посматриваю на другие, разумеется. Это дело принципа. Надо ценить то, что у тебя есть! У людей есть свои домишки, свои поля, но этого мало. Джемаа – не собственность квартала. Она принадлежит, как это представляют себе его жители, каждому из них. И когда говорят «наша джемаа», то каждый думает: «моя». И эта мысль его утешает, и хижина его уже не кажется ему такой маленькой... Он садится удобно на плитки, покрывающие её, или даже ложится, отдыхает, болтает с кем-нибудь. Люди рассаживаются рядом с ним, они все друг друга знают, они из одного и того же места в деревне. Здесь просторно, им всем хорошо. Не надо сидеть в тесноте. Конечно, по праздникам народу побольше. Ну и что! Все довольны своей компанией, и это приятно видеть, потому что это очень важно для жизни, это сплачивает людей, поддерживает их существование. Но даже если представить себе, что какой-то недобрый человек или даже враг сидит где-то с

ними рядом, то люди просто-напросто не будут касаться его, сделают вид, что не заметили его. Вот и всё. Джемаа принадлежит всем и каждому в частности.

Здесь стоят и широкие лавки. У подножия одной из них лежит крупная галька розового цвета, наполовину ушедшая в землю. Кто-то её когда-то давно принес сюда с берега реки. Но я её видел с детства. Здесь этот розовый гладкий камень так и лежит по сию пору. Феллахи точат о камень свои топоры, школьники – заостряют карандаши, а пастухи – свои старые ножи.

Она и моя, эта галька. Словно ждала моего возвращения, и я, идя домой, бросил ей приветливый взгляд. Мне тоже захотелось сесть подле неё... Я ещё заметил, что лавки были покрашены заново, плитка переложена. Площадь словно похорошела, ждала моего приезда. Я был её гостем. И розовая галька ждала меня.

Вот мы и встретились снова. В глубине души я сохранил образ прежней площади. Он несколько отличается от нынешнего. Но я предпочитаю именно тот. Это естественно. Прежде здесь стояла только одна покрытая лавка. Она предназначалась старосте или какому-нибудь важному в деревне лицу, например, ростовщику. Они тоже были из нашего квартала. Старосте все с удовольствием уступали место. Он был большой дипломат, вёл переговоры со старейшинами других кварталов, и мы гордились им. Поэтому он заслуживал почестей. Так было принято. Другой претендент на почётное место был толстый и важный, но его тоже все знали, и как только он появлялся на площади, то усаживался на лавку, занимая её почти всю. А если бы он сел на плитки, то всем пришлось бы сдвинуться и потесниться. И хотя люди не знали, почему этому толстяку надо оказывать почести и за какие такие его заслуги, все делали вид, что уважают его... Ведь никто не был уверен в том, что не придётся когда-нибудь воспользоваться его услугами, взять в долг денег. И в деревне было немало его должников... Кроме этих двух персонажей, на покрытую лавку не претендовал никто. Все садились где придется.

Но была и другая лавка, предназначенная старому Уссаде. Он был слепой и любил своё место. Знал его, часто сидел на нём, и люди так и называли эту лавку его именем. С тех пор так она и зовётся. Я сам знал этого старика мало, но и сегодня молодежь на площади называет это место «лавкой Уссады», без тени сомнения.

Я должен признать, что не часто в молодости посещал джемаа. У меня были другие предпочтения. И потому, наверно, подумал, что раньше площадь была как-то лучше... Но я ошибся. Наша джемаа изменилась действительно. Мне объяснили, что произошло. Один из старейшин нашего квартала объяснил мне, видя, что я готов его слушать, что на площади появилось много детворы, которая шумит и безобразничает. «Они никого и ничего не боятся! Никого не слушают! Считают себя хозяевами этого места!» «Но джемаа – для всех, – возразил я ему. – А дети любят резвиться...» «Да, конечно, это правда, – согласился он. – Но детей никто теперь не воспитывает. Они командуют родителями, да и в школе учителями... Меня это огорчает. Возможно, это тоска по былому. Дети насмеваются надо мной, молодые люди презирают. Да я их и сам не люблю. И пока жив, буду их воспитывать, не будет у них беспредела... Надоело делать вид, что никто ничего не замечает. Все забыли уроки предков». «Да, но времена меняются...» «Они меняются потому, что мы сами это позволяем... Да, джемаа – для всех. Для мужчин. Но настоящих мужчин больше нет. И джемаа больше не будет». «Это логично». «Логично? Сюда раньше приходили, чтобы вести себя так, как ведут себя мужчины, чтобы говорить, как мужчины, смотреть в глаза друг другу. Знать в лицо своих братьев и своих друзей. Но и врагов тоже. Сюда приходили слушать старейшин и учить жизни молодых. А теперь никто никому места не уступит на площади. Приходят покрасоваться... А джемаа хороша только тогда, когда люди, собравшись вместе, чувствуют себя одной семьёй, единой, целой, решительной и сильной. Так, во всяком случае, считалось раньше. И если кто-то зазнавался, мы

давали понять ему, что он – не из наших. И ему было стыдно. И он уходил с джемаа с разбитым сердцем. Джемаа – это людская честь. Это касалось не только нашего квартала. Джемаа – это место взвешенных слов, ответственности, мужественных поступков... Да, в прошлом детей не выгоняли с площади. Я помню. Но они приходили с взрослыми и сидели с ними рядом. Они знали, что сюда приходят серьезные люди... Ты же помнишь об этом!»

Да, я, конечно, помнил. Я был тогда совсем маленьким, сидел между двух взрослых и слушал, о чём они вели беседу... Иногда мы бросали свои игры, чтобы пойти и послушать, о чём говорят люди. Особенно, когда нам было уже по одиннадцать, двенадцать, тринадцать лет... По вечерам на площади собирался народ. Сюда приходили крестьяне с полей, чтобы отдохнуть... В домах оставались женщины и малыши. Дома ждал ужин. Но люди оставались на площади подолгу, иногда до глубокой ночи. Так у них проходила усталость... А мы здесь получали от ведущих беседы людей какие-то сведения о мире... Кто-то вернулся из дальних стран, побывал в Париже, в Европе, на севере и юге страны, на востоке и западе. Кто-то видел Англию, Америку. Кто-то рассказывал об угольных шахтах, в которых работал, о заводах, о тюрьмах, о забастовках, о концлагерях, кто-то о ярмарках и быстро, кто-то о девушках лёгкого поведения, кто-то о солдатских казармах, о сражениях на фронте... Мы так узнавали жизнь. И думали о тех, кто рассказывал истории своей жизни, как о героях романов, как о бесстрашных борцах, которые ничего не боялись, презирали опасность и не знали, что такое ложь... Ну и, конечно, многое на площади в разговорах людей касалось наших кровных дел, нашей жизни, нашей деревни. Мы кое-что знали. Но то, что слышали, было поучительно³...

Наши родители даже не сомневались в ценности того знания и поучения, которые их дети приобретали от «мудрецов» на посиделках на джемаа, от старших. К тому же это было весьма полезно, ведь все всё слу-

шали жадно и внимательно, верили всему, что говорят, и, в конечном счёте, многое усваивалось. Наше детское воображение бродило по всем уголкам земного шара без всяких помех, иногда даже не имея представления, где это всё находится. Но мы думали и мечтали о счастливом будущем, которое ждет нас, так же серьёзно, как и взрослые. Вымощенная плиткой площадь была твёрже мягкой постели, в которой снятся радужные сны... И уроки жизни, которые мы усваивали среди старших на джемаа, были пусть и нелегкими и даже иногда суровыми, но в сравнении со школьной моралистикой наших учителей более яркими. Да, мы любили «розовую водицу» школы, но она нас волновала меньше, чем собрания на джемаа.

Иногда – довольно часто, надо сказать, – мы не знали почему, но двое солидных мужчин вставали со своих лавок и выходили объясниться в центр площади. Это были волнующие моменты для нас, мальчишек. И мы были всегда на чьей-то стороне. Люди в центре схватывались, и их с трудом разнимали. Но это удавалось не всегда. Ссора разрасталась, борьба становилась жестокой, и среди присутствующих нередко разражался скандал. Мальчишки наблюдали за всем с интересом, но не вставали со своих мест. Но уж если кто-то был взволнован по-настоящему, то не удерживался и бросал камень в толпу. Но, так или иначе, всё кончалось миром, врагов разводили, и все усаживались по своим местам.

Лик спокойной джемаа очень респектабелен. Обычно большинство людей сидели прямо на площади, прислонившись к стенам домов, согнув колени до груди, спрятав ноги под свои длинные бурнусы⁴. Только голова настороже. И глаза поблёскивают любопытством. Около лавок аккуратно стояла снятая обувь. Это был знак того, что люди здесь отдыхают, не стесняясь друг друга, по-братски. Ведь феллахи, вернувшиеся с полевых работ, действительно устали. «Но при малейшей тревоге их бурнусы раскрывались, и из длиннополых одежд высовывались отдохнувшие ноги и немедленно надевали свою обувь... Это было знаком, что

площадь зашевелилась и сейчас начнётся что-то особенное...»

По правде сказать, повстречавшемуся мне по дороге домой старику Хамеду было о чём сожалеть, как и мне. Теперь здесь хозяйничает молодежь, меняя привычную жизнь деревни. Она решила объединить все собрания на разных джемаа в одно целое. И добилась своего с лёгкостью, но в этом была и какая-то насмешка над самими принципами нашего мироустройства... Молодежь посчитала, что на площадях не хватает девушек, ибо у стариков давно «прогнили мозги», они отстали от жизни и ничего не могут изменить... Теперь на площадях появились кафе... И теперь здесь нередко идет война между стариками и молодыми. К чёрту всякие там традиции!

Мне хотелось бы другого. Но я понимал, что молодых людей уже многое не устраивает в этом мире, и их не собьёшь с толку, и что именно им предстоит этот мир изменить...

Но вот как-то однажды ко мне пришли мои кузены, целая делегация. Они жили в том же квартале, что и я. И они мне сказали, что они против того, чтобы реставрировать только одну – главную – мечеть в деревне, как того захотели старики. «Надо, чтобы реставрировали и нашу, квартальную. И вообще, мы хотим, чтобы наша площадь была самой лучшей. И ты нам поможешь. Разве ты не наш? Это дело нашей чести. Старики нас предали. Но нам помогут другие, те, кто работает во Франции⁵, они уже собрали деньги. Каждый даёт, что может. Наша джемаа будет лучше других».

...Они ушли довольные, уверенные в том, что я их поддержу. Родной квартал, оказывается, значил для них больше, чем всё другое. Возможно, подумал я, так всё и случится, и через месяц наша площадь будет неузнаваемо прекрасной... Но найду ли я там свою розовую гальку?

Базар в Тлета

Некоторые вам обязательно посоветуют посетить базар. «Раз в неделю, чёрт побери,

уж можно и отдохнуть, и развеяться!» Развлекись, точнее. Но уж отдохнуть! Где там. Наш базар недалеко, слава богу! Шесть километров пешком туда и шесть обратно. Добрых три льё. Не считая тех километров, которые совершишь по самому рынку вокруг выставленных на продажу товаров. Ну ладно, некоторые действительно это посещение полагают развлечением, отдыхом, во всяком случае, делом менее обременительным, чем повседневные заботы. Однако этот еженедельный отдых имеет и свои неудобства.

В каком-то смысле это действительно приятно – пройтись по базару. И даже поучительно. Создаётся впечатление, что ты выпал из своей ракушки, чтобы увидеть, как огромен мир. В деревне не отдаёшь себе в этом отчёта, крутишься весь день, слушаешь одно и то же, ко всему привыкаешь... Но как только оказываешься в дороге, всё воспринимается по-другому. Со всех окрестных деревень спускаются люди, идут на базар. На каждой тропинке, вливающейся в большую дорогу, – другие, незнакомые тебе мужчины. Потом разные группы перемешиваются, идут друг за другом, обгоняют одна другую. Кто-то идёт пешком, кто-то едет на осле, на муле, кто-то берёт такси, залезает в проезжий грузовик, садится в автобус. Есть среди них те, кто отправился в путь налегке, ничего с собой не взяв, другие – нагруженные корзинами, третьи – погоняют животных, которые везут на себе товар. Кто-то ведёт стадо овец, которые поднимают на дороге облака пыли. Словом, с вами идёт целый мир, и ты – словно в море разных лиц, одежд, особенностей чужой жизни. Смотришь на себя как бы скромнее, сознавая, что здесь каждый занимает своё место. Тогда и говоришь себе, что ты – всего лишь человек среди себе подобных, один из них, хотя у всех – разный возраст, разное телосложение, разное поведение... Здесь можно встретить и жителей своей деревни, но замечаешь, как много из других горных племён. Те, кого хорошо знаешь, ведут себя не так, как всегда. Вид у них более значительный, сдержанный. Другие, наоборот, улыбаются, радуются встрече, болтают с тобой. Вообще

на дороге, ведущей к базару, атмосфера шумная, словно приближающая тебя к немолчному гомону и крикам места, где торгуют... Свою деревню, дом, семью, конечно, по дороге не забываешь, но они как бы остаются за пёстрым занавесом, который воплощает целое общество. Для тех, кто не привык жить в толпе, зрелище большого базара – очень впечатляющее и нелёгкое. Внутренне ты понимаешь, что ты сам по себе слаб и одинок, и все, кто тебя здесь толкает, тоже слабые и одинокие, что каждый из нас – это только мельчайшая частица какого-то огромного чудовища, невидимого, которое вас поглощает на несколько часов, заново формирует, меняет вам выражение лица, захватывает душу, наполняет чем-то таким, от чего невозможно освободиться, отделаться. И на ум приходит история торговца зерном.

Он был высокого роста, казался гигантом, но скромным и тихим, озабоченным только тем, чтобы повыгоднее продать своё зерно, но вовсе не показывать свою силу. Но однажды у него появился покупатель, который хотел купить его зерно и воспользоваться случаем, чтобы помериться с ним силой.

– Твое зерно не столь уж и хорошо, – сказал он, взял горсть из мешка и стал давить пальцами пшеницу, зёрнышко за зёрнышком. Потом превратил их в муку. Но это была пшеница твёрдых сортов, и продавец ответил ему со всем спокойствием: «Ты можешь идти и выбрать другое зерно. Базар большой». «Я знаю. Но я хочу купить побольше. Раза в два».

– Я всего лишь торговец. Продам тебе зерна, сколько ты хочешь. А ты мне заплатишь, сколько нужно!

Но когда он получил металлические монеты за свой товар, он их вернул покупателю, кроме одной, сказав:

– Я предпочитаю бумажные деньги, видишь ли. Поэтому возьми свои монеты, они фальшивые. Посмотри!

И раздавил оставленную себе металлическую денежку между пальцами, свернул в шарик и бросил покупателю в лицо.

– Заплати мне настоящими деньгами. И не делай шуму.

Так продавец получил причитающуюся ему сумму, а покупатель потерпел убыток и потерял свою гордыню.

Те, кто никогда не видел базар в Тлета, могут представлять его себе каким угодно их воображению. Реальность же их поразит не только тем, что базар огромен и там – тьма народу. Ещё там царит хаос, и надо уметь пробираться сквозь толпу и терпеть весь этот непередаваемый шум и гам, выкрики торговцев, споры продавцов и покупателей. Описать всё это невозможно, надо видеть и слышать этот наш базар!

В прежние времена он располагался на вершине холма, вокруг вековых дубов, которые давали тень и прикрывали своими могучими ветвями всё, что творилось на базаре. И потрошение животных, и мутную, зеленоватую жидкость, которая текла повсюду, и кровь в кварталах, где разделявали мясные туши... А на самих ветвях развешивались и связки лука, и полотнища цветастых шелков... Теперь дубы почти вымерли. Выжившие ужасно изуродованы, непривлекательны на вид, и от них никто не требует никаких услуг... Когда-то здесь было одно строение, в котором сидел какой-нибудь каид, глава деревни, или приходили жандармы. С другой стороны, это помещение было бюро судьи, к которому наведывались ростовщики, уличные зазывалы, старейшины или сироты.

Вокруг базара стояли хижины, плетённые из ветвей, или глиняные мазанки, в которых располагались на несколько часов лавочники – бакалейщики или продавцы тканей. Теперь здесь проходит дорога, опускающаяся с холма в долину. И базар образовался вдоль этой дороги, предназначенной для транспорта. В базарные дни она, как широкая улица, бурлит народом, а над ней возвышаются дома с балконами, построенные так тесно, что касаются друг друга. На вершине холма осталось четыре старых дуба и то небольшое строение, которое было раньше, где сидел каид, судья, ростовщик... Теперь здесь оставляют мулов и ослов, при-

вязывают их к толстому металлическому проводу, который висит между дубами, похожий на застывшую змею...

Мулы и ослы весело ржут, о чем-то секретируются, когда стоит хорошая погода, а когда льют дожди, терпеливо и с достоинством переносят непогоду. В жару они стоя спят с полужакрытыми глазами, подняв уши. В голове у них тяжело от смутных снов, и хвосты их раскачиваются в разные стороны, скорее свидетельствуя об их тупости и глупости, чем просто разгоняя мух...

Здесь же живут кузнецы, среди своей клиентуры, которую хорошо знают. Они подковывают скотину, хватая мулов то за одну, то за другую ногу, сгибая их, кладут себе на колено, подпиливают копыта, а потом покрывают их новым слоем железа, забивая гвозди без всякого сострадания, попадая точно в цель. На процедуру уходит минут пятнадцать. Зато скотина подкована на целых три месяца. Иногда животные бывают непокорными. Но кузнец делает своё дело, зная, что не поддастся их фантазиям, и это – целый спектакль, привлекающий немало зрителей...

Издали вершину холма не разглядывают. Посетители рынка сосредоточены на том, что происходит вдоль дороги, где царят базарные суета и шум. Но иногда на вершине холма происходят такие события, когда выюнные животные исчезают, их там попросту похищают, особенно в праздничные дни, и режут. Тогда над лужами крови и освещёванными тушами носятся стаи хищных птиц, и весь холм покрывается стекающими с его вершины ручьями липкой жижи... Слышатся стоны и блеяние приносимых в жертву животных, которым режут горло. Среди других животных, особенно домашних, начинается паника, бегают овцы и козы, начинают гудеть машины, которым они преграждают дорогу, а многих прохожих просто сбивают с ног... Люди тоже потихоньку начинают паниковать, но всегда находитесь кто-то, кто может навести порядок и укротить возникшие волнения.

Но чаще здесь, на базаре, народу меньше, чем в праздничные дни, и потому мень-

ше шума, конечно... Здесь много уже ставших привычными лавочек, где продают всякую всячину, и каждый знает, куда и зачем ему двигаться, чтобы купить то, за чем сюда добирался... Чем ближе к вершине холма, тем больше попадает мясных лавок и развалов с арбузами. Лавочники обычно сидят в глубине своих помещений, открыв двери на улицу. Покупателей встречают с улыбкой. Тех, кто знаком, называют по имени, это – верх вежливости и способ привлечения клиентуры. Особенно это радует феллахов, крестьян, они гордятся, что «стали знакомыми» не только жителям своей деревушки. И они раскошеляются. Покупают целый килограмм сахара, целый фунт кофе, побольше мыла, спичек, – ведь это всё так нужно в их далёкой деревне... Но, по правде говоря, лавочник делает им небольшую скидку и много, много улыбается. Оставляя деньги на этом базаре, крестьянин, конечно, оставляет мелкого бакалейщика в своей деревне без дохода. Но зато там можно всё необходимое взять в долг...

Но настоящий базар, конечно, это не лавочки и магазинчики этого места, похожие на такие же, что в соседних городках. Здесь главное – это площадь. И все идут туда, любят это место. Феллахи там не только тратят деньги на покупки, но и в зависимости от сезона продают там свой товар, если есть урожай винограда, черешни или груш. Эти их плоды здесь очень любят, они лучше, чем привезённые откуда-то издалека. А ещё на площади для богатых людей продаются особые овощи, за которыми они приходят сюда с плетёными корзинами. Здесь покупают цветную капусту, отборную морковь и прочие полезные плоды. Им позволяют выбирать, копаться в товаре, в разных сортах трав. Главное – продать. И продают. Много салатов, лука, помидоров, кабачков, пикантного перца, сельдерея. Крестьяне, торгующие на площади, обычно сидят на земле, подстелив под себя одежду или мешок, в котором тащили сюда выращенные на своих огородах плоды. Обычно к концу дня кучка этих плодов исчезает, но появляется пусть небольшая, но выручка, которая так радует.

Повыше площади, где торгуют овощами, устроились продавцы циновок, тряпья, старых кастрюль; здесь вам сделают сито, что-то приклеют, припаяют, починят обувь. Среди торговцев снуют детишки, предлагая вам купить у них голубей, курицу, петуха. Лапы у птиц связаны.

А неподалеку от торговцев овощами бродят десятки баранов; их выстроили в два ряда, и они, повернув голову в одном направлении, ходят по кругу, привязанные друг к другу одной веревкой. Так же ходят там и козы с козлятами, бычки и коровы... За рядами скотины расположились торговцы зерном – пшеницей, рожью, бобами, турецким горохом. На лужайке в конце дороги, ползущей на склоне, стоит кафе, рядом с ним – булочные, продавцы горячих лепешек и, наконец, стоят ряды торговцев кожами только что ободранных животных, ещё испачканные их кровью, землёй, на которой их разделявали. Рога убитых животных бросают на съедение собакам...

На площади и продавцы, и покупатели соревнуются друг с другом в хитрости. Одни хотят купить выгоднее, другие – продать подороже, но побыстрее освободиться от товара. Всеми правит одно желание – не прогадать, нетерпение не понести ущерба. Поэтому покупатели упрямо торгуются, будто забавляясь, а продавцы делают вид, что им безразличен этот спектакль, хотя и волнуются тоже. Когда же всеобщее нетерпение лопаётся, то торг начинает идти всерьёз, готовится решительный бой. Хотя всё это происходит без видимого огорчения и злобы... А вечером, когда базар отшумит и площадь опустеет, продавцы и покупатели разойдутся по своим домам, довольные или не очень, но убеждённые в том, что вели себя как настоящие мужчины: упрямо торговались, устраивали «засаду», прибегали к хитростям...

Конечно, легче продать корзину винограда или купить два мешка пшеницы. Но посмотрели бы вы, как покупают корову, быка или барана! Особенно к празднику. Это совсем не просто! Базар – это не для наивных новичков! И с него уходят со стыдом,

если кто-то позволил себя обмануть. Целую неделю будут терзать угрызения совести, но люди будут утешать себя тем, что в следующий-то раз они уже не прогадают... Возьмут реванш.

Те, кто знает правила рынка, соблюдают его хитрые правила, могут вести и нечестную игру, внешне сохраняя все приличия. Могут дать «честное слово», а потом не сдержать его, но так, чтобы никто не заметил. У них есть дар расхваливать товар, или, наоборот, недооценивать его, в зависимости от ситуации. Им удаётся задержать внимание покупателей или же избавиться от них. У них есть друзья, которых они опасаются, получают их советы, которым потом не следуют, а могут насторожить людей, которые во всём сведущи. Их трудно обмануть, но если уж такое произошло, они себя будут убеждать, что сделка была великолепной, и ничто не может поколебать их уверенности. Рынок – для настоящих мужчин! Женщинам здесь делать нечего. Надо быть смелым и уметь рисковать. Надо смотреть в лицо другому, не мигая, ничего не боясь, не краснеть от стыда, быть открытым и казаться честным. Только так можно спасти себя, своё достоинство.

Говорят, что в былые времена женщинам разрешали торговать на базаре. Но это продолжалось всего одну неделю. Продать им ничего не удалось. И их прогнали. И с тех пор их удел – ходить за водой к источнику. Там они могут наболтаться вдоволь, обменяться мнениями, посплетничать, пообещать и не выполнить своих обещаний, потом вернуться домой, ничего не потеряв, но и не выиграв. Мужчинам нельзя так попусту терять время. Три-четыре часа, и все сделки должны быть совершены, и каждый уходит с базара со своей долей добычи.

Надо ли говорить, что для нас самой важной покупкой и продажей является мясо? И надо немало денег, чтобы приобрести пару быков, да ещё одеть и накормить свою семью, особенно зимой? Мясо в пище – роскошь. Есть люди, для которых оно доступно довольно часто. Но и другим, несмотря ни на что, ни на какую нужду, время от време-

ни приходится ходить на бойню. И это становится праздником для всей семьи. Решение принимается накануне, после подсчёта всех денежных средств. Муж ставит в известность супругу, иногда и детей. И в ожидании отца и мужа на огонь ставится большая кастрюля, в которой варятся листья артишоков. Отец знает, что дети ему обязательно скажут: «Добро пожаловать!» Ведь утром они все благословили его: «Бог тебе в помощь!» Эти две формулы неразрывны в нашем языке и значат очень многое. («Отправляясь в дорогу, ты берешь с собой наши пожелания, но, возвращаясь домой, докажи, что ты должен быть принят с радостью!»)

Когда-то, несомненно, было стыдно возвращаться с пустыми руками или обманутым. Мужчина поэтому учился защищаться, как мог, торгуясь на базаре, чтобы путь домой был приятным. Теперь никто ни о чём не печётся, ни мужчины, ни женщины. Времена изменились. И если мужчина недоволен тем, что ему не повезло на базаре, он просто-напросто заливает своё горе рюмочкой. Пропускает её одну за другой с друзьями в придорожном баре и опустошает свой кошелек. Потом кое-как возвращается в деревню к полуночи. В таком случае жене ничего не остаётся делать, как промолчать. Да и детям тоже.

Вот почему все согласны: алкоголь приносит только зло. И всем бы хотелось, чтобы его не продавали, чтобы все «забегаловки» исчезли на базаре и повсюду. Предлогов для этого слишком много.

Тот, кто посерьёзнее, посещает «злачные места», прикрыв лицо полкой своего бурнуса, чтобы знакомые его не узнали. Но если он задержался там, то обязательно напьётся допьяна. И тогда «теряет стыд». Друзья его понимают и прощают. И во всём виноватыми оказываются те, кто торгует спиртным... Женщины, конечно, «злачных мест» не посещают никогда.

Но если уж отец семейства пришел на рынок с серьезными намерениями, его не затянет никто ни в мавританскую кофейню, ни в бар. Он идёт прямо на бойню. Мясники – более хитрые, чем другие торговцы. И

нельзя доверять ни их улыбкам, ни их клятвам. Наоборот, надо опасаться. Тем более что мясники – чаще всего темнокожие, а у них – просто нюх на покупателей. «Вот идет Рабах, – думают они. – Его надо обязательно позвать в лавку. “Эй, Рабах, – кричат они ему. – Подойди-ка сюда, посмотри, какая у меня говядина, то есть телятина! Да это же просто драгоценность! Жирная и нежная! Я знаю тебя, ты такую любишь. Ты знаешь толк в хорошем мясе! Знаешь, на что потратить свои денежки! Не станешь покупать всякую падаля! Давай! Подходи! Выбирай, что хочешь! Назначай свою цену! Я соглашусь! Ну же, быстрей!”»

Феллах хочет скрыться. Он боится этого жирного мясника с лоснящимся лицом, с блестящими глазами, с его улыбкой. Он быстро идет дальше. Но его хватает другой торговец. Феллаху надо как-то защищаться, он ищет поддержки у других покупателей. Они обступают продавца и начинают кто хвалить его товар, кто ругать, кто насмехаться над его ценами, кто угрожать ему. Продавец сопротивляется. Делает вид, что ничего не слышит, не видит. Или отвечает невпопад. Люди постепенно расходятся. Здесь, как на площади. Терпеливая борьба, сражение за выгоду. Вопрос привычки. Люди здесь знают, у кого покупать, когда и что...

Есть мясники, которые угадывают точно своих клиентов. И тогда уж этим не избежать покупки. И уходит покупатель либо с кусочком тонкого филе, либо с целой тушей на плечах... Мясники – большие психологи. Им надо, конечно, зарабатывать на жизнь. И они не стесняются. Не скрывают этого. Мы все это знаем. Но не уверены, что и они слишком богаты... «Наше ремесло очень поучительно, – говорил мне один из них на базаре. – Без ложной скромности должен вам сказать, что мы – сильные люди. Очень! Короли базара! Иногда работаем ради удовольствия даже. И вообще приятно видеть, что здесь есть такие же, как и я, те, кто знает цену мяса, своего товара, умеет сопротивляться другому. Правда, бывают упрямые клиенты. Привяжутся к одной цене и ни с

места! Но это понятно. Они не могут заплатить дороже. И мы уступаем. Немного страдания, конечно, но главное – он платит деньги, и мы остаемся с какой-то выручкой...

Вообще я понимаю быстро, к примеру, старика, – продолжал мясник, – который развязывает свой платок скрюченными дрожащими пальцами, доставая деньги. Он же скуп. Ему прислал перевод сын, который работает во Франции. Деньги смятые, но новенькие. Он только что с почты. И приберёт бы их себе на чёрный день, но внуки просили принести домой мяса. Ну, а те, кто вернулся из Франции, те для нас всегда желанные покупатели. Они никогда не торгуются, хотя особо и не разбираются в товаре... Мы этим пользуемся, конечно.

Чиновники и знать тоже не пропускают базарных дней. Они хотят нас перехитрить. Мы им подыгрываем. Они ведь наши клиенты тоже, хотя и наши противники одновременно. С ними не всегда мы выигрываем. Но они об этом предпочитают не говорить.

Крупные землевладельцы сюда наведываются редко. Они режут скотину у себя время от времени. А когда идут на базар, то покупают почти всё. Один раз в год можно быть и щедрым!

Не скупятся и те, у кого дома намечается праздник: свадьба, рождение ребенка, его обрезание... И тогда у нас случается маленький праздник, когда мы приобретаем к их радостям! Радость – она заметна. Не то что хмурый вид крестьянина, кто молча берёт свой пакет с мясом одной рукой, а в другой держит деньги и всё никак не может их вам отдать...

Ну, а вообще мы здесь не для того, чтобы проигрывать. Хотя выручка наша – не такая уж большая прибыль. В руках жителя Кабилии её остаётся немного. Бог даёт, бог и берёт. А мы – верующие люди. И нет, уверяю вас, ни одного среди нас, мясников, человека, который не слышал бы голос нужды и печали. И мы все, в целом-то, бедняки. Ведь даже быков для бойни мы покупаем в кредит. А о нас, особенно чернокожих, говорят невесты что... Но Бог, он всё знает...

Это правда. Они, мясники, короли базара. Но мясо, которым они торгуют, порой доводит людей до бутылки...

По вечерам, когда шум базара смолкает, все идет по домам, мясникам, бывает, достаются остатки их товара. Они довольны, улыбаются друг другу. И люди улыбаются им... Хотя случаются и ссоры. Это значит, что они что-то не поделили между собой.

У светлого источника

К источнику наши девушки ходят с удовольствием. Ведь у них нет джемаа, как у мужчин, и источник воды служит для них их местом сбора. Там можно поболтать, позабавиться и посмеяться вдоволь, пока наполняется кувшин. Ходят туда группами, обмениваются новостями, завязывают знакомства, избегают сплетен.

И хотя мы, мужчины, знаем, что молодые тянутся к источнику всем сердцем, по сути дела мы не очень-то в курсе, что там происходит. Разве что понимаем, что это такая же приятная и необходимая часть жизни, как джемаа, кафе и работа в поле. Без воды из источника наше существование немислимо. Мы не можем обходиться без воды, за которой приходится ходить иногда далеко, и потому мы тщательно нормируем её потребление, особенно летом...

Когда-то, как рассказывают в Кабилии наши старики, жители не обитали на голых холмах, а строили свои хижины в густых лесах, что их покрывали. И у каждого был в лесу неподалеку от дома свой родник, откуда набирали воду. Но когда люди стали переселяться ближе к вершинам гор⁶, им надо было смириться с тем, что придётся спускаться по холмам вниз, чтобы принести домой кувшин питьевой воды. Вначале как бы убежали от своих родников, для безопасности поднялись повыше в горы, а вот теперь необходимо ходить по воду к далёкому источнику... Надо уточнить, конечно, что этот источник может быть ручьём, который живёт только летом, течёт, не пересыхает, или родником, который бьёт из горы и зимой, и весной, и под которым вырыли углубление,

где собирается вода. Его окружают инжирные деревья, создавая тень; склон горы увит виноградной лозой... Внизу, на склоне, виднеется живописная долина. Ну и, конечно, есть «классический» источник, у него свой резервуар, вокруг него соорудили четырехугольный бассейн, устроили медные краны, укрепили каменными столбами и выложили керамической плиткой. Словом, как городской фонтан. Такой фонтан в горах сделали не так давно с помощью французского помещика, которому помогали все мужчины нашей деревни.

Конечно, расстояние до источника может быть разным в разных деревнях. Но редко превышает два километра. И хотя женщинам, несущим на спине или на плече свои кувшины, приходится нелегко, всё-таки ноша их не столь уж невыносима. На полевых работах приходится порой труднее.

Само собой, все ждут, что жизнь в деревне улучшится и участь наших хозяек изменится, когда в каждом доме появится водопровод... А пока все ждут, воду нам даёт Господь Бог. Не вдоволь, конечно, но бесплатно. Свежую и чистую. И наши женщины приносят её нам в глиняных кувшинах. Мужчины за водой не ходят. Таково правило нашей жизни. Оно – неписаное, но передаётся по традиции из поколения в поколение. Это не обсуждается. Это уже вопрос приличия, если хотите. И мы в том убеждали тех, кто из любопытства хотел бы посмотреть, как женщины ходят по воду.

У всех существуют места, где люди не хотят видеть других: в спальнях своих домов, или на кухнях, или даже во всём своём доме. У нас таким местом является светлый источник. Там женщины делают, что хотят, и им там привольнее, чем в собственном доме. Ну вот, мы и позволяем им эту свободу и оставляем их там в покое. Для них, живущих в наших бедных и суровых краях и деревнях, источник – место отдыха, веселья даже, просто роскошь, которую мы будто бы презираем, а на самом деле гордимся потихоньку. И нет ни для кого места более печального, чем заброшенный родник. Мы все хотим его почистить, оживить и заставить

ходить к нему наших женщин – жён и дочерей. Пусть они там чувствуют себя на свободе и делают, что хотят, не заботясь о мужской ревности, забыв на время все свои заботы! Забыв о скромности даже, о своей нищете. И когда они, окликаая друг друга, идут по площади со своими кувшинами с водой, показывая изгибы своих тел, мы, мужчины, любуемся ими, и нам кажется, что вся деревня вышла на прогулку, просто подышать свежим воздухом... Мы не думаем о том, что кто-то смотрит на наших жён и дочерей и находит их сильными и красивыми. Но, конечно, все знают меру и никто не позволяет вольностей.

Молодой человек никогда не позволит себе подойти и встать рядом с женщиной, ни тащиться за ней, ни переходить ей дорогу. Девушки же, хорошо воспитанные, идут, не оглядываясь на мужчин. Но случается, конечно, что чьи-то взгляды пересекаются, что может вспыхнуть искра надежды на новую встречу, и что она может повториться ещё, а там, может быть, и свадьба не за горами... И тогда родители берут ситуацию под своё наблюдение, а порой и договариваются о судьбе молодых. Мы все знаем, что такое случается. Но знаем и о том, что молодым, прежде чем пожениться, надо несколько раз встретиться...

У источника оказывают помощь пожилым женщинам, которые плохо видят. Мамаша следят за дочерьми, чтобы те не меняли часто подруг и компании. Учат быть гордыми и не уступать молодым людям. Скромность превыше всего. Главное – не потерять своё достоинство. Не «пасть» в глазах других...

Совсем молодые девочки тоже ходят со старшими к источнику. У них – крошечные кувшины, которые они привязывают к поясу и учатся с ними ходить. Носят их с водой на бёдрах. Это даже красиво.

У источника, как и на площади, на джемаа, каждый знает своё место. И у каждого свой характер. Одни – хохотушки, другие молчаливы, третьи гордятся своими нарядами, четвертые им завидуют, пятые любят поспорить и даже подраться, другие похва-

статься, но все так или иначе находят свою подружку, договариваются как-то.

Лучшие дни для походов за водой – это праздники. Все в это время принаряжаются, и наполнить кувшины – это ещё один повод выйти из дому. Никто не торопится набрать воды. Надо, чтобы другие успели оценить твоё платье, твои украшения или хотя бы полюбоваться на твоё личико. В эти дни многие поют, танцуют потихоньку вдали от мужчин, которые заняты другими приготовлениями к празднику: режут баранов, если принесли с рынка, свежую тушу...

А когда случаются свадьбы в деревнях, то ждут целую неделю выхода новобрачной из дома жениха. И её первый «визит» – к источнику, вместе со всеми. Мать её надела красивое платье. А подружки поджидают её на пороге своих домов. Самая храбрая подбегает к ней с новым кувшином. Кортёж, сопровождающий новобрачную, всё растёт, пока идёт по главной улице, из переулков выбегают посмотреть на женщин любопытные...

Когда молодая супруга красива или богата, или уважаема всеми, то вся процессия выглядит очень нарядной и красочной: на головах у женщин цветастые платки, все одеты в свои лучшие платья, на плечи набросили лёгкие шёлковые шарфы, которые развеваются на ветру. Но новобрачную сразу угадаешь. Она – наряднее всех. Она отвечает на приветствия застенчиво и радуется поздравлениям и пожеланиям богатства и процветания. Женщины знают, что щёки её заалели под слоем белой рисовой пудры. Иногда молодая супруга не скрывает своей радости. Она – просто на облаках от счастья. Это – лучший из её дней. Ей хотелось бы бесконечно долго идти к светлоте источнику...

И когда, наконец, женщины подходят к нему, ей позволяют первой зачерпнуть из него воды в свой новый кувшин. И пока вода булькает в его узком прямом горле и опускается на дно амфоры, новобрачная шепчет стихи, которые её почитала мать перед уходом из дома и которые она выучила на память:

О, родник моих далёких предков!
Кому не ведом вкус твоей воды!
В нём – сок зерна колосьев спелых
И хлеба вкус, что нас вскормил!
О, всемогущий Бог! Пусть меня любят
в доме,
Как люди любят свой родник!

Перевод С.В. Прожогиной

От переводчика. Книга М. Ферауна была издана после его гибели, в конце 1960-х годов. Написана раньше, но и не позднее начала 1950-х годов. С тех пор «пейзаж» жизни Алжира, конечно, изменился. И многое из того, что успел зафиксировать писатель, ушло в прошлое. Жители горного края если ещё и соблюдают старинные обычаи, то в тех немногих селениях, которые остались в Кабилии после двух опустошительных войн, одна из которых была с колонизаторами (1954–1962 гг.), а другая (1989–2003 гг.) – гражданская, с исламским интегризмом, стёршим с лица земли многие кабийские деревни, где укрывались партизаны, воюющие на стороне алжирского государства. Поэтому «Дни Кабилии» останутся в памяти читателей как образец традиционной жизни, ценностей, определявших самобытность одного из самых больших этносов, составляющих алжирскую нацию.

Примечания

¹ О нём см. работы на русском языке: *Джугаивили Г.Я.* Алжирский роман. М., 1974; История литературы Магриба. М., 1993. Т. Алжир; *Прожогина С.В.* Любовь земная. М., 2004.

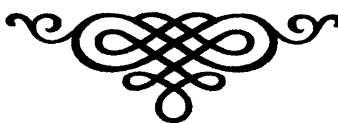
² Фрагменты повести: *Feraoun M.* Jours de Kabylie. P., 1968.

³ Не будем забывать, что речь идёт о времени подъёма национально-освободительного движения против колониализма.

⁴ Плащ из грубой дмотканой материи, с капюшоном.

⁵ Трудовая эмиграция алжирцев во Францию началась довольно рано, а к началу XX века и накануне Первой мировой войны только усилилась.

⁶ Порой спасаясь от нашествия чужеземцев, а с 1830 г. – от французских колонизаторов, захватывавших плодородные горные долины.

М.Е. Малевинская

**ИЗДАНИЕ АННОТИРОВАННЫХ ПЕРЕЧНЕЙ ДОКУМЕНТОВ
ПО ИСТОРИИ ЯПОНИИ И КОРЕИ
(XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА) ИЗ ФОНДОВ РГА ВМФ**

В течение последних нескольких лет Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) подготовил и выпустил из печати два аннотированных перечня документов по истории Японии и Кореи, а также по российско-японским отношениям.

Первый из них – «История Японии в документах Российского государственного архива Военно-морского флота (XVIII – начало XX века)», СПб. – Токио, издательство Гиперион, 2011 г. Основу этого перечня составили документы из 45 фондов архива за 1725–1913 гг. При этом перед авторами-составителями не стояла задача выявить абсолютно все документы из этих фондов, имеющих отношение к заявленной теме, поэтому общее количество аннотаций из столь значительного списка фондов составило всего лишь 1344 позиции.

Многие из вошедших в перечень документов уже были ранее использованы архивом в различных видах деятельности (сборники документов, подготовка статей и т.п.). Наиболее полно представлены документальные материалы из фондов 240 «Эскадра в Китайских водах контр-адмирала И.Ф. Лихачёва», 410 «Канцелярия Морского министерства», 536 «Отряды судов в Тихом океане», 650 «Эскадра Тихого океана».

Примерно четвертая часть документов отражает период от первых контактов с Японией до подписания первого российско-японского договора Е.В. Путятиным в 1855 г. Большое место занимают документы о посещении российскими военными судами японских портов, в которых представлены сведения об экономическом развитии страны, внутривнутриполитической ситуации, вооружённых силах, международных контак-

тах. Незначительная часть материалов этого перечня посвящена событиям Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Описание документов дано в хронологическом порядке – на наш взгляд, это значительно облегчает поиск необходимых сведений. Каждая статья имеет порядковый номер, дату документа, его аннотацию и шифры.

Научно-справочный аппарат издания составляют краткий терминологический словарь, список сокращений, географический, именной и судовой указатели, список фондов. В качестве приложения представлен перечень кораблей, посещавших порты Японии в 60-х годах XIX века (с указанием номеров дел фонда 870 «Вахтенные и шканечные журналы (коллекция)»).

Это издание вышло на двух языках – русском и японском – как первый итог сотрудничества РГА ВМФ с Историографическим институтом Токийского государственного университета и получило положительные отзывы исследователей как в России, так и в Японии.

Вполне естественным, в связи с этим, стало решение продолжить эту работу. Тем более что в 2010 г. поступило предложение от Корейского государственного Фонда истории Северо-Восточной Азии провести выявление материалов и подготовить перечень по истории Кореи и Японии на основе документов фонда 32 «Алексеев Евгений Иванович, адмирал», но выбрав уже более целенаправленный и углублённый подход. После подготовительной работы было признано целесообразным провести тщательное выявление и аннотирование документов не только из фонда Е.И. Алексеева, но также из фондов, имеющих непосредственное отно-

шение к деятельности Алексеева как наместника на Дальнем Востоке. В их число вошли: фонды 467 «Временный морской штаб наместника на Дальнем Востоке», 469 «Морской походный штаб наместника на Дальнем Востоке» и 650 «Эскадра Тихого океана». В целом документальные материалы этих фондов довольно подробно освещают деятельность адмирала Е.И. Алексеева и его аппарата на Дальнем Востоке, а также политическое и экономическое положение стран региона в самом конце XIX – начале XX века.

Осуществить издание этой работы на двух языках не удалось, поэтому в архиве было принято решение подготовить самостоятельное издание на русском языке. Перечень «История Японии и Кореи в документах Российского государственного архива Военно-морского флота» вышел из печати в 2015 г. (СПб., издательство «Гиперион»). Общее количество статей, вошедших в это издание – 1047, они охватывают период 1875–1910 гг. Его структура несколько отличается от упомянутого выше перечня 2011 года. Прежде всего, в нём размещён большой очерк о жизни и деятельности адмирала Е.И. Алексеева (автор – к.и.н. С.В. Чернявский, который в это время возглавлял РГА ВМФ), а также развёрнутое предисловие от автора-составителя, чего в первом издании вообще не было предусмотрено. Это стало возможным благодаря включению в книгу справок по каждому из четырёх фондов, над которыми шла работа.

Самым значительным среди этих фондов является фонд адмирала Алексеева. К нему всегда проявляли повышенный интерес специалисты, которые занимаются дальневосточным регионом, – это касается как российских, так и зарубежных исследователей. Фонд Е.И. Алексеева в настоящее время насчитывает 511 единиц хранения за 1871–1917 гг., в которых сохранились отдельные биографические и имущественно-хозяйственные материалы. Значительную часть документов фонда составляют служебная документация, а также переписка адмирала с военными и морскими началь-

никами, дипломатами, различными чиновниками.

Фонд 467 «Временный морской штаб наместника на Дальнем Востоке» содержит 713 единиц хранения. В марте 1898 года согласно конвенции, заключённой между Россией и Китаем, Россия получила в аренду на 25 лет юго-западную часть Ляодунского полуострова. На этой территории была образована Квантунская область, размещены вооружённые силы и сформированы органы управления, в том числе и флотом. 16 августа 1899 г. был создан Морской отдел штаба Квантунской области¹.

23 апреля 1902 г. в соответствии с приказом №49 по морскому ведомству Морской отдел приказом командующего морскими силами в Тихом океане №143 был выделен из штаба Квантунской области в самостоятельную структуру – штаб командующего морскими силами в Тихом океане².

В это же время начал свою деятельность на Дальнем Востоке наместник императора³, в связи с чем 28 августа 1903 г. штаб командующего морскими силами в Тихом океане был переименован во Временный морской штаб наместника на Дальнем Востоке⁴. После объявления Японией войны России адмирал Алексеев стал главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами и сформировал органы полевого управления в Мукдене, а Временный морской штаб приказом наместника № 189 от 24 февраля 1904 г. был расформирован⁵.

Текущие документы штаба, необходимые наместнику для повседневного руководства, были отправлены в Мукден, а затем в Петербург, где в 1905 г. были сданы в архив Морского министерства. В фонде сохранились материалы (в настоящее время 713 ед. хр.), отражающие: формирование и деятельность органов морского управления на Дальнем Востоке, боевую готовность, снабжение и комплектование личным составом; подготовку к войне с Японией (донесения морских агентов, деятельность Постоянной комиссии по обороне Квантунской области и т.п.); участие морских и сухопутных сил в подавлении боксёрского восстания в Китае

в 1900–1901 гг.; вопросы гражданского управления в Квантунской области, а затем и в наместничестве.

Фонд 469 – «Морской походный штаб наместника на Дальнем Востоке». 7 февраля 1904 г. на базе управления Временного морского штаба в Мукдене была сформирована Морская походная канцелярия при полевом штабе наместника на Дальнем Востоке⁶, но уже 16 марта приказом №256 Морская походная канцелярия была переименована в Морской походный штаб наместника на Дальнем Востоке⁷.

12 октября 1905 г. адмирал Е.И. Алексеев был освобождён от должности главнокомандующего сухопутными и морскими силами и отозван в Петербург. Штаб также перебазировался в Петербург, где и был расформирован 19 марта 1905 г. приказом по морскому ведомству №53⁸. Основная часть документов была сдана в архив Морского министерства 21 июля 1905 г.⁹

В настоящее время в фонде содержится 229 единиц хранения, в которых имеется информация о состоянии русского флота на Дальнем Востоке в предвоенный период, а также после начала боевых действий против Японии. Это рапорты, донесения и телеграммы о военной обстановке на Тихоокеанском театре, в районе Порт-Артура и Владивостока; о гибели, интернировании, ремонте и снабжении судов; планах обороны и обстоятельствах сдачи крепости Порт-Артур. В фонде также имеются приказы наместника, циркуляры штаба, материалы по личному составу и гражданскому управлению в Квантунской области.

Фонд 650 – «Эскадра Тихого океана» был фрагментарно использован при работе над первым перечнем. Во второй половине XIX в. для защиты интересов России на Дальнем Востоке в Тихом океане постоянно присутствовал отряд судов из состава Балтийского флота. 19 февраля 1887 г. состоявшееся в Петербурге особое совещание по докладу управляющего Морским министерством приняло решение об увеличении состава морских сил в Тихом океане до эскадры, «которая бы не уступала бы по крайней мере ан-

лийской»¹⁰. 18 января 1888 г. в командование эскадрой вступил вице-адмирал В.П. Шмидт¹¹. При нём был сформирован штаб эскадры в составе флаг-капитана, двух флаг-офицеров, флагманских штурмана, артиллериста, минного офицера, механика, обер-аудитора и врача¹². В своей деятельности начальник эскадры руководствовался инструкцией управляющего Морским министерством.

В 1895 г. в связи с началом Японо-китайской войны на Дальний Восток была перебазирована эскадра Средиземного моря. Эскадра Тихого океана вошла в состав соединённых эскадр под общим командованием вице-адмирала С.П. Тыртова. До 15 марта 1898 г. эскадра Тихого океана базировалась на Владивосток, а затем на Порт-Артур, который стал главной базой русского флота на Дальнем Востоке. Отдельные суда эскадры несли стационарную службу в иностранных портах¹³. Состав эскадры не был постоянным и зависел от политической обстановки в регионе.

После В.П. Шмидта эскадрой командовали вице-адмиралы П.Н. Назимов (1889–1891 гг.), П.П. Тыртов (1891–1892 гг.), С.П. Тыртов (1893–1895 гг.), Е.И. Алексеев (1895–1897 гг.), Ф.В. Дубасов (1897–1899 гг.), Я.А. Гильтебрандт (1899–1900 гг.), Н.И. Скрыдлов (1900–1902 гг.), О.В. Старк (1902–1904 гг.) и контр-адмирал В.К. Витгефт (1904 г.).

В период Русско-японской войны эскадра Тихого океана принимала активное участие в обороне крепости Порт-Артур. 17 апреля 1904 г. приказ по морскому ведомству предписывал эскадру, находящуюся в водах Дальнего Востока, именовать Первой эскадрой флота Тихого океана¹⁴. Возглавил эскадру вице-адмирал П.А. Безобразов¹⁵. Фактически же эскадра Тихого океана оставалась под временным командованием контр-адмирала В.К. Витгефта, при котором функционировал штаб эскадры.

20 декабря 1904 г. в связи с капитуляцией Порт-Артура и гибелью судов бывшей эскадры Тихого океана приказом по морско-

му ведомству командующим Первой эскадрой был назначен командующий отрядом крейсеров в Тихом океане. 31 декабря 1904 г. на основании телеграммы начальника Главного морского штаба штаб командующего Первой эскадры флота Тихого океана был упразднён¹⁶.

Документы эскадры Тихого океана поступили в архив в 1907 г. Наименование фонду дано по основному соединению, существовавшему на Тихом океане в 1888–1904 гг.

Фонд содержит 837 единиц хранения – это материалы за 1882–1905 гг. (частично предшественников): приказы, циркуляры, отчёты; донесения о плаваниях и участии в боевых действиях; строевые рапорты; переписка с российскими консульствами в регионе и флагманами иностранных держав; сведения о ремонтных работах и снабжении судов; судебные и следственные дела, материалы по личному составу.

В основе этого перечня также лежит хронологический принцип. Даты приводятся в точном соответствии с документами. Если несколько документов имеют одну и ту же дату, то они располагаются по порядку номеров фондов (от меньшего к большему). Описательная статья включает в себя порядковый номер документа, его дату, аннотацию, номер фонда, описи, дела и листа. Также указываются подлинность документа и его язык, если документ написан на иностранном языке. Все имена собственные и географические названия приведены в соответствии с текстом документа, несмотря на то, что очень часто в их написании допущены ошибки. К перечню приложены именной указатель и указатель географических названий. В это издание также включены иллюстрации: свидетельство о награждении капитан-лейтенанта Е.И. Алексева орденом Восходящего Солнца (1882 г.); карта южной пограничной полосы Азиатской России: Корея (1887 г.); план глазомерной съёмки заводи бухты Мозампо, выполненной лейтенантом Пилкиным 24 апреля 1899 г.; фотографии, сделанные на русском участке острова Роз на рейде Чемульпо в 1900 г.; справка о

сравнительных данных японской и русской эскадры Тихого океана, подписанная контр-адмиралом Витгефтом (июнь 1901 г.); японская телеграфная азбука (1903 г.); проект соглашения с Японией, подписанный генерал-адъютантом Е.И. Алексеевым и посланником в Японии бароном Р.Р. Розеном 14 сентября 1903 г., и др.

С целью сделать это издание более доступным для исследователей в Японии в настоящее время рассматривается вопрос о его возможном переводе на японский язык.

После выхода из печати первых двух изданий и большого количества положительных отзывов о работе было принято решение продолжить её. Проанализировав состав предыдущих перечней, решили взять в работу фонд 417 «Главный морской штаб», который в незначительной степени был представлен в первом издании. Однако уже в ходе работы с материалами указанного фонда посчитали необходимым сначала обратиться к документам фонда 283 «Инспекторский департамент Морского министерства», который являлся предшественником Главного морского штаба.

Инспекторский департамент был учреждён 26 января 1827 г. по указу императора Николая I. В его состав вошли упразднённые этим же указом «военная по флоту канцелярия» и инспекторское отделение хозяйственной экспедиции Адмиралтейств-коллегии¹⁷.

В первые годы своего существования департамент подчинялся Управлению дежурного генерала (до 1836 г.), а затем управляющему Морским министерством (1836–1884 гг.). Под его управлением были личный состав флота и морского ведомства, строевая и распорядительные части флота. Департамент вел учёт личного состава флота, осуществлял составление программ плавания судов, следил за их передвижением.

Указом императора Александра III от 20 февраля 1884 г., объявленным 25 февраля этого же года приказом по флоту и морскому ведомству, инспекторский департамент преобразован в Главный морской штаб¹⁸. Это было сделано с целью дальнейшего

улучшения системы управления морским ведомством и создания органа для управления флотом, который должен был стать центральным органом оперативно-стратегического управления в Морском министерстве. Согласно Положению, на него возлагалось управление всеми боевыми силами флота, заведование строевой частью и личным составом, а с 1891 г. и учебным делом на флоте. В том же году был упразднён морской учёный комитет и в составе штаба был образован военно-морской учёный отдел¹⁹, который был разделён на две части: распорядительно-учебную и стратегическую (на неё возлагалась разработка планов, мобилизации флота и военно-морской статистики иностранных государств). В 1906 г. стратегическая часть была ликвидирована, а её функции перешли к Морскому генеральному штабу.

В связи с созданием Морского генерального штаба функции Главного морского штаба всё время сужались и к 1917 г. свелись к управлению личным составом флота, заведованием строевой частью флота и учебным делом. Постановлением Временного правительства от 6 июня 1917 г. Главный морской штаб был переименован в Главное управление по делам личного состава флота (ГУЛИСО) в составе трёх отделов (офицерского, матросского и распорядительного)²⁰. В апреле 1918 г. Управление было ликвидировано: «В связи с демобилизацией старого флота и переходом к комплектованию флота по вольному найму является необходимым ликвидировать Главное управление по делам личного состава флота, ввиду непригодности его для работ по обслуживанию красного флота»²¹.

В фонде 283 – «Инспекторский департамент Морского министерства» имеется 21007 единиц хранения за 1827–1891 гг. (всего 5 описей). В составе фонда – рапорты и донесения о действиях флотов и флотилий в период военных действий; о постройке, оснащении и плавании судов, участии военных моряков в кругосветных плаваниях и научных экспедициях; отчёты, рапорты и донесения командиров портов; годовые от-

чёты и сметы; материалы по личному составу.

Фонд 417 – «Главный морской штаб» в настоящее время насчитывает 25274 единиц хранения за 1884–1918 гг. и состоит из 6 описей, составленных по структурно-хронологическому принципу. Материалы в архив поступали частями в период с 1888 по 1930 г. (до 1919 г. – непосредственно от фондообразователя, а затем из УВМУЗ, строевого отдела штаба морских сил Республики, архива внешней политики и других источников). В составе фонда – приказы, распоряжения, отчёты, положения, доклады, рапорты и другие документы о развитии российского флота; об изобретениях и усовершенствованиях в области кораблестроения, воздухоплавания; о закладке, строительстве, спуске кораблей и их плаваниях; о строительстве военно-морских баз, портов и крепостей; о боевых операциях флота в период Русско-японской и Первой мировой войн. В материалах фонда содержатся данные о политико-экономическом положении иностранных государств и состоянии их вооружённых сил, об охране морских промыслов в северных и дальневосточных морях России; об участии морского ведомства в международных конгрессах и всемирных выставках, а также об организации научных экспедиций и их комплектовании; о плавании судов Добровольного флота; крушениях судов. Имеется большое количество документов по личному составу флота.

Перечень, в основе которого лежат документы из указанных выше фондов, состоит из 1296 статей за 1843–1917 гг. Статьи составлены по аналогии с двумя предыдущими изданиями и содержат сведения о миссии Е.В. Путятина, пребывании российских судов в портах Японии в различные годы; рапорты командиров разного уровня о плаваниях, отношении японцев к российским морякам, контактах с японскими официальными лицами; описания географических объектов Японии; рапорты морских агентов в Японии со сведениями о внутриазиатском положении Японии, её экономике, со-

стоянии вооружённых сил, флота. Целый ряд статей освещает вопрос о содержании военнопленных периода Русско-японской войны 1904–1905 гг.; список лиц, похороненных на Русском кладбище в г. Нагасаки; многочисленные документы о представлении японских подданных к награждению российскими орденами; имеется ряд документов о посещении Японии членами дома Романовых. В настоящее время перечень переведён на японский язык и предполагается, что в начале 2018 года издательство «Гиперион» полностью завершит работу над ним и он выйдет из печати.

Примечания

¹ РГА ВМФ. Ф. 467 «Временный морской штаб наместника на Дальнем Востоке». Оп. 1. Д. 8. Л. 9–11.

² Там же. Д. 385. Л. 153.

³ Наместничество образовано 30 июля 1903 г.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 467. Оп. 1. Д. 382. Л. 348.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 122.

⁷ Там же. Л. 212.

⁸ Там же. Д. 41. Л. 64.

⁹ Там же. Д. 47. Л. 363–366.

¹⁰ Там же. Ф. 417 «Главный морской штаб». Оп. 1. Д. 311. Л. 8, 11.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 650 «Эскадра Тихого океана». Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

¹² Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 189. Л. 163.

¹³ Стационар – судно, постоянно находящееся на стоянке (на станции) в каком-либо иностранном порту или на службе в определенном районе.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2925. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. 523 «Отряд крейсеров в Тихом океане». Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 159.

¹⁷ Там же. Ф. 203 «Военная по флоту канцелярия». Оп. 1. Д. 1375. Л. 1–16; Ф. 283 «Инспекторский департамент Морского министерства». Оп. 1. Д. 131. Л. 1–18.

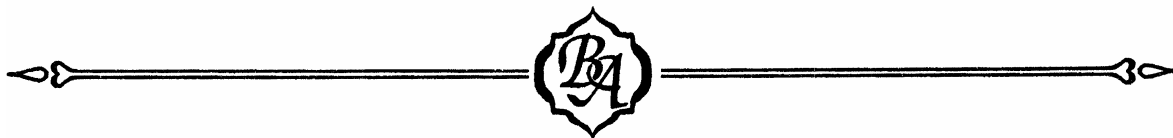
¹⁸ Указатель правительственных распоряжений по морскому ведомству. СПб., 1885 г. Л. 87–90 (приказ № 30 от 25 февраля 1884 г.).

¹⁹ Указатель правительственных распоряжений по морскому ведомству. СПб., 1892 г. Л. 678–679 (приказ № 117 от 31 октября 1891 г.).

²⁰ РГА ВМФ. Ф. 249 «Приказы по флоту и морскому ведомству (коллекция)». Оп. 1. Д. 105. Л. 193.

²¹ Систематический сборник постановлений Народного комиссариата по морским делам с 25 ноября 1917 г. по 31 декабря 1918 г. С. 39 (приказ № 288 от 13 апреля 1918 г.).

НАШИ АВТОРЫ

БОЛДЫРЕВ Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boldirew.andrei2011@yandex.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ЗАЙЦЕВ Илья Владимирович – доктор исторических наук, ВРИО директора ИНИОН РАН. E-mail: ilyaAugust@yandex.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

ЛИСИЦЫНА Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного педагогического университета. E-mail: lisitsyna2n@mail.ru

МАЛЕВИНСКАЯ Марина Евгеньевна – кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного архива Военно-морского флота (Санкт-Петербург). E-mail: male-marina@yandex.ru

МАРАХОНОВА Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). E-mail: pet.1703@inbox.ru

НОРИК Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boris.norik@mail.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

СУСЕЕВА Данара Аксёновна – доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (Элиста). E-mail: suseeva@gmail.com

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета. E-mail: alfokdo@mail.ru

ХОХЛОВА Валентина Павловна – бывший научный сотрудник Института Африки РАН, в настоящее время на пенсии.

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург, Германия. E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de